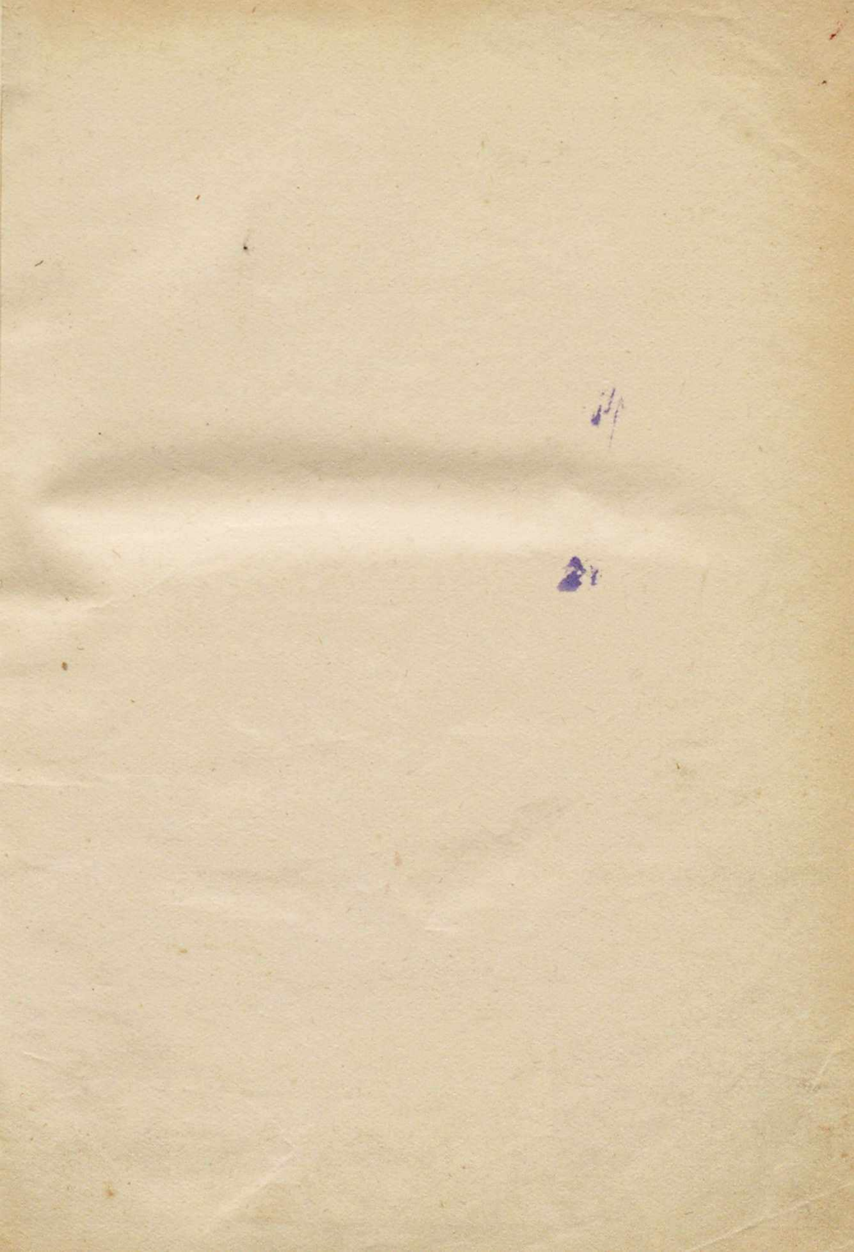
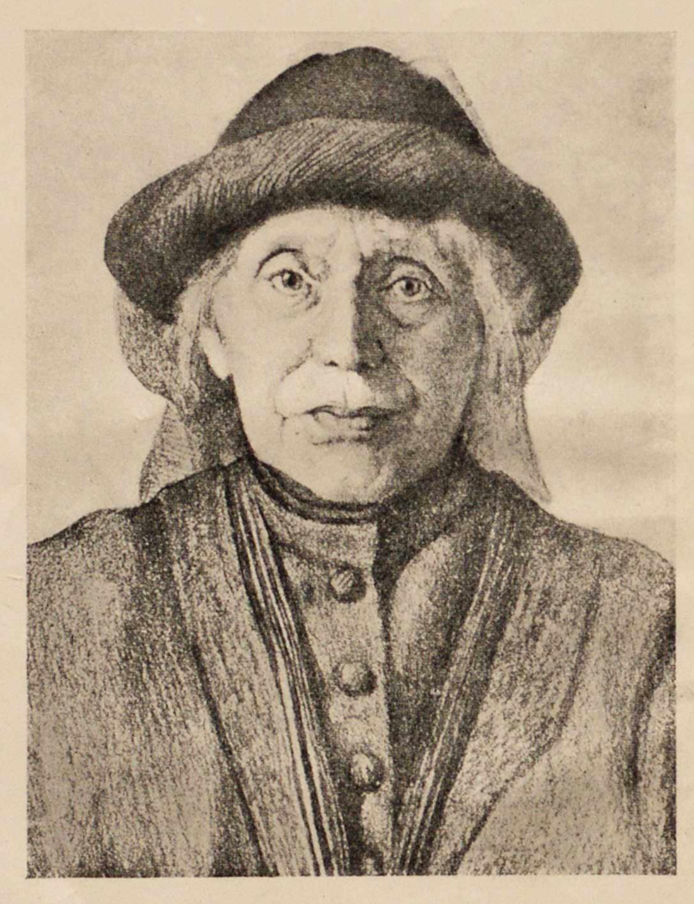

ВРУБЕЛЬ

П. И. Нерадовский.

Портрет А. А. Врубель.

ИЗ ПРОШЛОГО РУССКОГО ИСКУССТВА

М. А. ВРУБЕЛЬ

ПИСЬМА К СЕСТРЕ
ВОСПОМИНАНИЯ О ХУДОЖНИКЕ
АННЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ ВРУБЕЛЬ
ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ ОТЦА ХУДОЖНИКА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. П. ИВАНОВА

КОМИТЕТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИЗДАНИЙ
ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ЛЕНИНГРАД
1929

Ленинградский Областлит № 15976 Тираж 2000 — 13 л. Заказ № 475
Государств. тип им. Евг. Соколовой. Ленинград пр. Красных Командиров, 29

Публикуемый здесь материал образуют: 1) письма М. А. Врубеля к его сестре Анне Александровне Врубель, 2) те места из писем к ней же их отца Александра Михайловича, в которых он говорит или даже просто лишь упоминает о сыне, и, наконец, 3) воспоминания самой Анны Александровны. Несколько лет тому назад, передавая письма брата и отца Художественному Отделу Русского Музея [1]), покойная Анна Александровна выверила их датировку, расположила в строго хронологическом порядке и снабдила их некоторыми объяснительными примечаниями; тщательно пересмотрев письма отца, она сделала из них вышеупомянутые выдержки и одновременно написала свои собственные воспоминания. Таким образом, в издаваемом материале собрано все то, касающееся художника, чем располагала стоявшая к нему с детства до последних его дней в самых близких и дружеских отношениях

[1]) В 1921 г. эти письма приобретены были у А. А. Врубель Комитетом Общества Поощрения Художеств и принесены им в дар Художественному Отделу.

родная сестра. Перед нами источник для биографии Врубеля, единственный по непосредственности и полноте; все остальные служат лишь дополнением к нему: небольшое количество писем мастера к жене, с которой ему почти не приходилось разлучаться, и некоторым другим лицам; выдержки из „Дневника Е. И. Ге“, „Воспоминания О. А. Александровой“, воспоминания, рассеянные в книге С. П. Яремича, „Записках Н. И. Мурашко“, в появившихся вскоре после смерти художника статьях д-ра Усольцева, Н. К. Рериха и др., носят, при всей их ценности, отрывочный и случайный характер; они касаются или отдельных периодов его жизни или даже лишь отдельных ее эпизодов. В виду вновь проявляющегося интереса к мастеру и особого значения врубелевского архива, оставленного Анной Александровной, его издание является делом вполне своевременным.

Правда, первая группа публикуемых архивных материалов, письма к сестре, отчасти уже использованы в литературе о Врубеле. Четыре обширных письма академической поры и некоторые другие цитировались, и неоднократно, почти целиком или в крупных выдержках; эти цитаты содержат: или какой-нибудь связный рассказ, напр., о работе над одним акварельным этюдом 1883 г., в которой художник впервые по-настоящему нашел самого себя

письмо № 12), или сравнительно подробное развитие каких-нибудь мыслей, главным образом мыслей об искусстве, напр., о передвижниках и Рафаэле (письмо № 9). Но уже не говоря о том, что эта группа материалов использована лишь частично, в главной же массе своей оставалось до сих пор неизвестной, каждый может убедиться, что даже такие, имеющие относительно самостоятельное значение, цитаты приобретут отчасти новый, более конкретный и законченный смысл, если их читать в связи с остальным текстом содержащего их письма, а самое письмо — в связи с предыдущими и последующими.

Тем заметнее это выступит там, где сообщение или мысль переданы автором лишь отрывочно и вскользь. Например, в двух письмах, № 34 и № 38, упоминается о „душевной призме“. Пока мы имеем дело только с теми фразами, в которые это выражение непосредственно входит, нам понятно лишь то, что под ним Врубель разумеет индивидуальный стиль художника. Но если внимательно читать оба письма с начала до конца, сопоставляя их и, что особенно важно, вдумываясь в те места, которые на первый взгляд не имеют к „призме“ никакого отношения, — самые слова о призме получат следующий более глубокий и значительный смысл. — Субъективная призма стиля или художественной формы противопоставлена здесь объективному со-

держанию, т.-е. преломляемой сквозь нее объективной природе, напр. — существующему в реальной природе пейзажу, или даже фотографическому с него снимку, поскольку последний не вносит от себя ничего субъективного и по существу аналогичен простому отражению в зеркале. Но есть между субъективным и объективным в то же время и какая-то реальная связь, внутреннее соответствие, даже совпадение. Как бы ни был субъективен, вернее индивидуален, тот аспект, который принимают реальные образы и предметы под преломляющим действием призмы, он таится, содержится в них же самих; призма не навязывает его им извне и от себя, а находит, открывает его в самих же образах и предметах. Навязанным природе аспект становится только когда он надуман, лишен инстинктивно ощущаемой нами подлинности, т.-е. когда сама призма художника или изначально тускла, или потускнела от слишком своенравного ею пользования. И, если она потускнела только временно, новое пытливое стремление разглядеть сквозь нее подлинную природу, и только оно одно, возвратит аспекту его подлинность, прочистит призму, протрет ее как запотевшие очки. Тогда даже в орнаментике и архитектуре, этой немой музыке отвлеченных от всего образного, беспредметных форм, линий и цветов, стиль станет подлинней, очистится от капризов беспочвенного фантазирования; ибо

ведь и она в последнем счете почерпнута из объективных данностей природы. — Таков приблизительно смысл этих двух писем; анализ их текстов, если читать их целиком и один за другим, показывает, что они содержат, правда в очень эскизном и неразработанном виде, взгляд Врубеля на одну из важнейших проблем теории искусства: на соотношение между стилем и природой и на возможность художественного реализма. И приведенный пример, конечно, не единственный. Имея перед глазами все письма, собранные вместе и расположенные в хронологическом порядке, анализируя и сопоставляя, внимательный читатель, по рассеянным в них здесь и там намекам, несомненно восстановит еще не одну доселе не отмеченную подробность в воззрениях Врубеля, не одну новую деталь в его биографии и истории его произведений.

Почти во всех выдержках из писем отца неизменно слышатся горечь от видимого безучастия сына к родной семье и тревога, что годы идут, а он все еще не сумел создать себе положения и живет чуть ли не в нищете. Александр Михайлович стоял в стороне от искусства, и не имея возможности судить о его художественном росте иначе, как по внешним успехам, постоянно терзался мыслью, что сын его неудачник; — так по крайней мере было до конца 90-х годов, когда имя Врубеля стало при-

обретать известность. Эти горечь, тревога и чувствуемая за ними глубокая любовь побуждают его почти в каждом письме к дочери то делиться с нею вестями о сыне, то спрашивать в свою очередь, что она знает о нем, то просто сетовать на его молчание. Три или четыре между этими отрывками, написанные после личных очень редко случавшихся свиданий с сыном, представляют высокий, для каждого очевидный биографический интерес. Большинство остальных содержит сообщения о письмах сына, также не частых, или о том, что удалось узнать о нем со стороны, и потому не имеет столь же непосредственного значения. Но обилие упоминаемых в них фактов из жизни художника, их правильная периодичность и точность датировки делают из них род дополнительной хроники, ценность которой поймет будущий исследователь. Будущий исследователь не найдет излишними даже такие краткие и малозначущие сообщения, как „от Миши ни слова“ или „Миша опять замолчал“; он оценит их хотя бы как свидетельство, что в публикуемых здесь выдержках письма отца в качестве материала по Врубелю действительно исчерпаны до конца.

Значения „Воспоминаний сестры“ нет необходимости подчеркивать. Как прежде, передаваемые ею устно, так и теперь написанные, они неизбежно

являются первой основой для каждой биографии Врубеля. Жизнь своего брата Анна Александровна описывает так же, как прежде о ней рассказывала: она держится фактической стороны событий, не входя во внутреннюю их оценку, передает периоды, которых была свидетельницей, скорее в общих чертах, лишь изредка останавливаясь на отдельных эпизодах. Подробнее, чем это приходилось от нее слышать, описаны история болезни художника, последние четыре года проведенные в лечебнице и его смерть.

Анна Александровна скончалась лишь полгода назад, 11 июля прошлым летом. В книге, где публикуется сохраненный ею драгоценный архив, уместно сказать несколько слов и о ней самой.

Письма в известной мере характеризуют и того, кто их писал, и того, кому они писаны. В письмах Врубеля к сестре, уже в самом тоне их, слышится не только теплое чувство любви, но и глубокое уважение: он говорит с ней, как с равным человеком, как с высоко ценимым другом, чей ясный ум и большое сердце, хорошо известны ему из долгого опыта. Он делится с ней заветными своими мыслями даже по самым специальным отвлеченным вопросам искусства и не задумывается признаваться ей в вещах, которыми не имеет основания гордиться, заранее уверенный, что она все оценит, все

поймет и, если нужно, простит. И такое отношение Врубеля к своей сестре не кажется неожиданным для тех, кому довелось лично знать Анну Александровну и самому преклоняться перед шириной ее кругозора и редкой культурностью, ее высоким благородством и бесконечной добротой, ее чуткой отзывчивостью и мудрым душевным тактом. Кто шел к ней сперва лишь для того, чтобы познакомиться с сестрой знаменитого Врубеля, скоро находил в ней высокую человеческую личность, драгоценную саму по себе, не нуждающуюся ни в каком заимствованном свете. Скромная той скромностью, что коренится во внутреннем достоинстве и подлинной гордости, обладавшая редким искусством, воздавая должное другим, промолчать о самой себе, она поистине принадлежала к той категории людей „долга, чести и труда", о которой с таким преклонением высказался однажды ее брат. Действительно, вся жизнь ее прошла в педагогическом труде, и до последних своих дней она еще продолжала давать частные уроки.

Даже в преклонных летах, после пройденной трудовой жизни и ряда тяжелых потерь она сохранила неувядающую молодость духа, какой-то особый сердечный пафос, учивший ее видеть лучшее в хорошем и не закрывать глаза на хорошее в дурном. Ей совершенно была чужда часто свойственная старым людям склонность к недовольству, жа-

лобам и воркотне; наоборот, свою бодрость и хорошее расположение духа она внушала даже тем, кто был значительно ее моложе. Вас охватывало радостное и трогательное чувство, когда случайно на улице вы встречали ее, маленькую хрупкую старушку с креповой вуалью на шляпе, в черном платье или мантильке, осторожно пробирающуюся по тротуару, опираясь на палочку, видели приветливую улыбку на милом старческом лице, умевшем несмотря на седину и морщины так юношески вспыхивать и оживляться, слышать ее голос и проникнутые милой, несколько старомодной любезностью слова. Когда два года назад из-за болезни ног она уже не могла выходить из дома и была принуждена день за днем проводить сидя в кресле в своей одинокой, часто нетопленой комнате, это не вызвало в ней никакого уныния. Не в шутку утверждала она, что болезнь для нее даже выгодна: благодаря ей она прочла и перечитала ряд книг, до которых ей раньше не было возможности добраться; благодаря ей друзья навещают ее чаще прежнего. Действительно в ее комнате нередко можно было застать целое общество; шел оживленный и веселый разговор, и всех оживленней и веселей была сама хозяйка. Бывало, узнав, что она себя нехорошо чувствует и собираясь ее проведать, вы заранее давали себе слово не сидеть больше часа, чтобы ее не утомить. На деле же ваш визит оказывался со-

всем непохожим на посещение семидесятилетней больной: завязывался разговор на самые животрепещущие и отвлеченные темы, затевался спор, нередко длительный и горячий, и вот вместо одного часа прошло уже два, а вам все еще не хочется уходить.

Ее глубокая любовь к брату была деятельной и самоотверженной, как и вообще все ее привязанности. С самого начала его болезни, особенно же с того времени, как он ослеп, ее жизнь стала служением ему, стремлением, насколько было в ее силах, облегчить его тяжелую участь. После его кончины все свои заботы она сосредоточила на вдове его, Н. И. Врубель. Пафос и романтизм присущие душевному ее складу сказались в ее благоговейном и каком-то торжественном отношении к искусству и художественному дарованию. Этим особым оттенком была окрашена не только любовь ее к брату, но и привязанность к невестке, перед которой она преклонялась и как перед замечательной артисткой, и как перед „музою Врубеля". Потеряв их обоих, она также служила их памяти, как при их жизни служила им самим. Она никогда вслух и перед другими их не оплакивала, — единственным наружным проявлением ее личной скорби была лишь креповая вуаль на шляпке, которой она не снимала со дня смерти своей невестки. Ее любимой мечтой и постоянной заботой за последние

Автопортрет

М. А. Врубель.

2

15 лет было поставить над их могилами на кладбище Ново-Девичьего монастыря большой художественно исполненный памятник, чтобы для всех было отмечено место, где погребен Врубель с его Музою. Это дело она считала долгом перед обществом; на него ушла большая часть денег от продажи тех нескольких картин мастера, что остались в ее распоряжении после смерти его жены.

Свою мечту Анне Александровне не пришлось осуществить до конца; этому помешал целый ряд внешних причин; удалось устроить лишь окружающий обе могилы высокий цоколь из черного мрамора. Но она оставила другой памятник своему брату, если не созданный, то собранный и сохраненный для нас ее любовью к нему и высокой, хочется сказать, рыцарской верностью его памяти: это лежащий теперь перед нами архив. Его значение оценит каждый, кому дорого русское искусство и его история. Те же, кто знал Анну Александровну, перечитывая его, лишний раз вспомнят и ее светлый, бесконечно трогательный образ.

А. Иванов.

Воспоминания Анны Александровны Врубель.

Чудный Гелиос озари мой ум твоим лучезарным светом, согрей мое сердце улыбкой Феба! [1]).

Дни жизни брата, в которых мне пришлось быть участницей, относятся к трем периодам его жизни — детству и отрочеству (1856 — 1872), затем ко времени первых лет пребывания его в Академии Художеств (1880 — 1882) и, наконец, к последним годам его жизни (1893 — 1910).

Предки художника со стороны отца, по мужской линии, были выходцы из прусской Польши (документальным свидетельством чего были дедовская немецкая библиотека); по женской линии — варшавяне (Милковские), при чем бабушка принадлежала к польской конфедерации.

Предки со стороны матери — по мужской линии — декабрист Басаргин, — по женской — член Финляндского Сейма Краббе.

---

[1]) Этот эпиграф подсказан мне горячею любовью брата к античному миру.

Брат родился в Сибири в г. Омске, куда забросила отца военная служба. Первое свидетельство о брате является в письме матери к сестре ее, жившей в Астрахани; письмо от 17-го мая 1858 г. (год этот был последним в жизни матери: в январе следующего она скончалась). Вот ее слова: „Миша спит всю ночь преспокойно“. Слова эти подчеркивают основную черту брата в раннем детстве — удивительное спокойствие, кротость. В моем сознании ранних лет жизни брат является нередко погруженным самым серьезным образом в рассматривание журнала „Живописное Обозрение“, а позднее иллюстраций к уцелевшим остаткам соч. Шекспира из вышеупомянутой дедовской библиотеки. Когда отец (в 1863 г.) женился вторично, и мачеха оказалась серьезной пианисткой, брат бывал прикован к роялю, слушая вдумчиво ее музыку.

Его называли в эти годы, в шутку, молчуном и философом. С годами нрав его становится более оживленным. Чтение детской литературы, в частности — выходившего в шестидесятых годах содержательного детского журнала „Дело и Отдых“, а позднее привезенных отцом из Петербурга книг „Génie des Arts“, „Les Enfants célèbres“, „География в Эстампах“ и др. служат брату часто материалом для домашних инсценировок, при чем героические роли особенно привлекают его (центральная фигура на большом незаконченном холсте

„Тридцать три богатыря“ из сказки „О царе Салтане“ живо напоминает мне брата в отроческом возрасте). Таким образом элементы живости, музыки и театра стали с ранних лет жизненной стихией брата. Потребность творчества в брате проявилась в 5—6-летнем возрасте. Он зарисовывал с большой живостью сцены из семейного быта; из них вспоминается мне между прочим одна, изображавшая с большим комизмом слугу, долговязого малого, называвшегося в шутку Дон-Базилио, энергично раздувающего самовар при помощи собственного сапога. Отец, заметив проявляющуюся в брате склонность, старался по мере своих скромных материальных средств способствовать развитию художественного дарования брата: так, во время, к сожалению, краткого пребывания семьи в Петербурге (1864 г.) отец водил 8-милетнего брата в рисовальную школу Общества Поощрения Художеств. Из рисунков брата, принесенных из этой школы, вспоминается мне копия с головы Аполлона. В следующем году, в Саратове, к брату был приглашен преподаватель рисования местной гимназии, некий Годин, познакомивший брата с элементами техники рисования с натуры.

В это же время брат начал более или менее серьезные занятия предметами гимназического курса под руководством широко понимающего свое дело преподавателя, некоего Н. А. Пескова, который,

помимо учебников, доставляя еще не редко интересные наглядные пособия к преподаваемым предметам и уделял время для экскурсий в холмистые окрестности города (при чем результатом являлись, между прочим, такие находки, как зубы акулы). В дополнение к характеристике дошкольных лет жизни брата считаю долгом прибавить следующий эпизод: В Саратов была привезена однажды, по всей вероятности для католической церкви, копия с фрески Микель-Анджело „Страшный Суд". Отец, узнав об этом, повел брата смотреть ее. Брат усиленно просил повторить осмотр ее и, возвратясь, воспроизвел ее наизусть во всех характерных подробностях. Следующие затем гимназические годы в Петербурге (V-ая гимназия, у Аларчина моста) и в Одессе (Ришельевская) отвлекают брата значительно от любимого искусства; он увлекается в первой естествоведением (при чем, между прочим, формует из мела целую систему кристаллов), а во второй — историей, по которой пишет, сверх нормы, большие сочинения на темы из античной жизни и средневековья. Зачитывается особенно Вальтером Скоттом и латинскими классиками, которых в каникулярное время читает с переводом вслух сестре. Рисованьем занимается в эти школьные годы только урывками, в часы досуга. Рисует, между прочим, по просьбе отца, почти в натуральную величину, портрет сестры, уезжающей на курсы в Петербург.

Этим заканчивается наша совместная жизнь и наступает разлука на 7 лет: два последние года гимназической и пять университетской жизни брата; с кратким впрочем перерывом осенью 1874 г., когда брат приезжает из Одессы для поступления в Петербургский университет. Время это вспоминается особенно в связи с нашими совместными посещениями Эрмитажа. Из них, между прочим, помню одно, когда, в силу очевидно, крайнего напряжения внимания и интенсивности впечатлений, с братом в конце обхода зал сделалось дурно.

В годы университетской жизни связь брата с искусством выразилась в многочисленных рисунках на темы из литературы, как современной, так и классической. Тут были Тургеневские и Толстовские типы (между первыми вспоминаются Лиза и Лаврецкий из „Дворянского Гнезда", между вторыми „Анна Каренина" и „Сцена свидания ее с сыном"), „Маргарита" Гете, Шекспировские „Гамлет" и „Венецианский купец", „Данте и Беатриса", „Орфей перед погребальным пламенем Эвридики" и он же, оплакивающий ее, и, вероятно, еще много других, ускользающих из моей памяти. В каникулярное время одного из промежуточных университетских курсов брат получил предложение сопровождать в путешествии за границу одного юношу с матерью, для занятий с первым латинским языком. Из Парижа и Швейцарии брат писал полные

интереса письма, сопровождая их текст набросками пером останавливавших на себе его внимание типов (письма эти, к сожалению, не сохранились). Последние годы университетского и отчасти академического периода брат жил в качестве репетитора-классика в полунемецкой семье одного коммерческого деятеля (тепло относившейся к нему), где ценил известный красивый уют, возможность еженедельного наслаждения музыкой (итальянская опера) и в особенности — близкого знакомства с массой снимков с созданий мировых гениев художественного творчества. Здесь брат встретился, между прочим, с одним из известных в то время архитекторов, для планов которого исполнял иногда мотивы художественных декоративных деталей — панно, большею частью, по выбору брата, из античной жизни.

По окончании университета брат с большим трудом отбывает, однако, воинскую повинность; затем пробует, склонясь на доводы отца, служит по юридическому ведомству; он весьма скоро убеждается в невозможности для себя продолжать эту деятельность, и поступает в Академию Художеств. Здесь он сходится на первых порах с товарищем по классу проф. Чистякова — Н. А. Бруни, а позднее с Серовым и Дервизом, которому адепты Врубеля обязаны горячею благодарностью за сохранность целой коллекции рисунков его академического периода. Из композиций брата на задаваемые Академией

темы мне помнятся две: 1) „Осада Трои“ и 2) „Орфей в Аду“ — особенно последняя, приковывавшая к себе поразительно разнообразной экспрессией массы теней Аида. Работа эта, исполненная на листе ватманской бумаги размером приблизительно около квадратного аршина, была сделана в одну ночь.

В ноябре 1882 г. наша временно совместная жизнь с братом (в семье отца) прерывается с тем, чтобы возобновиться только в 1893 г. в Москве. Этот промежуток времени отчасти отражается в письмах брата из Петербурга, Венеции, Одессы, Киева и Москвы.

В Москве я нахожу брата уже заявившим о себе в искусстве художником. Настроение его однако временами скорее угнетенное и материальное положение мало обеспеченное. В том и другом отношениях его значительно поддерживают полные сердечности дружеские отношения семьи П. Н. Кончаловского, редактора в данное время юбилейных изданий соч. Лермонтова, а позднее Пушкина, в иллюстрировании которых принимает участие брат. Живописные и скульптурные работы у Мамонтова и Морозовых составляют в это время главный импульс его творчества. Нельзя не признать, что первому из этих заказчиков (также как и его семье) принадлежит значительная доля участия в жизни брата, как художника.

В 1896 г. наступает нежданная перемена в жизни брата — он встречает свою мечту художника в лице тоже жрицы искусства певицы Надежды Ивановны Забела, ставшей затем его спутницей жизни и вдохновительницей целого ряда произведений художника, служа ему неизменно натурой, которую он особенно ценил, как таковую, между прочим, потому, как он говорил, что, позируя, „она умеет молчать". Свое уважение, преклонение перед ее талантом, как певицы, он выражал словами: „Другие певицы поют как птицы, а Надя поет как человек". Встреча этих двух влюбленных в искусство произошла при следующих обстоятельствах. Антреприза Московской Частной Оперы С. И. Мамонтова гастролировала в Петербурге в театре Панаева. Декоратор ее — художник Коровин — заболел и брат был выписан из Москвы, чтобы заменить его... и здесь, на спектакле оперы Гумпердинга „Гензель и Грета" брат был очарован исполнением Н. И. Забела роли Греты, и тут же, со всею горячностью, выразил свой восторг. Затем, с возвращением оперы в Москву, последовало быстрое сближение на почве искусства и личной, завершившееся свадьбой 28 июля 1896 г. в Швейцарии, где жила мать невесты ради больной младшей дочери. После свадьбы (в Женеве) молодые переехали в Люцерн, где и закончили летний сезон. Брат оканчивал здесь свой труд над серией панно на тему из Фауста — заказ Морозова, начатый еще

весной. Работы эти были прерваны заказом двух колоссальных панно для Международной выставки в Нижнем-Новгороде, для которого братом было намечено соответственно два сюжета: русский — былинный — „Микулушка Селянинович и Вольга Всеславич“, и западно-европейский — „Принцесса Греза“. Вследствие ли большой спешности при выполнении сделанных художником эскизов, для завершения в срок огромного размера панно, или в силу новизны трактовки, они не удовлетворили академическое жюри выставки; но по инициативе Мамонтова для них было отведено особое помещение на той же выставке. Художник же оказался в таком дефиците, что должен был закончить свое путешествие к невесте пешком. Два первых зимних сезона брат с женой жили пансионерами в симпатичной, радушной семье Братоновских — знакомых или, кажется, родственников Мамонтова — на Садовой ул. близ Сухаревой башни, а затем устроились самостоятельно, сначала на Пречистенке, потом на Лубянке, при чем приобрели все необходимое для домашнего уюта и даже некоторого комфорта с истинно артистической легкостью — чуть ли не в один день. Лето проводили они — одно в Риме, одно в имении кн. Тенишевой (в Смоленской и Орловской губ.). Остальные годы в Черниговской губ. на хуторе Ге, известного, тогда уже умершего, художника, сын которого был женат на сестре

жены брата Е. И. Забела. В Риме, кроме Сведомских, брат сблизился, между прочим, с художником А. Риццони на столько, что смерть последнего (самоубийство в 1902 г.) произвела на брата глубокое впечатление, вылившееся стихами в памяти погибшего собрата по искусству.

У кн. Тенишевой, единовременно с братом и его женой, гостили известная в свое время пианистка Ментер и не менее известный скульптор кн. Трубецкой, который делал бюст гостеприимной хозяйки дома. Отсутствующий в это время муж ее, возвратившись и увидя еще несовсем законченную работу скульптора, принял ее за изображение жены брата (между ними некоторые находили действительное отдаленное схóдство). Эпизод этот однако закончился тем, что раздосадованный скульптор тут же уничтожил свое произведение. После 2-х недель, проведенных в Талашкине (Смоленской губ), куда артисты приглашались на этот определенный срок. брату с женой предложено было провести остальную часть лета в Орловском имении тех же гостеприимных хозяев. При переезде туда, на конечной перед имением железнодорожной станции, гостей ожидал весьма элегантный экипаж с кучером англичанином или французом (не помню). Брат был несколько смущен вопросом, какой ему возможно дать гонорар; но по окончании пути решил дать pourboire в 3 руб. со словами: „Pour une boutelle de cherry", — чем тот был видимо удовлетворен.

Остальные годы брат с женой, как было уже упомянуто выше, проводили лето в Черниговской губ. на хуторе Ге, близ станции Плиски Киево-Воронежской ж.-д. Здесь оставалась еще в целости мастерская покойного художника, даже с наброском мелом на большой черной, вделанной в стену доске, его известной картины „Распятие". Эта мастерская была любезно предложена хозяевами хутора в распоряжение брата. Здесь были написаны несколько наиболее значительных вещей, как-то: два больших полотна „Сирени", „К ночи", „Царевна-Лебедь" и начат „Богатырь". Брат с увлечением работал здесь, устроив себе костюм профессионала — легко моющуюся белую длинную блузу. День проходил в работе, а вечером, часто в некотором уединении от родственного кружка, брат проводил, лежа на садовой скамейке под развесистым старым вязом, в сосредоточенном размышлении, очевидно, обдумывая свою работу, погруженный в царство своей художественной фантазии. Длинные прогулки, как и садовые игры, утомляли брата, поэтому он редко участвовал в них. Исключением среди этого passe-temps являлся день 28 июля — день свадьбы брата и невестки. Тут роль художника он менял на другую, тоже изредка ему симпатичную роль metre d'Hotel'я. Брат шутил при этом, говоря, что не будь он первым, он избрал бы профессию второго. Обыкновенно накануне предпринималась поездка

в Киев для расширения меню. Затем разводился костер, происходило жарение на специально заказанном для этого вертеле, и шло угощенье, относительно конечно, в более или менее широких размерах; после чего наступали неизбежные дни экономии для приведения в равновесие бюджета.

Но вот наступает 1901 г., отмеченный крупным семейным событием — рождение сына. Родители, с горячей радостью ждут появления на свет будущего, делаются самые тщательные приготовления; но их ожидает глубокое огорчение: мальчик рождается, в смысле общего сложения, прелестным, с каким-то поразительно сознательным взглядом, но и с первым признаком дегенерации — раздвоенной верхней губкой. Это так глубоко поражает брата, что вскоре наступает постепенное и неуклонное погружение, если можно так выразиться, психики брата в стихию его конечного „Демона". Начинает преобладать угнетенное настроение в связи с лихорадочной работой, что продолжается вплоть до водворения картины на выставке в начале 1902 г., после чего настроение переходит в редкое возбуждение. Он намеревается ехать в Париж и там выставить своего „Демона" под титлом „Ikone"; пишет в четыре сеанса, портрет своего нежно-любимого сына, при чем придает его облику то выражение крайней тревоги, которую очевидно переживает сам, сосредоточиваясь на том, что ждет его в жизни.

С весны 1902 г. начинаются последние, скорбные годы жизни брата, годы его душевной болезни, с двумя однако светлыми промежутками: первый — с февраля по май 1903 г., второй — с июня 1904 г. по март 1905 г.; после чего, через год, наступает быстрое падение зрения, а затем и окончательная потеря его, при чем, как ни странно, является сравнительное успокоение, просветление психики, осознанное самим художником с поразительной кротостью.

Переходя к более детальному изложению этого периода жизни брата, вспоминаю консилиум московских врачей (25 марта 1902 г.), произведший на заболевающего тяжелое впечатление: он пришел к печальному выводу, что врачи не понимают психики его — художника. Они усиленно настаивают на необходимости отдыха в деревне, на лоне природы, или, по крайней мере, вдали от шумной жизни большого интеллигентного центра. Брат (очевидно сознавая свою неуравновешенность) решает отвезти свою жену и сына к тестю в г. Рязань; сопровождает их, но там, в силу своего возбужденного состояния, оставаться не может. Возвращается через несколько дней в Москву, где на вокзале ждет его уже врач, чтобы проводить в лечебницу. Наступает период столь сильного везбуждения, что на полгода прерываются свидания даже с самыми близкими людьми — женой и сестрой. Первые четыре месяца

своей болезни брат провел в частной лечебнице, так как московские клиники были закрыты на каникулярное время. В числе врачей этой лечебницы был один, стоявший ближе к искусству. Он говорил, что заслушивался бредом художника, так был он интересен своим содержанием. Поднимался вопрос о переводе брата в одну из заграничных лечебниц. Вспомнив, что проф. Мечников зная брата в Одессе еще гимназистом и с симпатией относился к нему, сестра писала проф. в Париж, прося о содействии, на что он не замедлил дать положительный ответ. Один юный поклонник музы брата, некто Влад. Влад. Мекк, тогда еще студент московского университета, человек располагавший значительными материальными средствами, выразил полную сердечности готовность лично устроить это и даже проводить брата; но московские врачи решительно настаивали на том, что путешествие и резкая перемена обстановки могут иметь последствием нежелательное потрясение нервной системы больного, а потому вопрос этот так и не разрешился в положительном смысле. Осенью с открытием Университетской Психиатрической Клиники (имени Морозова) брат был переведен туда, под ближайшее наблюдение проф. Сербского, который был приглашен к брату первым в самом начале заболевания. Здесь наступило значительное успокоение психики брата, хотя временами замечалась еще некоторая спутан-

ность мысли. Брата посещали здесь, кроме жены и сестры, Мекк Вл. Вл., Л. П. Кончаловский, Лансере. Студенчество клиническое относилось к брату с трогательной симпатией, устраивая ему в его светлые часы развлечение музыкой и поэзией. Сам же брат творить в своей области искусства в тот период еще не мог, и это крайне угнетало его, особенно после оставления клиники в конце февраля 1903 г. Врачи советовали, для восстановления сил больного, по выходе из лечебницы, провести начало весны в Крыму, а затем в обстановке деревни. К сожалению, поездка в Крым оказалась мало удачной, отчасти вследствие нежданно холодной погоды; главным же образом потому, что брат чувствовал свою беспомощность в отношении своего любимого искусства, что приводило его моментами в глубокое отчаяние. Выходя из вагона по своем возвращении, брат с горечью сказал: „Какой я путешественник!“ Довольный возвращением к своей любимой семье, брат провел с нею около месяца: а затем, опять-таки по любезному предложению Влад. Влад. Мекка, направился (согласно предписания врачей) с женой и сыном (Саввочкой) в имение этого последнего в Киевской губернии. С радостным чувством, вспоминала потом жена брата, въехали они в Киев, где оба делали свои первые шаги на поприще искусства и где были встречены старыми друзьями-художниками С. П. Яремичем, В. Д. Замирайло и Коваль-

ским. Но, к сожалению, радость эта была жестоко сменена глубоким горем. Маленькому Врубелю суждено было, не доехав до хутора Мекк, остаться на Киевском кладбище Байковой горы [1]), а скорбная чета Врубелей, направившаяся было на хутор, так невыносимо почувствовала себя на лоне природы, осиротевшей, что брат через неделю категорически заявил: „Везите меня куда-нибудь (подразумевая лечебницу), а то я вам наделаю хлопот". Так как московские клиники летом закрыты, решено было, сообща с братом, ехать в Ригу, где ожидались более или менее благоприятные условия. По приезде в этот город, брат сам выбрал городскую лечебницу, так как там оказался врач, знакомый ему по Петербургу (д-р Тиллинг). Жена и сестра ежедневно навещали больного, но вскоре врач нашел, что свидания с близкими неблагоприятно действуют на него, так как напоминают о недавно пережитом. Тогда было решено перевезти брата за город, в частную лечебницу, более удовлетворяющую в гигиеническом отношении. Настроение брата продолжало быть глубоко подавленным, — настолько, что когда сестра приехала за ним осенью (жена уезжала в Швейцарию к больной матери), он встретил ее словами: „Ты знаешь, я, кажется, разучился говорить". С от-

---

[1]) Он простудился в нетопленном (по сезону) вагоне и не перенес крупозного воспаления легких.

крытием Морозовской клиники брат опять возвратился в нее. И тут вновь почувствовал улучшение, в том смысле, главным образом, что стал в состоянии работать и читать. Возможность эта обратилась однако вскоре в неумолимую потребность, которая увлекала его днем и ночью. Это, конечно, не могло не отразиться на физических силах больного, и вот к весне, в связи с некоторой простудой (в садовой беседке во время дождя), разрешившейся ревматизмом в суставах, к чему присоединились и тяжелые воспоминания прошлой весны, (потеря сына, кот. брат иногда сравнивал с маленьким Эйольфом), у него является полная атрофия аппетита и такая изнуренность, что его возят в кресле. Но тем не менее больными от ревматизма руками он рисует без конца, почти не выпуская из рук карандаша. А когда минует период тяжелых воспоминаний и ревматические боли стихают в силу лечения, к началу июня 1904 г., художник быстро будто по волшебству, возрождается — „воскресает", как выражается о нем однажды мать приятеля Врубеля — Серова. За этот последний период пребывания брата в клинике написан между прочим большой холст „Азраил". Для полного однако завершения лечения проф. Сербский советует жене брата перевести его на лето в один частный санаторий, находящийся в Петровском парке. Жена и сестра поселяются на даче по-близости, и брат, живя у док-

тора, ежедневно бывает и дома. Здесь он остается до осени, когда вместе с женой, получившей приглашение в состав группы Мариинского театра, переезжает в Петербург. Тут поселяются они в одном из ближайших к данному оперному театру домов, стоящем одним фасадом непосредственно за Консерваторией, другим — выходящим на Екатерининский канал (№ 105). Здесь посещают их многие лица из художественного и музыкального мира.

В остальное время брат погружен в свою работу почти беспрерывно, оставляя ее только по необходимости и неохотно, разве только для ежедневной прогулки с женой. Он заканчивает портрет этой последней „На фоне березок", начатый летом в Москве, принимается за автопортрет, над которым работает с несвойственной ему дотоле интенсивностью. Затем пишет „Жемчужину", которая, по инициативе Дягилева, появляется (19 — 7/1 — 05 г.) на выставке художественного товарищества „Мир Искусств" в залах Академии Художеств. Что же касается автопортрета, то, не взирая на энергичные настояния Дягилева, брат не пожелал сделать его объектом выставки, считая его вещью интимного характера, и даже, в горячности, чтобы окончательно выразить протест быстрым движением снял часть красок с его лица. Непосредственно за этими двумя работами брат принялся одновременно за две другие: а) Больших размеров холст, долженство-

вавший изобразить отдыхающую после концерта жену, на кушетке у горящего камина, в туалете исполненном, по замыслу брата, в четыре слоя легких тканей различных нюансов; у ног — тетради нот и корзина цветов. Холсту этому, к сожалению, не суждено было быть законченным по причине наступления нового и уже последнего периода болезни художника. Осталось далеко незавершенным, скорее едва только намеченным лицо. Холст этот находится в настоящее время в Риме, куда был перевезен из Венеции (Международная Художественная выставка 1914 г.). При этом невольно является случайное совпадение места первых самостоятельных художественных работ брата (в этом полном поэзии культурном центре) с последним большим произведением его творчества; б) Параллельно с этой главной, большой работой, брат возвращается еще раз к своей любимой „Жемчужной раковине", изображая ее в несколько большей величине и с большим числом фигур в ее окруженности, при чем делает целый ряд этюдов с нее акварелью и карандашом. За этот же период сделано братом два рисунка театральных костюмов для жены: „Снегурочки" и „Иоланты". Между тем все перипетии театра и выставок „Мира Искусства" и затем „Исторического Портрета" настолько поднимают нервную деятельность брата, уже значительно потрясенную предшествующими переживаниями, что в начале

марта того же 1905 г. равновесие его психики нарушается настолько, что с согласия его самого, вызванный из Москвы Усольцев (в санатории которого в Петровском парке жил в прошлом году) увозит его к себе. Накануне отъезда (5-го марта) [1]) брат приглашает своего друга юности Г. Х. Весселя (брата мачехи) и своего любимого академического профессора П. П. Чистякова, желает видеть свою жену в костюме, в котором изображает ее на холсте, работал над которым последнее время с лихорадочным жаром, и вообще как бы прощается с тем, что ему особенно близко и дорого. Затем едет на выставку только что возникшего „Нового Общества Художников", привозит оттуда с собой художника Кардовского, радостно приветствует юное общество и восхищается внешностью его представителя. Вечером, в сопровождении доктора, едет в Панаевский театр, куда встревоженная приезжает жена, и здесь, как потом вспоминает брат, они видятся в последний раз (в нормальной жизни): там же, где они встретились в первый раз. (Он — как художник - декоратор, она — как исполнительница партии Греты). И вот наступает последний скорбный период жизни брата, начинающийся опять страшным возбуждением, длящимся весну, лето и начало осени и сменяющимся затем подавленным, угнетенным со-

[1]) День рождения брата.

стоянием духа. Доктор разрешает, наконец, свидания с больным, и жена с сестрой ездят по-очереди навещать брата, пока в январе 1906 г. не обнаруживается роковая опасность для него потери зрения. Тогда решен был переезд брата назад в Петербург для возможности ежедневного посещения его. Так как оперная работа удерживала жену брата здесь, то пришлось сестре отправиться в Москву и после некоторого, довольно длительного совместного пребывания с братом в санатории, где брат был занят, между прочим, работой еще над потретом В. Брюсова, после совещания с врачами Усольцевым и Оршанским, сестре удалось благополучно совершить с братом переезд в Петербург, где его ждала уже жена, с тем, чтобы, по рекомендации доктора Оршанского, направить его в лечебницу доктора Конасевича, как особенно комфортабельную. Однако, комфорт и даже некоторая роскошь обстановки лечебницы имели мало значения для брата, так как ослабление зрения достигало уже почти своих крайних пределов, а между тем отдаленность лечебницы (Песочная улица) и строгая регламентация свиданий являлись препятствием в нашей посильной помощи брату. Поэтому, с общего согласия, брат после двух-трех месяцев, был переведен в более близкую и с менее строгим режимом лечебницу доктора Бари, где время свиданий было неограниченно, так что ежедневно можно было присутствовать при обеде брата, гулять с ним

в саду и проводить, по усмотрению, часть дня. С потерей зрения, как это ни кажется невероятным, психика брата стала успокаиваться. При входе в лечебницу д-ра Бари брат обратился к нему со словами: Психика моя в настоящее время покойна, полечите мне зрение, доктор".—Но увы! оно было уже безвозвратно утрачено. Сеансы у ассистента известного окулиста Домберга и совещание о больном с европейской известностью Харьковским проф. Гиршманом результатов не имели. Единственным утешением больному оставались чтение вслух и музыка. В общежитии больных, как назвал то отделение лечебницы, в котором находился брат, посетивший его однажды художник Серов, один из сотоварищей по несчастью, был бывший врач и очевидно страстный музыкант; он доставлял брату иногда приятные часы, исполняя Бетховена, а другой — музыкант-профессионал чех — наигрывал мотивы своей музыкальной родины. Но, конечно, больше всего радовало брата пение жены; она даже изредка приезжала для этого с акомпаниатором. Сам брат также иногда напевал из оперы Садко — песнь Варяжского гостя и один любимый романс. Случалось также, что они напевали дуэты. Так догорал жизненный закат брата! Наряду с музыкой он жил и чтением, при чем указывал сам, что бы он желал в данное время перечесть: так у доктора Усольцева еще он с живым интересом слушал Историю итальянской

живописи Quatrocento и Quinquecento; теперь же желал пересмотреть по возможности западно-европейских и русских классиков. Из последних особенно любил (не считая, конечно, Пушкина и Лермонтова) Тургенева и Чехова: „Стихотворения в прозе“ первого и „Степь“ второго были перечитаны не один раз. Непростительной ошибкой было с моей стороны не записывать при этом ежедневно полных часто интереса бесед этого столь жестоко преждевременно выброшенного из жизни человека с крайне чуткой, глубокой душой. Перевод брата в последнюю лечебницу имел в виду в значительной степени то обстоятельство, что она находилась на Васильевском острове, вблизи Академии Художеств, и представляла таким образом некоторые шансы к общению с художественным миром; но, к сожалению, расчет этот не оправдался: брат видимо тяготился и, по возможности, отклонял посещения своих прежних друзей по искусству, так как очевидно это причиняло ему слишком тяжелые переживания невозможности для него возврата в эту область. Посещения же близких — жены, бывавшей в свободное от своих музыкальных занятий время, и сестры, проводившей ежедневно с ним часть дня, он всякий раз горячо приветствовал и благодарил за то, что разделяют с ним его одиночество. Свидание начиналось обыкновенно (при благоприятной погоде) с прогулки в саду, что он очень ценил;

затем его обед и чтение. Последний год жизни брат все настойчивее отказывался от мяса, говоря, что не хочет есть убоины, так что ему стали давать вегетарианский стол. Силы его постепенно падали. Иногда он говорил, что „устал жить“. Сидя в саду в последнее лето своей жизни он как-то сказал: „воробьи чирикают мне — чуть жив, чуть жив!“ Общий облик больного становился как бы все утонченное, одухотвореннее. За несколько дней до его последнего уже смертельного физического заболевания пришлось мне невольно любоваться его тонким, глубоко сосредоточенным обликом, в придуманном им самим для себя костюме — (черная камлотовая блуза с белым воротничком и такими же обшлагами) и пледе. Но вот при одном из воскресных совместных посещений жены и сестры (в середине февраля) с братом делается (около 2-х часов дня) внезапно страшный потрясающий озноб (результат, как кажется, умышленного стояния под форточкой). Начинается воспаление легких, переходящее затем в скоротечную чахотку и через шесть недель, в тот же час (1-го апреля) брата не стало. Он шел к концу с полным спокойствием; сказав как-то, что через месяц его легкие будут как решето. В последний сознательный день, перед агонией, он особенно тщательно привел себя в порядок (сам причесался, вымылся с одеколоном), горячо поцеловал с благодарностью руки жены и се-

М. А. Врубель.

Портрет жены художника.

стры, и больше уже мы с ним не беседовали: он мог только кротко отвечать на вопросы, и раз только ночью, придя в себя, сказал, обращаясь к человеку, который ухаживал за ним: „Николай, довольно уже мне лежать здесь — поедем в Академию“. В словах этих было какое-то предсмертное пророческое предчувствие: через сутки приблизительно брат был, уже в гробу, торжественно перевезен в свою alma-mater.

Для характеристики личности брата могу сказать, что он был абсолютно аполитичен, крайне гуманен, кроток, но вспыльчив. К религии его отношение было таково, что, указывая на работу, которая поглощала его в данное время, он сказал как-то: „Искусство — вот наша религия; а впрочем — добавил он — кто знает, может еще придется умилиться“. Его девиз был „Il vera nel bella“ (Истина в красоте).

Анна Врубель.

стры, и болезнь уже шла, с ним не было разговоров, он мог только кротко отвечать на вопросы. И вот только когда, придя в себя, сказал, обращаясь к человеку, который ухаживал за ним: „Николай, довольно уже мне лежать здесь — поедем в Алексино". В словах этих было высокое прощальное пророческое предчувствие, через сутки приблизительно брат был уже в гробу, торжественно перевезен в свою Алексино.

Как характеристика личности брата хочу сказать, что он был абсолютно аполитичен, вообще гуманен, кроток, не воинствен. К религии его отношение было таково, что, указывая на работу, которая поглощала его в данное время, он сказал мне: „Искусство — вот наша религия; а впрочем добавил он, — кто знает, может еще придется умилиться". Его девиз был „Il vero pel bello" (Истина в красоте).

Анна Боткина

ПИСЬМА М. А. ВРУБЕЛЯ К СЕСТРЕ

1. 1872 г. Октябрь. Одесса.

Тысячу, тысячу раз завидую тебе, Милая Анюта, что ты в Петербурге: понимаете ли вы, сударыня, что значит для человека, сидящего в этой трепроклятой Одессе, намозолившего глаза, глядя на всех ее дурацких народцев, читать письма петербуржца, от которых так, кажется, и веет свежестью Невы.

Parbleu, madame! (ты еще, вероятно, не забыла, кто так выражается). Я еще тысячу раз повторяю, что задыхался от зависти, когда читал ваше письмо, в котором без сомнения тьма достоинств, о — тьма неотъемлемых достоинств, и только один крошечный недостаток, что хотя от него и веет Петербургом, так как оно написано в Петербурге, на петергургской бумаге, петербургскими чернилами, но в строках не видно и тени Петербурга. Помилуйте сударыня, неужели у вас так мало впечатлительности, восприимчивости и т. д. (об остальном справьтесь в любой теории словесности или в какой-нибудь критической статье Белинского), что он не произвел на вас никакого впечатления, ничего такого, что,

будучи передано на бумагу, дало бы весьма приятное и интересное чтение для известной вам личности Михаила Врубеля, пресмыкающегося в солончаковых степях Скифии, или, проще, обитающего в городе Одессе. Далее, сударыня, вы должны были мне подробно (написать) о Жорже [1]), вы мне это обещали еще в Одессе, а где же исполнение этого обещания? Итак, написать мне о Петербурге и о Жорже, да поподробнее! если же вы этого не сделаете, „то я вам затоскаю единицу и дело с концом", как говаривал некогда незабвенный Афеноген Тарапианович. — Mais en voilà assez de grognerie! Порасскажу-ка я тебе лучше о нашем житье-бытье. Папашины рожденья мы провели в семье — гостей не было никого. Утром папаша, Лиля [2]) и я отправились в католическую церковь, отслушали мессу, затем пили кофе, обедали, а вечером отправились в Итальянскую оперу. Давали „Crispino и Camore": опера, по моему, прехорошенькая, да и исполнение очень порядочное. Примадонна soprano Талиони имеет, хотя и обработанный, но очень маленький голос, так что она никуда не годилась в роли Джульеты в опере „Montecci et Capouletti", опере серьезной (которую мы слышали незадолго до того), но зато в „Crispino et Camore" elle etait à admirer.

---

[1]) Брат мачехи, сверстник и товарищ детства (гениальный юноша).

[2]) Сестра от второго брака отца, девочка 5 — 6 лет.

Прошлое воскресение я еще видел „Ревизора“. Берг в роли городничего был хорош, только в некоторых местах немного утрировал, — это всегдашний его недостаток. Васильев в роли Осипа был неподражаем, Хлестаков во втором акте был хорош, но в третьем, увы, очень плох: он врал умышленно, обдуманно, а не увлекаясь и спьяна, поэтому и конец монолога, где он, увлекшись спотыкается и поддерживаемый городничим и всеми присутствующими, идет спать, был чрезвычайно неестествен. — Лиля [1]) теперь часто разъезжает по театрам [2]): она была с нами в опере, но конечно „Brigands“ произвели на нее больше впечатления, чем последняя; она даже принималась несколько раз канканировать под звуки кадрили из „Brigands“, которую поет всю от начала до конца; из нее непременно выйдет отличная певица, — она уж и теперь поет под аккомпанимент детские песенки, исполнение которых чрезвычайно трудно, потому что, сколько не ищи, в них не докопаешься ни до смысла, ни до мотива. В чтении мы также делаем успехи. Толстяк Володька [3]) почти все болтает и между прочим уверяет, что он „Воя Вубей“.

Я рисую масляными красками портрет покойного

---

[1]) Сестра от второго брака отца, девочка 5 — 6 лет.

[2]) Вследствие знакомства мачехи с труппой французской оперетты.

[3]) Брат от второго брака отца.

Саши [1]); выходит недурно: даже мамаша призналась, что сходство большое. Prochainement буду я рисовать Володьку к 15 декабря [2]). Да, кстати о портретах: твой портрет окончен и висит за стеклом над диваном у папаши в кабнинете. Теперь несколько слов о гинназии. Ты уже знаеш о новом циркуляре министра, по которому к экзамену после 1-го года в 7 классе будут только допускаемы лучшие ученики; он произвел отличное действие на наш 7 класс: все трудятся, всем хочется попасть в разряд хороших, так что инспектор, который вместе с тем и классный наставник нашего класса, очень лестно отозвался о прилежании 7 класса. Есть у нас некоторые учителя, в числе которых стоит и наш знаменитый латинист Опацкий, которые положительно отказались, кажется, содействовать нашим стараниям; ему досадно, что ученики, которым он ставил так часто прежде единицы, заставляют его ставить им 3 и 4, и потому он ужасно придирчив и получил даже за это строгий выговор от директора. Зато есть и такие учителя (которым мы, кажется, всю жизнь останемся благодарны), которые всячески стараются помочь нам окончить 7 класс в один год; таков, например, учитель физики и математики Ждановский; он, не имея возможности, вследствие недостатка времени (у нас

[1]) Родной брат, утерший 11-летним мальчиком (от туберкулеза).

[2]) День рожденья мачехи.

на физику положено 2 урока в неделю, а на геометрию, алгебру, тригонометрию и космографию по одному) показывать нам опыты в классе, позволил являться нам по воскресеньям в физический кабинет, где нам их и показывает, а также объясняет более трудные статьи...

Но довольно, а то не останется места еще для одного, что непременно надо сообщить тебе: в городе оспа (у нас в гимназии инспектор болен ею) и всем велено прививать себе ее, у нас всех привита и принимается. До свидания, Анюточка (не до очень, впрочем, скорого)! Пишу это письмо в воскресенье в 7 часов вечера (хотя начал его за неделю) и представляю себе, что-то у вас там в Петербурге делается: у тети Вали [1]) все собрались — и бабушка, и дядя Коля [2]) с тетей Варей, и Жоржа, и Шушка, и Ася, и ты, все, все. В зале зажигают лампы, раздаются звуки рояля... может быть, даже вы и танцуете... Верна ли моя картина?.. Еще раз — до свиданья. Крепко, крепко целую тебя и желаю тебе отличных успехов в педагогических курсах. Да напиши мне поподробнее, как там у вас идут занятия, и что ты теперь читаешь. Поцелуй от меня ручки Бабушки, тети Вали и тети Вари, а также Шушки и Аси (ведь они теперь тоже барышни; по крайней

---

[1]) Сестра мачехи, по мужу Свет, жившая в Инженерном Замке.

[2]) Брат мачехи, Вессель, подагог и финансист-ученый.

мере Шушке по потрету можно дать смело 15 или 16; еще пожалуй обидятся, коли поцелуешь их в губы). Поцелуй также от меня Александра Семеновича [1]), дядю Колю, Жоржу — всех всех родных.

Твой брат

М. Врубель.

P. S. Вчера получены: ноты, Шушкин портрет и твоя работа; папаша от души благодарит тетю Валю и тебя и собирается скоро писать тете Вале и тебе; впрочем, прежде будут ждать ответа на это письмо. — Извини мне, что я так грязно написал тебе: твои письма перед моими нарядные, раздушонные аристократы перед каким-нибудь Хаймом Хацкеля в засаленной ермолке.

2. 1873 г.

Прости мне, Анюта, что я так давно не брался за перо, чтобы побеседовать с тобою; меня все что-нибудь отвлекало: то — занятия по гимназии, то — поездка на праздники в Кишинев, да к тому же еще и лень проклятая замешалась. Искренне радуюсь я, что у тебя ее совсем нет, а если и есть, то весьма малая доза: твои занятия идут, — идут так успешно, что сиди ты на одной со мною скамейке и не будь мне сестрой, я бы тебе, ей богу, завидо-

---

[1]) Свет, инженер, докладчик у Тотлебена.

вал; а при теперешних обстоятельствах я могу тебе от всего сердца пожелать впредь таких же успехов и даже еще больших, если это только возможно. Ты, милая Анюта, на отличном пути: ты учишься, живешь в русском, деятельном, свежем городе и сама, следовательно, ведешь жизнь деятельную. Господи, как посмотришь, на жизнь барышень Новороссийских трущоб, да вот, чтобы не долго ходить, — на жизнь Софи Гартинг[1]), ее тетушки и братьев: наряды это их душа, это — пульс их жизни; сон, еда и апатичное, сонное бездействие, — вот в чем проявляется эта жизнь, или, лучше сказать, это прозябание. Если бы еще все это оживлялось выездами (жизнь в свете имеет свою поэзию, свои хорошие стороны, но и этого нет;) часы досуга (т.-е. промежутки между спаньем, едою и туалетом) проходят в пустейших разговорах в самом тесном кружке знакомых, которые только притупляют и опошливают всю мысленную систему человека. Мужчины проводят время не лучше: еда, спанье и карты. Если Гоголевская картина русского общества устарела, то никак не относительно Бессарабского общества. Этот застой, болото с его скверными миазмами, и порождает десятки болезней общества: самодурство, кокетство, фатовство, разврат, мошей-

---

[1]) Сестра гимназистов, которые жили пансионерами в семье отца.

ничество и т. д. У бессарабских молдаван нет своей родной цивилизации; поэтому средний класс, или не очень богатые помещики, остаются не образованными степняками, а beau-monde, воспитываясь в русских учебных заведениях, должны бы были, кажется, любить русских и отдавать справедливость их цивилизованности, но нет — они предпочитают основательному образованию, даваемыми русскими учебн. заведениями, те жалкие верхушки французской цивилизованности, которые они нахватали от гувернеров и гувернанток... Но извини, что две страницы моего письма я занял совсем, может быть, неинтересными рассуждениями, но молдаване во время пребывания моего в Кишиневе так возмутили меня, что я рад случаю отвести с тобою душу. Обещаю в будущем письме продолжать мою руготню, уже по одному тому, чтобы продолжить до конца изложение идей об этих выродках. Вообще я положил себе за правило отвечать как можно обстоятельнее и логичнее на вопросы, которые задаешь себе по поводу разных явлений в жизни окружающего — настоящей и прошедшей; этим я занимаюсь лежа в постели, ожидая покуда „сладкий сон смежит мои веки", в сочинениях по „Рус. Слов." (за что и заслужил особое внимание Пересветова); позволь мне излагать мои мысли и в письмах к тебе. Прощай, Анюточка, напиши мне „что ты? как ты? переменило ли тебя время?" как говорит Тургеневский

Михалевич... милый Тургенев, — прочла ли ты его всего, и что вообще ты теперь читаешь? Еще раз желаю тебе всего, всего хорошего. Крепко, крепко целую тебя. Всех наших—кого целую, кому кланяюсь, а кому — целую ручки. Что поделывает Жоржа?

Твой брат и друг *М. Врубель.*

Извини, что так мало и бестолково пишу, — нет времени: много задано на завтра из геометрии.

3. Одесса (Люстдорф [1]), 7 августа 1873 г.

Как ни совестно, дорогая Анюта, а надо признаться, что я таки с большим и большим трудом свыкся с мыслью, что мне надо же, наконец, тебе писать; но и после этого момента я не раз садился за перо и вставал, оставляя бумагу совершенно чистою. Причина первого обстоятельства — лень, которой особенно много набирается летом, в пору созерцания и dolce far niente; причина же второго залегла в страстишке блеснуть красноречием, глубокомыслием и многим, что так прекрасно и чтимо, если оно своеобразно или лучше не присвоено и естественно и что, в то же время, так пошло в переписке между нами, обыденными, дюжинными людьми, где оно — то высижено, или нахватано par ci par là... но выходит, кажется, что моя фраза сама противо-

---

[1]) Дачная местность — немецкая колония.

речит ее содержимому!.. Итак, скорее к делу! в сторону фразы! Надо только окончить начатый с письмом период... Что бишь, я там такое сказал? Да, да! Вспомнил! Так вот сегодня вечером, садясь к тебе писать с твердым решением дописать, я тем самым проявил всю ясность усвоения взгляда, самого как видишь, нелестного на те две страстишки, что так замедлили появление на свет этого письма. Кажется — ясно, но несовсем коротко. Итак радуйся излечению твоего брата от сих двух пороков! но пусть эта радость не заставит тебя забыть вбить тот гвоздь, на котором уже висело и висит столько ушей последователей Брамы и Будды!.. Буду, по-возможности, рассказывать тебе все о каждом члене нашей семьи. Папаша, слава богу, здоров и, кажется, остался совершенно доволен каникулярным временем, проведенным в семье и без особенных хлопот и треволнений, каковые отравляли папаше всю прелесть летних каникул уже много лет под-ряд: вспомни только батальонные смотры в Саратове, приготовление к экзаменам [1]) в Петербурге, командировки и, наконец, Гартинги в Одессе [2]). Папаша ежедневно занимается с Лилей по 2 часа. Лиля (сестра от

---

[1]) Отец принадлежал к первому выпуску Военно-Юридической академии: учился одновременно со своими старшими детьми.

[2]) Пенсионеры, взятые мачехой для пополнения средств к жизни (1871 — 73 г.).

второго брака отца) сделала за лето большие успехи в чтении и, особенно, в письме; она начала также заниматься арифметикой и очень бойко решает задачки над числами до 10. Вообще, Лиля очень способная и талантливая девочка, обладающая, однако, всеми недостатками, которые, помнишь, так резко выдавались в характере Шушки — ребенка (не смею предполагать, чтобы они оставались и теперь в моей любезной кузине, Александре Владимировне). Мамаша совершенно поправилась от того катара и того общего состояния слабости, что так надоедали мамаше и беспокоили нас всех в продолжение нескольких месяцев. Предостережение тети Вали (сестра мачехи): поменьше доверяться докторам — получило в мамашином выздоровлении одно из того множества подтверждений, которые мы встречаем на каждом шагу: Мамаша только тогда почувствовала себя совершенно здоровою, когда бросила предписанное ей Мерингом лечение (ванны и воды), которое он навязал Мамаше, имея слишком серьезный взгляд на болезнь, происходившую в сущности от простуды и беспокойства, которое в громадном количестве доставляли нам Гартинги, с которыми папаша по этому случаю и разделался. Но наш пансион однако не остается пустым: мы имеем в виду трех учеников и, замечательно, опять таки все — нерусских, судя по фамилиям: Мольский, Альбрант и Николаидзе. — Володя вышел таким, каким я предсказы-

вал: далеко не толстым, с большими голубыми глазами, папашиным носом и маленьким хорошеньким ротиком, — словом, очень похожим на Сашу[1]); прибавь сюда Сашину болтливость и даже процеживание слов отчасти в нос и сходство будет еще поразительнее. В Володе нет той умственной и телесной живости, что так бросается в глаза в Лиле, ни ее эстетических наклонностей; но он неглуп и любит очень острить и очень удачно; если бы он был сыном гоголевского Манилова, то был бы наверно назначен в дипломаты, что не помешало бы ему, как и маниловскому Фемистоклюсу пускать посторонние капли в суп; вот тебе сегодняшний казус с Володей совершенно в этом роде: ему няня дает манную кашу и оставляет его; Володя попробовал кашу, затем, снимает сапоги и чулки и ноги—в кашу!.. Варюша покуда прелестная, забавная толстушка и больше ничего. — Что касается твоего возлюбленного братца Мишеньки, то он собирался за лето сделать и то, и другое и не сделал ничего, или почти ничего. Говорю тебе об этом печальном факте прежде всего потому, что он меня в данный момент, как и во все последние дни каникул, терзает и будет терзать немилосердно: Господи, боже мой! Уже пролетели те два месяца, в которые я собирался прочесть „L'histoire des Girondins“ Ламартина (по-

---

[1]) Родной, умерший брат.

даренную мне папашей), пройти 50 английских уроков из Оллендорфа, прочесть Фауса на немецком — и ничего из этого не сделал! Лентяй! повторяешь себе ежеминутно, досадуешь на себя, а все-таки каникулы канули и вечность и ничем уже не поможешь. И ведь так случается каждые каникулы, каждый более или менее продолжительный праздник... А еще говорят, что опыт научает. — Ну, что было, то прошло!.. Проклятые поговорки: я часто думаю, что русский народ для того так много насоздавал поговорок, что бы всегда иметь возможность придавать посредством коллективной мудрости санкцию проявлениям своей индивидуальной немощности и умышленной недальновидности.

Итак, за лето я ничего не сделал. А между тем вчера я слышал от Пятницкого (ты его ведь помнишь), что у нас остается тот же преподаватель латыни, что и был в прошлом году, т.-е. строгий Опацкий; историк же и географ будут новые и молодые, наместо прежних старых; обстоятельства, как видишь, не совсем благоприятные для человека, ничего не делавшего за лето! Теперь я несколько заплатываю прореху: повторяю латынь и еще кое-что. Но если науки, в комнате Михаила Врубеля, в доме № 37 и не процветали за лето, зато искусство, т.-е. рисованье несколько подвинулось. Я еще прошлое лето начал писать масляными красками, и с тех пор написал четыре картинки; копию с Айва-

зовского „Заката на море“, копию с „Читающей старушки“ Жирара Дове, „Старика, рассматривающего череп“ и копию с Гильдебрантовского „Восхода солнца“, с снегом, мостиком и мельницей... Все эти картины писаны самоучкою, без всякого знания приемов письма, и потому все более или менее плохи (последняя, впрочем, лучше других; она теперь стоит в магазине Шмидта и продается за 25 руб.). Более масляного письма мне удаются фантазии карандашом, на достоинство которых мне указал один недавний наш знакомый Клименко, большой знаток в искусствах, весельчак и, что нераздельно в русском человеке с эстетическими наклонностями, порядочный гуляка; это последнее и еще кое-что не нравится многим, в том числе и мне. Но, не знаю, как тебе, а мне кажется, что моральная сторона в человеке не держит ни в какой зависимости эстетическую: Рафаэль и Дольче были далеко не возвышенными любителями прекрасного пола, а, между тем, никто не воображал и не писал таких идеально-чистых мадонн и святых. Рассуждая таким образом, я решил верить в его эстетическую критику, тем более, что он критикует не так, как у нас берется критиковать произведения искусства большинство, — на основании вкуса, о неосновательности коего критериума гласит пословица: „О вкусах не спорят“; Клименко же произносит суждения на основании очень многого читанного и

виденного им по этому предмету, что придает ту вескость и основательность его суждениям, на которую может и даже должно опираться (даже если бы это было за неимением ничего лучшего) таланту, не имеющему под собой еще никакой твердой почвы, каков — мой. Говорю тебе об этом предмете так много оттого, что у папаши со мной по этому поводу в настоящее время бывают частые споры, при чем этот предмет поворачивается (выражение, вижу, глупое, но другого не нахожу) разными сторонами, очень неинтересными для разъяснения и исследования; но теперь о них толковать некогда, я уж и так тебе порядком докучил моим длинным письмом, написав много нескладной чепухи и пропустив половину интересного. Вот это интересное, за неимением места, вкратце: в Одессе была летом Петербургская оперная русская труппа (Палечек, Лавровская, Корсов, Рааб, Крутикова и др.); я слышал: „Жизнь за царя“, „Жидовку“, „Громобоя“ и „Фауста“; познакомился через Красовского [1]) с Корсовым и Дервизом. Теперь в Одессе „Передвижная художественная выставка“, с смотрителем которой Де-Вилье я недавно познакомился; это очень милый человек, сам прекрасный пейзажист; он просил меня приходить к нему во всякое время писать и обещался для копировки достать картин в галлерее

[1]) Родственник со стороны отца (большой театрал).

Новосельского. Напишу что-нибудь порядочное, — пошлю в Петербург в подарок дяде Коле [1]).

На одном дворе с нами на даче жили 2 недели: французский актер труппы M-me Keller — M. Delpant de Caulete, M-me Delpant очень милые, веселые и приличные люди, пили у нас несколько раз чай, возились с Лилькой и рассказали нам много интересного о французской жизни. Несколько дней у нас гостили M-lles Aline и Olga Чекуановы, которых мать теперь здесь начальницей твоего института; кстати об институте: у вас новый член по хозяйственной части, д. ст. сов. Добровольский; Шугуров [2]) отставлен, а новый инспектор еще не прибыл. Мы читаем сообща (папаша, мамаша и я) „Один в поле не воин" Шпильгагена. Если ты его тоже читала, то я могу тебе прислать в следующем письме, если хочешь, портрет главного героя романа — Лео, так как он мне представляется. Но не буду больше мучить твоих глаз, Анюточка, хотя еще многое и многое остается тебе сообщить. Чувствую, что перо мое плохо мне повиновалось; да ведь и не писал же я писем, бог знает, с какого времени. Прощай, дорогая Анюта! Крепко целую тебя и желаю тебе полного успеха при окончании твоих педагогических и всяких и ч е с к и х наук. Поцелуй от меня ручки:

---

[1]) Брат мачехи, у которого брату предстояло жить в университетское время.

[2]) Бывший инспектор и преподаватель истории.

Бабушки, тети Вали и тети Вари; просто поцелуй Жоржу (поздравь его от меня с титулом Studiosus'а) и скажи ему, что если я не пишу к нему, так это не потому, чтобы мне не хотелось, но потому, что не промолвить друг с другом в продолжение 4 лет ни одного слова — все равно (в наш возраст), что вовсе не знать друг друга; получать письма и писать к незнакомому вовсе неинтересно, а знакомиться в письмах — писать поэтические произведения невозможно, и потому покуда не будем писать друг другу; на будущий же год увидимся и возобновим дружбу до гроба. Затем прощай. Твой брат М. Вр.

4. 1874 г.

Поздравляю тебя, дорогая Анюта, с новым 1874-ым годом и желаю тебе: 1) отлично кончить педагогические курсы и 2) наискорейшего и наисовершеннейшего исполнения всех твоих желаний и стремлений. Итак мы вступаем в 1874 год, год весьма важный для нас, как справедливо заметил Папаша, во всех отношениях: в этом году ты кончаешь педаг. курсы, я — гимназию и так. обр. выходим на более самостоятельную дорогу; в этом году произойдет решение участи всей нашей семьи в смысле приведения в известность нашего местопребывания на будущее время (и наше общее желание, чтобы таким местопребыванием была Варшава) и наконец, что всего важнее, в 1874-ом году болезнь

папаши [1]) должна выясниться и обещать таким образом нам тот или другой исход (я надеюсь и ожидаю — самый благонриятный). Что же касается до настоящего состояния папашиного здоровья то оно остается все еще в прежнем положении: общее состояние хорошо, а глаза — плохи, хотя Шмидт и говорил папаше последний раз, что ретина несколько бледнее и замечаются местами всасывания (крови). Вот тебе подробности хода папашиной болезни за это последнее время (которые ты передашь Скребицкому [2]) — к которым я прибавляю настоятельную просьбу папаши, чтобы ты написала нам наставления Скребицкого, так как сам он о них ничего не пишет). Ты, может быть, уже знаешь, что месяц с лишком тому назад Шмидт прописал папаше сублимат (сулему) в пилюлях по $^1/_{30}$ гр. в день. По принятии $^{23}/_{30}$ гр. папаша почувствовал металлический вкус во рту и некоторую неловкость ломоту в правой руке, ноге и в правой стороне шеи. Тогда Шмидт велел прекратить приемы сублемата и прописал пилюли Бланкара (Teri jodate), по 3 п. в день. Какие-то будут последствия этих приемов — еще неизвестно. Меня утешает однако и радует то обстоятельство, что папаша нисколько

[1]) Упадок зрения, вследствие кровоизлияния в глаз (случайный ушиб глаза).

[2]) Родственник — окулист (врач много поработавший в деле устройства школ для слепых.

не изменился ни в своих привычках, ни в своем всегдашнем настроении: жажде деятельности и подвижности. Значить, болезнь папаши не имеет той тесной связи с общим состоянием организма qu'ona du imaginer M-ss skrebitzky et Bitkin, а следовательно теряет уже половину своей серьезности. Таково мое мнение об этом предмете, и я от всей души желал бы, что бы оно не было ошибочно.

О себе скажу, что я провожу нынешние праздники весело, — сверх обыкновения, так как вот уже 4 года, как я провожу праздники никуда не выходя, кое что почитывая и порисовывая. Такое, несовсем уместное исключение для нынешних праздников произошло от знакомства с французскими актерами, о котором тебе папаша верно уже говорил[1]). Это очень милые люди, и я с ними тем больше сошелся, что вижу в них отличных знатоков искусства и я, как адепт последнего, нахожу с ними нескончаемые темы для разговора. Им очень понравились мои croquis a la plume действующих лиц в разных пьесах, так что, благодаря этим croquis я имел удовольствие познакомиться с главой французской труппы M-elle Keller пить с ней чай и слышать от нее несколько любезностей моим рисовальным способностям. Все это меня ческолько увлекло, так что я сделал порядочную глупость обещал Delpout на-

---

[1]) Отец приезжал в Петербург для совещания с врачами.

рисовать его вальсирующего с M-elle Keller (в опере „La fille de M-me Angot") акварелью, и теперь этот рисунок отнимает у меня очень и очень много времени. Но вообще, согласись, что это знакомство очень оригинально, мило и интересно. О последнем можешь судить уже потому, что этот предмет занял четвертую часть моего, извини, короткого и даже очень короткого и некрасивого письма; но я ведь считаю промежутки между моими письмами годами, и это обстоятельство может служить извинением если не первому недостатку моего письма, то, с грехом пополам, последнему. Да, многое, очень многое есть поважнее знакомства с Keller, о чем бы мне следовало тебе написать, но на это понадобилось бы много времени, а я таки порядочный лентяй, и кроме того весь запас моего прилежания и терпения окончательно истощился на моей акварели; а потому беседу об этом многом я откладываю до недалекого уже свидания. Крепко обнимаю тебя. Пиши почаще Папаше, твои письма его очень радуют.

Любящий тебя брат М. Врубель.

5. 1874 г. Одесса.

Присоединяю и свои поздравления и всяческие пожелания к мамашиным и папашиным. Вероятно это последние строки, что я пишу тебе нынешний год в Петербург: пройдет масленица и настанет для нас время, когда не только что не будет времени

С фотогр. 50-х годов.

Портрет матери художника М. А. Врубель Анны Григорьевны Басаргиной.

4

оглянуться на прошедшее, чтобы сообщать письменно друг другу, но и хорошенько сообразить настоящее; занятия, занятия и занятия. Тяжеловато! Но зато как будет приятно для нас это свободное лето, вместе и, может быть, в зелени Лазенковских садов. Картина, — неправда ли, достойная музы Феократа. До свиданья, дорогая Анюта! Еще раз желаю тебе как нельзя блистательнее увенчать успехом эти последние 3 — 4 трудовые месяца. Целую тебя крепко.

Твой брат М. Врубель.

P. S. Я очень и очень рад предложению дяди Коли [1]). Мною овладел ingens desiderium Petropelis. Подальше в самом деле от этой Одессы, которая своим коммерческо-индеферентным взглядом на все начинает таки действовать разлагающим образом на мои собственные.

6. 1875 г. Петербург.

Поздравляю тебя с днем твоих именин, дорогая Анюточка, и повторяю свои пожелания к 17-го января [2]); очень желал бы, чтобы мне пришлось за исполнением сих пожелать нового раньше казенного времени пожеланий — Нового 76-го года. Обращаюсь с моим письмом к тебе потому что думаю, хотя

---

[1]) Провести у него годы студенчества, если отец не будет назначен в Варшаву.

[2]) День рождения сестры.

этим средством заставить тебя сокрушить печать молчания, на которую я негодую — не один, но, конечно, в числе этих многих, я имею право не на последнее место. Сегодня, еще ради твоих именин и ради многорадостного известия „зрение мое положительно немного улучшается“. („Сухо дерево“, мамашечка), которое в пятницу [1]) у целого общества вызвало радостное „Ну, слава богу!“ — ради этих-то двух обстоятельств я сегодня не сержусь на тебя, но впредь трепещи моего гнева, нераскаянная грешница! Беру на себя смелость говорить так, потому что сам недавно очистил свою совесть от всяческих грехов. Прошлую субботу провел я целый вечер у Ольги Григорьевны [2]). Она была, видимо очень очень рада раскаянию непочтительного племянника, тем более, что я весь вечер восхищался и совершенно искренно, ее Людмилой, которая — премилый ребенок с темно-каштановыми волосами и темно-карими большими глазами, сильно напоминает Олю Давыдову [3]). Вспоминали о Старой Руссе [4]) и Ольге Михайловне (сестра отца), о „чудной Мадриньке — перле матерей“ (так выражалась тетушка о нашей мачехе). Тут же мне сообщили, что Мария Григорьевна (сестра матери,

---

[1]) День семейных собраний у дяди.

[2]) Сестра покойной матери.

[3]) Другая двоюродная сестра.

[4]) Где тетушка проводила с нами лето во время нашего детства.

рано овдовевшая) получила пенсии только 200 с чем-то рублей и квартиру — нижний этаж дома, в котором живут Зеленины в Галерной гавани (родственник — моряк). Ни у нее, ни у Давыдовых, ни у Краббе (дед по матери) я еще не был (к последним собираюсь сегодня). Был у Арцимовичей (родственники по отцу) 2 недели тому назад. M-me Арцимович (рожд. Жемчужникова) со своими претензиями положительно отравляет мне эти посещения. Попал я в понедельник туда, куда попасть никак не ожидал — к Ольге Андреевне Веселаго (знакомство по Старой Руссе) она сходится с мужем и в свои рожденья давала бал, на который приглашала всех своих хороших старых знакомых, в числе которых, как представитель Врубелей в Питере, был приглашен и я; я поехал, тем более, что тетя Варя нуждалась бы в кавалере, т. к. Ник. Христианович (дядя, у кот. брат жил) был в конференции. Он приехал позже и увез Вар. Ник.; а я плясал до 4-го часу. Общество, впрочем, было неинтересное.— Студенческого бала дело идет очень плохо, и он, кажется, совсем не состоится. Зато экзамены грозят своей страшною реальностью — курсы увесисты, около 200 всего листов. Распределение сделано предположительно: 21-го апреля — Ист. Рус. Пр., 3-го мая — Энциклопедия, 16-го мая Госуд. Право, 21-го Римское право, и 27-го — Богословие. Все, как видишь кричит — занимайся, занимайся! И

у Жоржи уже волосы пошевеливаются на голове (в качестве жениха он мало занимался в этом году). Он слышал Патти в „Севильском Цирюльнике". — „И Патти — дрянь и „Севильский Цирюльник" — дрянь" — такими словами начал он свой отчет о спектакле (он был в это время увлечен Русской оперой [1]). — „Ну да", — подхватывает Александра Александровна Ленц (невеста), барышня очень острая и насмешливая, подхватывает пародируя слова Жоржи о Климове (фамилию которого он прочитал в афише симфонического концерта и о коем по поводу ее незвучности делал нелестные предположения, время же показало, что он далеко не обыкновенный пьянист по силе и выразительности игры) — что может быть хорошего в опере „Цирюльник"!.. „Цирюльник"!.. другое дело — „Севильский Демон", или „Севильская Юдифь". Эта шутка, однако, до некоторой степени действительно характеризует оперные симпатии Жоржи, Николая Федотовича [2]) и вообще большинства Питера, перебесившегося от „Юдифи", „Демона". Остерегаюсь произносить какое бы то ни было суждение о музыке этих опер, потому что я их даже не слыхал, замечу только, что их сюжет, нося глубоко трагический или лирический характер, и их прекрасно написанные либретто,

---

[1]) Вставка переписчицы. Скобки на предыдущей ст. также.

[2]) Родственник — музыкант — любитель, скрипач (оч. талантлив. облад. Страдивариусом).

потрясающая обстановка уже сами по себе производят такое сильное впечатление, что вас заставляет снисходительно относиться к музыке, и — с другой стороны учат произносить об операх, далеко не уступающих последним в музыкальном отношении, но ниже стоящих в отношении глубины сюжета, суждения вроде: „это какая-то жижица, торопня, кабак..“ Но я уже очень разглагольствовался. Обратимся к делу. — Капустин [1]) и Павел Александрович сдают хорошо свои репетиции. Шушкина (кузина по мачехе) музыка процветает. Все здоровы. Дядя Коля работает с Альбрехтом над изданием песенника — народных, солдатских, матросских и детских песен с музыкой и словами, ценою в 3 — 4 рубля. Издание это еще покуда держится в тайне. — Передай папаше, что я отдал его пакет дежурному по канцелярии и на вопрос о расписке получил сообщение, что в канцеляриях расписки о получении не дают, а получивший лично отвечает за целость своих пакетов. Сыр Дяде Коле очень понравился, теперь он подходит к концу. К масленице я думаю выписать ему в презент еще такой каравай; если только высылка не очень затруднит папашу. Этот каравай, между прочим, оказался очень пикантным. — Уроки мои идут благополучно; часто прогуливаюсь пехтурой с Каменно-

---

[1]) Товарищ по V гимназии — племянник проф. Менделеева.

островского проспекта в Коломну — $1^1/_4$ ходьбы. Прощай дорогая Нюточка! Крепко, крепко целую тебя; поцелуй ручки папаши, мамаши; очень очень поблагодари папашу за его дорогое письмо и передай, что еще буду иметь честь отвечать на него вскоре после настоящего письма. Расцелуй Лилюшу, Володю, Рюту и напиши в своем письме, которого жду с нетерпением, о них побольше. Группу свою я почти кончил. Ансамбль не дурен, — в частности много ошибок. Еще раз — до свиданья, Нюта!

Любящий тебя брат

Миша.

2-е февраля
1875 г.

7. Петербург. 1879 г. (23 апреля).

Благодарю тебя, дорогая Нюта, что так по-сестрину обратилась ко мне! Если бы ты была такая умница и обращалась почаще, то наверное некоторая часть моих денег [1]) с значительно большей пользой была бы употреблена, — почаще и поближе к первому числу, потому что в настоящую, напр., минуту я хотя и могу удовлетворить твоей очень скромной просьбе, но не могу доставить себе удовольствия поделиться с тобою большим. Папаше на его письмо и мамаше

---

[1]) Брат, как репетитор, жил на всем готовом, получая 75 р. в месяц.

я еще не могу ответить в настоящую минуту по важности надлежащего в нем разрешения вопроса о моем местопребывания летом. В настоящую минуту он еще для меня не выяснился и стоит так: перейдет ли Володя Папмель[1]) без переэкзаменовки? Если понадобятся приготовления к переэкзаменовке, то мне совестно будет убегать их. А может я справлюсь с этой совестливостью и передам свое дело Капустину[2]), который на лето остается в Питере, а сам устремлюсь для давно и искренне желанного свидания с Вами и для более спокойных и усидчивых занятий. Повторяю, все это еще мне не выяснилось и как только выяснится — напишу (это будет не позже этой недели), а пока очень, очень прошу извинения у дорогого папаши и дорогой мамочки, что еще не отвечал на их письма. Каждый день с нетерпением жду газет, чтобы увидеть назначение папаши. Что за восторг — эта новость![3]). Наконец-то мы все соединимся! Поздравляю Папашу, Мамашу и тебя, Нюта, с этими так близкими к осуществлению надеждами! Славно заживем! Как здоровье Лилюши, Оли, Вари и Насти? Опиши, Нюта, переезд на Поплавы и саму дачу и устройство в ней. Ведь всего

---

[1]) Один из учеников в семье, гда жил брат в качестве репетитора.

[2]) Товарищ по гимназии — племянник пр. Менделеева.

[3]) Перевод отца на службу из Вильно в Петербург.

до переезда осталось одна неделя? Сейчас увижу у Бабушки всех наших, кроме Сахаровых, которые уже в Риге — сегодня ведь день именин Аси, Жоржа и, кажется, его супруги. Поздравляю Мамашу![1]). Жоржа набрал уроков рублей на 75 и таким образом вместе они имеют около 120 р. Поживают хорошо. Но тороплюсь кончить. Прощай, дорогая моя Нюточка! Обнимаю и целую тебя! Поговорил бы о планах на будущее, да тороплюсь. Обнимаю крепко Папашу, Мамашу. Целую дорогих детишек. До свиданья.

Искренно любящий брат и друг

Миша.

Занимаюсь насколько могу — как бы готовился к экзамену. Зовет меня к себе Вилльe (помните, Мамаша?), который видел мой рисунок и понес его Микешину. Кроме того, еще несколько комплиментов от противоположной (мое предыдущее письмо) школы.

Прости, милая Нюта, что торопясь сейчас же отослать письмо, не распространяюсь, а объясню тебе, что размер посылаемого мною — есть результат взаимных уступок: я говорил о двадцати пяти, ты о пятнадцати — пусть будет середина.

Обнимаю тебя, дорогая моя.

Любящий тебя брат

Миша.

---

[1]) Названные лица — ее родные.

О многом, многом буду писать тебе на этой или той неделе.

8. 1883 г. Январь. Петербург. (В Оренбург [1]).

Милая, милая моя Нюта, благодарю тебя за участие. Неприбытие Капустина и неосуществившиеся надежды на работу от Полевого, которую он мне обещал прислать на праздники и до сих пор не шлет, а пуще всего мое малодушие—позволяют мне удержать для обеспечения взноса в академию, однако, не более ого, что для этого необходимо, т.-е. 13 рублей, остальные прошу, мою Нюточка, не обижаясь, принять обратно. Я буду говорить совершенно откровенно, если хочешь — цинично. Я вовсе не горд — это не достаточно сильно: я почти подл в денежных отношениях — я бы принял от тебя деньги совершенно равнодушно, если бы это не повлекло за собой другой подлости: скрывать, что ты—источник моих доходов, потому что признаться в этом — значит слишком уже не бояться презрения даже людей близких, на что я уже совершенно не способен. Я все сказал. Нюточка, пусть это будет в последний раз. Не ставь ты соблазнов моей слабости. Я буду себя терзать, а это равно для меня неуспешности в работе. Только с чистой совестью я могу работать, а уже на ней и так довольно лежит.

---

[1]) Сестра поступала на службу.

Пожалуйста! Не обижайся! Если бы это — обидная гордость, то не показал бы я тебе себя так, как я показал. Если я буду нуждаться, то у меня есть всегда в запасе некоторое скверное Savoir Vivre, с которым я, если и не совсем изящно и по-джентльменски, то и не совсем подло могу достать денег. Необходимость меня помирит с неизяществом. Но представь, что я соблазнюсь скрыть (то, о чем я повыше говорил — то), это будет мерзко, и с этим меня ничто не помирит. Будет об этом. Завтра начинаются опять классы. Ты себе представить не можешь, какой радостью наполняюсь при этой мысли. Глупое, бестолковое праздничное болтанье. Два-три дня, проведенных с Сашей[1]) и Палей[2]) и З. А.[3]), проведенных в задушевной беседе, несколько часов с Бруни и Савинским — в интересной беседе — вот все, что было приятного за эти 3 недели. Остальное беспутное, развращающее шатанье. Саша уедет (невеста его все нездорова: она должна еще недели три пролежать, чтобы совсем поправиться, и поэтому свадьба отложена до весны). Паля будет занят проектами. Савинский уезжает уже заграницу, с Бруни буду видеться в академии — никуда, никуда положительно не ступлю ногой — так только и воз-

---

[1]) А. М. Валуев — друг художника.

[2]) Штуккенберг — инженер (брат невесты Валуева).

[3]) Невеста А. М. Валуева.

можно работать. Все эти обеты особенно волнуют меня сегодня; под впечатлением нахожусь беседы с Репиным, который только что был у меня. Сильное он имеет на меня влияние: так ясны и просты его взгляды на задачу художника и на способы подготовки к ней — так искренно, так мало похожи на чесанье языка (чем вообще мы так много занимаемся и что так портит нас и нашу жизнь), так, наконец, строго и блестяще отражаются в его жизни. Обещал по субботам устроить рисовальные собрания. Искренне радуюсь этому. Завтра, вздохнув всеми легкими, за работу, или как у нас выражаются — „ворочить". Порадуйся со мной, как я душевно радуюсь твоему счастливому житью. Дай тебе судьба, чтобы всегда оставалось по-нынешнему, пока не изменятся твои собственные желания. Ты это очень и очень заслужила, Нюта моя. Анна Петровна[1]) получает самые лестные о тебе отзывы от Анны Никифоровны[2]) и самые восторженные от Софьи Петровны[3]). Вот тебе свежая новость: Ф. М. (Валуев) женится; написал 2 дня тому назад бешеное письмо М. Ф. (его мать), где объявляет, что он жених Ольги Александровны Богушевской. Она дочь соседнего помещика, ей еще не минуло 16 лет и

---

[1]) А. П. Мунт — дочь начальницы Оренбургского Института (общественная деятельница в Петербурге).

[2]) Ее мать.

[3]) Ее сестра.

предстоит еще 2 года гимназического курса. По отзывам М. Ф. и Е. М. (сестра), которые познакомились с Богушевскими во время летнего пребывания у Феди, семья и барышня — прелестные. Дети в восторге от твоего гостинца и благодарят тебя. Тебе кланяются: М. Ф., Е. М., А. П., Роза Александровна, Ек. Васильевна, Маня, М-me Кноппе (воспитательница детей Папмель, старушка, акварельный портрет которой был первым шагом на художественном поприще брата). Целую тебя.

Твой брат *Миша*.

Ух, надо медали получать! или нет, нет: надо работать, работать и работать. Слушал „Фауста" — никакого впечатления не произвел. Не застывание же это уже. Нет, это: вон из-под роскошной тени общих веяний и стремлений в каморку, но свою, — каморку своего специального труда — там счастье!

6 января 1883 г.

13 января.

Целую неделю пролежало письмо. Все собирался нести в почтамт, да занятия распределены так, что днем положительно часу нет свободного. А теперь обстоятельства изменились так, что, к стыду моему, не прийдется послать его со вложением. Полевой не шлет работы, а вносить в Академию надо; да краски, да холст, да карандаши: восемнадцать рублей как не бывало. Еще одно стыднее то, что никто не

знает о твоей самоотверженной помощи мне. Нюточка, еще раз повторяю, не вводи меня в искушение, не дай мне еще раз взять эту тяжесть на душу. Пожалуйста. Работать после праздников я начал очень энергично, все по той же программе. Встаю в 7; $7^{1}/_{2}$ — $9^{1}/_{2}$ рисую с анатомии, с $9^{1}/_{2}$ — $10^{1}/_{2}$ даю урок Мане [1]), 11—2—в этюдном классе; 3—$4^{1}/_{2}$—пишу акварелью nature-morte; 5—7—натурный класс. Три раза в неделю еще 8—10. Познакомился у Чистякова [2]) с семьей Срезневских; мать, несколько немолодых барышней и 3-е сыновей. Очень музыкальная семья. По субботам раз в месяц у них бывают музыкальные вечера. У меня они и один родственник Чистякова, хороший музыкант и композитор, открыли „отличный, большой“ тенор и после завтра я уже участвую на вечере у Срезневских. Пою трио из „Русалки“ с Савинским и m-lle Чистяковой и еще пою в хоре тореодора из „Кармен“. Ах, Нюта, вот чудная опера; впечатление от нее и все навеянное ею будет самым видным происшествием моей артистической жизни за эту зиму: сколько я переораторствовал о ней и из-за нее за праздники, сколько увлек в обожание к ней и со сколькими поругался. Это — эпоха в музыке, как в литературе — Золя и Додэ! В другой раз расскажу сущность моего во-

---

[1]) Дочь Папмеля, в семье которого жил брат.

[2]) Профессор Академии.

сторга и полемики. — Папа меня просит написать тебе о событии только что окончившемся. Я дописываю письмо у нас, вытребованный по случаю чрезвычайного съезда всех Арцимовичей, Поли Анковской, Красовских и Скребицких [1]). Меня ужасно интересовало видеть Катерину Петровну [2]): она мне, юноше, была ужасно симпатична, да и с именем ее связывается для меня столько чудных, юных воспоминаний, милая Одесса, море, гимназия, товарищество, оперетка, искусство, Клименко, первое представление „Фауста"! Видел ее, и она мне очень, очень понравилась; она мало изменилась: все то же прекрасное, немного страждущее лицо, все та же простая, застенчивая манера. Как бы хотелось вплести свое существование в это душевное и строгое. Она, почему-то, всегда мне напоминала впечатление от Лизы в „Дворянском гнезде". Жалко, они во вторник уезжают. В воскресенье обещал у них быть с визитом. Этюд и особенно рисунок идут хорошо: степенно и с жаром... Но, однако, кончаю, чтобы завтра утром непременно послать: так письмо пожалуй прийдет к 17-му. Поздравляю тебя, Нюта моя, и еще раз желаю, чтобы все осталось так в твоей обстановке, как оно теперь. Ах, Нюта, сколько есть интересного пересказать: сам, люди и искусство,

---

[1]) Родственники отца.

[2]) Жена племянника отца (Красовская).

пью и ненапьюсь этого нектара сознания! Прощай, дорогая. Крепко обнимаю тебя.

Твой беспутный, но только не в деле искусства

брат *Миша.*

4 февраля — экзамен!

9. Петербург. 1883 г. (апрель).

Имеешь, Нюта, полное право сердиться. Но я до того был занят работою, что чуть не вошел в Академии в пословицу. Если не работал, то думал о работе. Вообще нынешний год, могу похвастать, был для меня особенно плодотворен: интерес и умение в непрерывности работы настолько выросли, что заставили меня окончательно забыть все постороннее: ничего не зарабатывая, жил как птица—„даром божьей пищи", не смущало меня являться в общество в засаленном пиджачке, не огорчала по целым месяцам тянувшаяся сухотка кармана, потерял всякий аппетит к пирушкам и вообще совсем бросил пить; в театр пользовался из десяти приглашений одним. Видишь, сколько подвигов! И вместе с тем, как легко и хорошо жилось. Я говорю — жилось, потому что вот уже недели, как классы прекратились впредь до сентября. 5 месяцев! Великолепный дар. Жаль только, что им нельзя пользоваться нераздельно мне с моей супругой — искусством, надо кое-что уступить при-

готовлению к научным экзаменам и занятиям для заработка. Эта перспектива вторжения в мой милый мирок чистого искусства меня печалит и вот почему я до сих пор еще не решаюсь на раздел, нахожусь в том противном состоянии, которое принято называть отдыхом от усиленных занятий и посвящать разным накопившимся отложенным мелочам. Ты разлучился с тем, к чему ты прикован всем существом, а ты в это время думай о том, что у тебя башмак развязался. Может быть, это слишком легко меня извиняет, потому что красиво и неточно. Но все равно — мне мелочи труднее всего... Итак, я отдыхаю, а вернее — скучаю и потому о времени труда говорю как о милом прошлом. Так как настоящее неинтересно, о будущем говорить не хочу, потому что мне теперь часто до отвращения противны неисполненные планы, — буду говорить о прошлом. Помню в последнем письме я писал тебе о Срезневских, Репине. Первых я довольно скоро забросил за недосугом, хотя на Пасхе и собирался с визитом. Второй как-то сам к нам, чистяковцам, охладел, да мы, хотя и очень расположены к нему, но чувствуем, что отшатнулись: ни откровенности, ни любовности отношений уже быть не может. Случилось это так: открылась Передвижная выставка. Разумеется, Репин должен был быть заинтересован нашим отношением к его „Крестному ходу в Кур-

ской губернии“, самому капитальному по талантливости и размерам произведению на выставке. Пошли мы на выставку целой компанией; но занятие с утра до вечера изучением натуры, как формы, жадно заглядывающиеся в ее бесконечные изгибы и все-таки зачастую сидящие с тоскливо опущенной рукой перед своим холстом, на котором все-таки видишь еще лоскутки, а там—целый мир, бесконечно гармонирующих чудных деталей и дорожащие этими минутами, как отправлением связующего нас культа глубокой натуры, — мы войдя на выставку не могли вырвать всего этого из сердец, а между тем перед нами проходили вереницы холстов, которые смеялись над нашей любовью, муками, трудом: форма, главнейшее содержание пластики, взагоне—несколько смелых, талантливых черт; и далее художник не вел любовных бесед с натурой, весь занятой мыслью поглубже напечатлеть свою тенденцию в зрителе. Публика чужда специальных тонкостей, но она вправе от нас требовать впечатлений, и мы с тонкостями походили бы на предлагающих голодному изящное гастрономическое блюдо; а мы ему даем каши: хоть и грубого приготовления, но вещи, затрагивающие интересы дня. Почти так рассуждают передвижники. Бесконечно правы они, что художники без признания их публикой, не имеют права на существование. Но признанный, он не становится рабом: он

имеет свое самостоятельное, специальное дело, в котором он лучший судья, дело, которое он должен уважать, а не уничтожать его значения до орудия публицистики. Это значит надувать публику... Пользуясь ее невежеством, красть у нее то специальное наслаждение, которое отличает душевное состояние перед произведением искусства, от состояния перед развернутым печатным листом. Наконец, это может повести к совершенному даже атрофированию потребности в такого рода наслаждения. Ведь это лучшую частицу жизни у человека украсть! Вот на что приблизительно вызывает и картина Репина. Случилось так, что в тот же день вечером я был у Репина на акварельном сеансе. За чаем зашла беседа о впечатлениях выставки, и мне разумеется оставалось пройти молчанием свои перед его картиной. Это он понял и был чрезвычайно сух и даже в некоторые минуты желчен. Разумеется, это не было оскорбленное самолюбие, но негодование на отсталость и школьность наших эстетических взглядов. Я все собирался как-нибудь вступить с ним в открытое взаимообъяснение взглядов на искусство, но тут подошли усиленные занятия; так дело и кончилось тем, что мы с тех пор и не видились.—Собираюсь тоже к нему на Пасхе. Было у нас два торжества по поводу 400-летнего юбилея Рафаэля. О них ты верно читала в газетах. Лично для нашего кружка эти празднества имели то зна-

чение, что мы всмотрелись в него еще раз со вниманием и благодаря воспроизведению его картин фотографией, могли сделать самостоятельный о нем вывод. Когда-нибудь я тебе подробно разовью свое учение с Рафаэле, теперь же дам несколько кратких положений. Он глубоко реален. Святость навязана ему позднейшим сантиментализмом. Католическое духовенство и не нуждалось в этой святости, потому что было глубоко эстетики, глубоко философы и слишком классики, чтобы быть фанатико-сантиментальными. Реализм родит глубину и всесторонность. Оттого столько общности, туманности и шаткости в суждениях о Рафаэле, и в то же время всеобщее поклонение его авторитету. Всякое направление находило подтверждение своей доктрины в какой-нибудь стороне его произведений. Критика по отношению к Рафаэлю находилось до сих пор в том же положении, как по отношению к Шекспиру до Sturm und Drang Periode в Германии. У нас в Академии живут все еще традициями ложноклассического взгляда на Рафаэля. Разные Jngre'ы, De la Croix, David'ы, Бруни, Басинии, бесчисленные граверы—все дети конца прошлого и начала нынешнего (века) давали нам искаженного Рафаэля. Все их копии—переделки Гамлета Вольтером. Я задыхаюсь от радости перед таким открытием, потому что оно населяет мое прежнее какое-то форменное, деревянное благоговение перед Санцио

живой и осмысленной любовью. Много-много мне хотелось бы высказать по этому любимому теперь мною вопросу, но это меня бы чорт знает куда завлекло за пределы праздничного поздравления. Но не могу утерпеть. Взгляни, например на фигуру старика несомого сыном на фреске „Пожар в Борго“, сколько простоты и силы жизненной правды! Точно рядом учился у природы с современным натуралистом Фортуни! Только и превзошел его тем, что умел этой формой пользоваться для чудных, дышащих движением композиций, а последний остался на изучении. Но ведь и требования усилились. Живопись в тесном смысле при Рафаэле была послушным младенцем, прелестным — но все же младенцем, теперь она самостоятельный муж, отстаивающий энергично самостоятельность своих прав. А все-таки как утешительна эта солидарность! Сколько в ней задатков для величавости будущего здания искусства! Прибавлю еще, что утверждение взгляда на Рафаэля дает критериум для ряда других оценок, напр.: Корнелиус выше Каульбаха, и неизмеримо выше Пилоти и т. д. Будет. Вот тебе в заключение краткая хроника. Медаль за живопись я чуть-чуть не получил на последнем экзаамене; но судьбе угодно было меня оставить только первым на нее кандидатом. Савинский был очень тяжело болен и теперь еще очень медленно оправляется и потому еще не уехал за границу.

Бруни конкурирует на малую золотую. Молодые Валуевы [1]) уехали на 4-й недели в Вытегру. Счастье их далеко небезоблачно. Они слишком серьезные оба человека, чтобы ворковать, и слишком молоды, чтобы быть друг к другу менее требовательным. Но задатки серьезного совместного семейного дела — я говорю о детях — все налицо. М. Ф. и Е. М. в конце апреля едут к Феде. П. М. тоже уезжает в мае на работы. У Папмель все по-старому. Очень мне хотелось бы за лето заработать столько, чтобы на зиму эмансипироваться и жить в комнатке на Васильевском, хоть бы вместе с Серовым. Мы очень сошлись. Дороги наши одинаковые и взгляды как-то вырабатываются параллельно. Целую тебя, Нюта, и с нетерпением жду твоего письма.

Твой *Миша*.

1883 г. Петергоф (лето).

10. Милая моя Нюта.

Сегодня ни с того, ни с сего мне пришло в голову исправиться или по крайней мере постараться исправиться, или, еще лучше, начать стараться исправляться моей колоссальной неаккуратности во всем, что только не касается моей живописи, и в том

---

[1]) Александр Михайлович Валуев, большой друг художника дважды изображенный им в интимных набросках.

числе, а главным образом, от неаккуратности в переписке. Мне почему-то с чрезвычайной ясностью представилось, что все это совершенно непростительное малодушие и какой-то детский эгоизм. Сегодня первый подвиг по корреспонденции, так как тебе я более всего задолжал по этой части. Но исправление, в виду прочности его развития, не должно начаться с существенных подвигов: сначала, так сказать, формально. Я буду посылать буквально письма, но не беседовать, так как судьба этих бесед—оставаться только наполовину изложенными на бумаге, которая через год или два, попав самому тебе на глаза, правда, приятно волнует, перенося в былые думы, назначения своего, т.-е. адреса никогда не достигает! Итак, даю тебе несколько фактов и только, чтобы не позже завтрашнего дня этот листок отправился бы к тебе. Живу опять в Петергофе. Никаких работ заказных в городе на лето не имел, несмотря на разные обещания и мытарства, а потому не имею прав на самостоятельность. Продолжаю почти зиму, с тою только разницею, что зимой академический распорядок и художественное общежитие администрируют и критикуют твою работу,—ты только работай, а здесь работай да и думай! А это, я тебе скажу, очень, очень трудно. Но и не без пользы. Придется же когда-нибудь стать самостоятельным. До некоторой степени удается лучше чем прошлое лето. Работаю

акварелью: „Задумавшуюся Асю“ [1]), „Вяжущую Кнорре“ [2]) и „M-r Jammes'a bien élégant avec un noeud de cravatte gros bleu“. Все люди тебе знакомые (Кнорре тебе просит очень, очень кланяться). Это у меня отнимает часов 6—7. По вечерам, вместо музыки, хожу приглядываться к весьма живописному быту рыбаков. Приглянулся мне между ними один старичок: темное как старый медный пятак лицо, с выцветшими желтоватыми волосами, и в войлок всклоченной бородой; закоптелая, засмоленная белая с черными полосами фуфайка кутает его старческий с выдавшимися лопатками стан; лодка его внутри и сверху напоминает оттенки выветрившейся кости; с киля — мокрая и бархатисто-зеленая, как спина какого-нибудь морского чудища, с заплатами из свежего дерева, шелковистым блеском на солнце напоминающим поверхность Кучкуровских соломинок. Прелестная лодка. Прибавь к ней лиловато-сизовато-голубоватые переливы вечерней зыби, перерезанной прихотливыми изгибами глубокого, глубокого рыже-зеленого силуэта отражения. Рыбак сидит на полу привязанной к берегу лодки, ноги свесил за борт и предается вечернему отдохновению. Вот сюжет картинки этюда, к которому я готовлюсь. Надо только немного двинуть

---

1) Родственница по мачихе.

2) Старушка немка-воспитательница, там же.

вперед уже начатые работы. Времени впереди ещё пропасть. Со всеми этими вещами думаю выступить в марте 84-го года на академическую выставку. Разумеется лелею мечту некоторого renommée. Вот и заболтался. Да впрочем, больше и нечего, оставаясь на почве фактов. О наших ты вероятно знаешь из писем. Скорблю, что не могу у них бывать чаще 1 или 2 раз в месяц; но зато нигде. нигде не бываю. Даже на музыке не был ни разу. Разумеется, большую роль играют в этом воздержании презренные причины, но так как тем самым они приковывают к делу, то я им прощаю и даже из презренных готов произвести в милых. О Валуевых и Штуккенбергах не знаю решительно ничего. Полтора месяца никого не видел. Ася гостит тоже в Петергофе. Собираюсь писать Саше Валуеву. Буду от тебя кланяться Зине [1]). Прощай, Нюта моя; с каким восторгом я читал, что тебе хорошо. Целую тебя. Низкий поклон Софье Петровне [2]), если она меня не забыла, что мы с ней знакомы.

Твой *Миша.*

А ведь в письме вышло дрянь. Чем, чем бы мне с тобой ни хотелось бы поделиться, но тогда

---

[1]) Жена друга юности брата, с которого он писал этюд акварелью.

[2]) Родственница Валуевых (ур. Мунт).

отсылки его пришлось бы ждать до нескончаемости. Надеюсь, что не будешь претендовать на меня за решение этой альтернативы отсылкой письма, каково оно есть. А грустно жить вразброд. Все смеешься, работаешь посвистывая, да вдруг этак и полоснет по сердцу. Особенно больно по милым папе и маме. Ох, тяжело им. Вот уж где презренное становится мощно жестоким. Жду с нетерпением времени и верю, что оно прийдет, когда удастся их попокоить.

Прилагаемое при сем письмо написал я, Нюта, с неделю тому назад и собирался его уже послать, когда получил повестку и решил отложить его отсылку до отсылки этой благодарственной странички, которая немного задержалась получением посылки твоей. Бесконечно тебе благодарен и не имею духа отказаться, так как картинка, о которой в прилагаемом письме распространяюсь, требует неизбежных расходов: рыбак согласен сидеть за 20 коп. в час, и я с пустотой в кармане должен был только облизываться и не начинать работы в ожидании у моря погоды. Теперь побываю в городе завтра же, повидаю своих, исполню твои поручения, запасусь материалами и во вторник за работу. Словом, я окрылился. Я могу еще съездить к Чистякову и у него хлебнуть подкрепляющего напитка советов и критики. Ты говоришь о научных экзаменах, думаешь, что летние работы мне могут помешать:

это ничего не значит, главное — приблизиться к конкурсу на золотую медаль, а экзамены можно всегда успеть сдать; когда за плечами нет еще достаточно подвигов на специальном пути, духу нет заниматься тем, что составляет собственно только аксессуар. Прилагаю еще одно письмо, которое только что писал к папе и маме, не надеясь их скоро увидеть, теперь же, когда возможность свидания открывается завтра же, в письме нет надобности, а как в нем есть несколько фактов и мыслей, каких нет в письме к тебе, то я думаю, что тебе небезынтересно будет прочесть и его. Кроме того теперь я начал большое письмо Саше Валуеву и несколько выдержек из него собираюсь послать тебе: я письмом его не тороплюсь, а потому пишу его ожидая моментов накопления психико-эстетического материала и некоторого терпения его излагать. Прощай, дорогая Нюта, еще раз безмерно тебе благодарен. Надеюсь прислать романсы изумительной красоты, так как мы, петергофские жители, принадлежим к сословию общественных ревунов (так прозывает М. П. Валуев [1]) диллетантов пения), находимся au courant всех новинок в этом роде. Сегодня еще предполагается значительное ревение: приедет Полтавцев, пиянист Капри и певец de-Voss — этот уже настоящий певец, бельгиец, он прошел двухгодичный курс пения

---

[1]) Отец друга художника.

у M-me Эверарди, своей тетки, и будущую зиму дебютирует на одной из оперных сцен Италии в качестве tenore di grazia. У него большой и что еще важнее—прекрасно обработанный гибкий, с прекрасной респирацией и тушовкой голос. Прощай. Пиши побольше о личной жизни, особенно о чтении Гете: я проникнут к нему самым глубоким восторгом. Еще недавно я кончил Wahlverwandschaft. Собираюсь читать его по немецки: пробую и свыкаюсь на поприще немецкого чтения на „Eine egyptische Königstochter“ и идет отлично, без лексикона. Твой Миша. Все Петергофские тебе кланяются.

11.

Вы горюете и сердитесь, милые папочка и мамочка, что я глаз не кажу. Мне самому не менее горько. Опротивело мне до невероятности занимать мелочи и это презренное обстоятельство удерживает меня, а как я не могу точно определить момента, когда превозмогу себя, то и довольствуюсь письмом, чтобы поделиться с Вами моими интересами и мечтами. Отсутствие и душевного, и суетного в значительной мере заменяет мне моя работа, которая летом тем труднее, а потому и интереснее, что нет ни академического распорядка, ни художественного общения, которые зимой администрируют и критикуют работы, а ты себе в душевном спокойствии работай; нет, летом ты работай, да и думай сам. Прошлое лето

неуспех работы моей именно и произошел от того, что я забыл совершенно думать, что и отозвалось и на выборе и на всей массе мелочей обстановки работы, которые направляют непосредственное чувство и механическую работу, давая им жизнь, кажущуюся непосвященным истекающей из вдохновения. Вдохновение — порыв страстный неопределенных желаний, есть душевное состояние, доступное всем, особенно в молодые годы; у артиста оно, правда, несколько специализируется, направляясь на желание что-нибудь воссоздать, но все-таки остается только формой, выполнять которую приходится не дрожащими руками истерика, а спокойными ремесленника. (Пар двигает локомотив, но не будь строго рассчитанного, сложного механизма, не доставай даже в нем какого-нибудь дрянного винтика, и пар разлетелся, растаял в воздухе и нет огромной силы, как не бывало). Так вот работа и думы берут у меня почти весь день. На музыку даже не хожу. Только за едой да часов с 9-ти вечера делаюсь годным для общежития человеком. Сильно мою энергию поддерживают тщеславные и корыстные мечты, как я на будущей акварельной выставке выступлю с четырьмя серьезными акварелями, как на них обратят внимание, как приобретут за порядочную сумму презренного. Выбрал я именно акварель помимо массы специальных соображений еще и потому, что зимой в ней упражняться некогда, а не даром же Чистяков

упорствует в прозвище Фортуна, да и Репин превозносит мой акварельный прием. Рисую я: 1) Задумавшуюся Асю: сидит у стола, одну руку положив на раскрытую книгу, а другою подпирая голову; на столе серебряный двусвечник рококо, гипсовая статуэтка Геркулеса, букет цветов и только что сброшенная осенняя шляпа, отделанная синим бархатом; сзади белая стена в полутоне и спинка дивана с белым крашенным деревом и бледно-голубоватой атласной обивкой с цветами à la Lonis XV. Это этюд для тонких нюансов: серебро, гипс, известка, окраска и обивка мебели, платье (голубое) — нежная и тонкая гамма; затем тело теплым и глубоким аккордом переводит к пестроте цветов и все покрывается резкой мощью синего бархата шляпы. Размер в $1^1/_2$ раза более carte-portrait. 2) Вяжущая M-me Кнорре. На темном фоне голова в сереньком чепце с кружевными белыми бридами, плечи в серой мантилье, завязанной лиловым бантом, атласным, пара морщинистых, темных, костлявых рук с двумя белыми костяными спицами и кусочком розового вязанья; с левой стороны уголок столика, покрытого белой вышитой розанами скатертью с футляром для клубка, очков и серебряной табакеркой. Размер головы немного более Асиной. 3) M-r Jammes, ветхий старичок с бородкой à l'imperial, нафабренными усами, bien élégant avec un noeud de cravatte gros-bleu — коленная фигура — размер carte-portrait. 4) Еще

в эскизе (по вечерам, вместо музыки, хожу приглядываюсь к весьма живописному быту здешних рыбаков. Приглянулся мне между ними один старичок: темное, как медный пятак, лицо с вылинявшими грязными седыми волосами и в войлок всклокоченной бородой; закоптелая, засмоленная фуфайка, белая с коричневыми полосами странно кутает его старенький с выдавшимися лопатками стан, на ногах чудовищные сапоги; лодка его сухая внутри и сверху напоминает оттенками выветрившуюся кость; с киля мокрая, темная, бархатисто-зеленая, неуклюже выгнутая — точь в точь спина какой-нибудь морской рыбы. Прелестная лодка — с заплатами из свежего дерева, шелковистым блеском на солнце напоминающего поверхность Кучкуровских соломинок. Прибавьте к ней лиловато-, сизовато-голубые переливы вечерней зыби, перерезанной прихотливыми изгибами глубокого, рыже-зеленого силуэта отражения и вот) картинка, которую я намерен написать Кенигу [1]), которую уже набросал на память. Старик мне обещал сидеть за двугривенный в час. Сидеть он будет на носу лодки, привязанной к берегу, с ногами, опущенными за борт, и изобразит отдохновение. Больше всех сработана Кнорре: почти кончено лицо и чепец и начата одна рука. У Жама сделана голова, шляпа и плечи, у Аси начата рука и сделана часть серебряного подсвечника.

[1]) Сахарозаводчик, помощником которого был Папмель.

До свиданья, папочка и мамочка. Поцелуйте Лилю, Володюшу, Варю, Настю. Пусть Лиля мне что-нибудь напишет. Вчера я написал Анюте. Лошадку с кучером я окончил к 28-му и подарил. Ни Валуевых, ни Штуккенбергов не видел месяца полтора и ничего о них не знаю. Сегодня собираюсь сходить к Бруни — они живут в Петергофе. Недели через полторы приедет в Мартышкино Репин (5 верст от нас) и с ним Серов.

Ваш сын *Миша Врубель.*

11-ое июня.

12. 1883 г. Осень.

Вот уже времени прошло, что и не сосчитать с моего последнего письма. Но ты представить себе не можешь, Нюта, до чего я погружен всем своим существом в искусство: просто никакая посторонняя искусству мысль или желание не укладываются, не прививаются. Это разумеется безобразно и я утешаю себя только тем, что всякое настоящее дело требует на известный срок такой беззаветности, фанатизма от человека. Я по крайней мере чувствую, что только теперь начинаю делать успехи, расширять и физический и эстетический глаз. Когда я начал занятия у Чистякова, мне страсть понравились основные его положения, потому что они были не что иное, как формула моего живого отношения к природе, какое мне вложено. Это очень недавний вывод. Раньше

же я думал, или лучше разные детали техники заставляли меня думать, что мой взгляд в основе расходится с требованием серьезной школы. Само собою, что усвоение этих деталей помирит меня со школой, было выводом отсюда; и вот принялся за них, как за сущность. Тут началась схематизация природы, которая так возмущает реальное чувство, так гнетет его, что не отдавая даже себе отчета в причине или просто заблуждаясь в ее отыскании, чувствуешь себя страшно не по себе и в вечной необходимости принуждать себя к работе, что как известно отнимает на половину в ее качестве. Очень было тяжело. Разумеется, цель некоторая достиглась — детали в значительной степени усвоились. Но достижение этой цели никогда не выкупило бы огромности потери: наивного, индивидуального взгляда — вся сила и источник наслаждений художника. Так, к сожалению, и случается иногда. Тогда говорят школа забила талант. Но я нашел заросшую тропинку обратно к себе. Точно мы встретились со старым приятелем, разойдясь на некоторое время по околицам; и точно, научась опытом, умею его лучше ценить. Встреча эта случилась следующим образом: летом, как я тебе писал, я виделся с Репиным. „Начинайте вы какую-нибудь работу помимо академии и добивайтесь, чтобы она самому вам понравилась“. Я внял и решил соединить эту работу с заработком, т.-е. делать ее для Кенига и выста-

вить ее вдобавок на конкурс на премию за жанр при Обществе Поощрения Художников. Делал для этого всевозможные приготовления: нанял мастерскую, благодаря твоим присылкам (за которые без конца благодарю, надеюсь весной возвратить), кое чем обзавелся; явился и сюжет, и эскиз сделал; но все твержу себе „начну писать картину“, и звучит это так холодно, безобразно, нестрастно (и это еще после устройства всего, что нужно, чтобы возбудить в художнике желание работать, т.-е. мастерская, натура и проч.; представь до какого отчаяния и омерзения я доходил, когда до того отдалился от себя, что решил, как я тебе кажется и писал, писать картину без натуры). А между тем ключ живого отношения был тут недалеко, скрытый перешептывающимся бытьем и кивающими цветками. Узнав, что я нанимаю мастерскую, двое приятелей Серов и Дервиз пристали присоединиться к ним писать натурщицу в обстановке renaissance (понатасканной от Дервиза, племянника знаменитого богача), акварелью. Моя мастерская, а их натура. Я принял предложение. И вот в промежутках составления эскиза картины и массы соображений и подготовлений (не забудь еще аккуратное посещение академии и постоянную рисовку с анатомии, и ты получишь цифры: с 8-ми утра и до 8-ми вечера, а три раза в неделю до 10, 11 и даже 12-ти часов, с часовым промежутком только для обеда). Занялись мы аква-

релью (листы и листы про наши совместные занятия, дележ наблюдениями, но я просто разучился писать). Подталкиваемый действительно удачно прелестно скомпанованным мотивом модели, не стесненный во времени, не прерываемый замечаниями: „зачем у вас здесь так растрепан рисунок“, когда в другом уголке только что начал с любовью утопать в созерцание тонкости, разнообразия и гармонии, задетый за живое соревнованием с достойными соперниками (мы трое единственные понимающие серьезную акварель в академии), — я прильнул, если можно так выразиться, к работе; переделывал по десяти раз одно и то же место, и вот, с неделю тому назад вышел первый живой кусок, который меня привел в восторг; рассматриваю его фокус и оказывается — просто наивная передача самых подробных живых впечатлений натуры; а детали, о которых я говорил, облегчают только поиски средств передачи. Я считаю, что переживаю момент сильного шага вперед. Теперь картина представляется мне рядом интересных ясно поставленных и разрешенных задач. И видишь, как я рад, как уверен, что мой тон глуп как бахвальство. А вот я заговорю и совсем по-свински. Если ты не подвергаешь себя большим лишениям, Нюта моя, то не откажи маленькими займами до марта месяца. А то за невозможностью нанимать мастерскую я должен буду или кланяться, лизать прах и терять время, или все бросить. А доведу работу

до конца, заработаю хорошие деньги. Акварель, если будет так итти, как идет, то будет действительно вроде дорогой работы Фортуни, кличка которого все более за мною утверждается в академии. Прощай, Нюта, и прости нескладицу, неполноту. Бегу в класс. Я получил медаль за этюд. Не думай,что я о тебе не думаю, а думай, что толчея школы редко позволяет отдаваться этому тихому отрадно-грустному удовольствию. Не наказывай меня за мою неаккуратность собственным молчанием. Мне дороги твои письма. — Твой брат и друг *Миша*.

13. Петербург. 1884 г. Январь.

Дорогая моя Нюта! Прости, что опять замолчал. Опять дела, как никогда: я тебе писал об иллюстрациях для вечера академического [1]), для туманных картин: они меня все праздники продержали за карандашом; зато 2 из них будут помещены в журнале „Вестник Изящ. Искусства“ (я тебе пришлю экземпляр). Теперь мать Серова, оперу которой „Уриель Акоста“ предполагают поставить на московской сцене, просила меня сделать масляный эскиз последней сцены: ученики пришедшие за трупом побитого камнями Акоста, выносят из развалин по тропинке вниз холма, вдали Антверпен; брезжит

---

[1]) Вечер в память Моцарта; иллюстрации к Пушкинскому „Моцарт и Сельери“.

утро. Акварель на $^3/_4$ подвинута. С картиной все неудачи: писать самого себя оказывается, за невозможностью устроить освещение, невозможно. Так что 2-хмесячный труд рисования собственной головы пропал даром (разве может служить хорошим портретом). Бруни, взявшийся позировать, теперь с приближением его конкурса, сильно стеснен во времени, а через 2 недели и вовсе перестанет бывать. Диллон ученица невозможно пудрится и имеет отвратительный лиловый оттенок на фоне гобелена, так что мне сильно хочется от нее отделаться. Сегодня вечером у меня с Серовым было серьезное совещание, как наладить это дело. Он берется позировать каждый день по полтора часа; женскую фигуру беру с одной из его двоюродных сестер (праздничное знакомство и надолго; страшно много интересного и впереди мерещится еще больше) теперь положительно не расположен рассказывать; длинно и не умею: как-нибудь в свободный часок, на масляной; а то вот 12 часов ночи — и первые полчаса, что я свободен в будни; суббота с 7 — 1, 2, 3 посвящается вкупе втроем посещению семейства тетушки Серова, где богатейший запас симпатичных лиц (одно из них работает с нами в мастерской), моделей и музыки (мать Серова, приезжающая раз в 2 недели из деревни). Воскресенье до 4-х часов в мастерской, с 6-ти у Чистякова. Прости, что не писал на праздники; прости, что не поздравил с 17-м; поздравляю

и крепко обнимаю. От Павла Михайловича [1]) слышал, что ты весела и здорова. Благодарю тысячу раз, милая моя, за белье. То есть более кстати, более милого подарка я не мог желать. Какая ты добрая, какая заботливая! Кнорре даже до слез умилилась и просила тебе от всей души кланяться. Благодарю за присылку денег. Если можешь, к 25-му января, февраля и марта высылать по 16 р., то я совершенно обеспечен. Прости меня. Крепко обнимаю и целую тебя, чудный человек Нюта! Твой брат Миша.

Теперь у нас работа, по третям — экзамены; необходимо получить хоть в котором-нибудь классе большую серебрянную. Тогда много времени освободится.

14. 1884 г. Киев. Ноябрь.

Анюта, дорогая, прости меня. Я был виноват, когда не писал по месяцам из неумения распорядиться временем и по лени, и (когда) срок вырос чуть не до года; да и причиною непростительный эгоизм, постановка головного сумбура впереди настоящих целей жизни. Один чудесный человек (ах, Аня, какие бывают люди) сказал мне: „Вы слишком много думаете о себе; это и вам мешает жить, и огорчает тех, которых вы думаете, что любите, а на

---

[1]) Валуева, бывшего в Оренбурге проездом из Ташкента в Петербург.

самом деле заслоняете все собой в разных театральных позах"... Нет, проще да и еще вроде: „любовь должна быть деятельна и самоотвержена". Все это простое, а для меня до того показалось ново. В этот год я сделал много ничтожного и негодного и вижу с горечью, сколько надо работать над собой. Горечь прочь, а скорей за дело. Дней через пять я буду в Венеции. Вот у тебя нет этих упреков: вижу это по твоему лицу, которое меня сильно обрадовало своим спокойствием (я получил твой портрет в Харькове). Мне нечего писать больше: о папе, маме и детях узнаешь из их писем. А сам я чуть не сегодня только начинаю порядочную и стоящую внимания жизнь. Немножко фразисто! Хорошо, что говорю это не седой и измученный, а полной силы для осуществления фразы.

Крепко обнимаю тебя, дорогая

Твой брат *Миша*.

15. 1885 г. Венеция. (Февраль).

Милая Анюта, редковато я с тобой переписываюсь. Решать вопросы? Меняться эстетическими чувствованиями? Я знаю, что ты у дела, которое давно было твоим призванием—да просто у дела, но фиктивного, которое способно быстро исчерпать или оно тебя. Здорова. Лучше этого знать я ничего не придумаю. Вот ты можешь предположить, что мне,

как итальянцу, есть куча о чем писать. И ошибаешься. Как я ожидал, впрочем, так и случилось: как я уже писал папе, перелистываю свою Венецию (в которой сижу безвыездно, потому что заказ на тяжелых цинковых досках, с которыми не раскатишься), как полезную специальную книгу, а не как поэтический вымысел. Что нахожу, в ней, то интересно только моей палитре. Словом, жду не дождусь конца моей работы, чтобы вернуться. Материалу и живого гибель и у нас. А почему особенно хочу вернуться? Это дело душевное и при свидании летом тебе его объясню. И то я тебе два раза намекнул, а другим и этого не делал. Буду летом в Киеве и побываю в Харькове. Прощай, дорогая. Крепко целую тебя. Главное будь здорова.

Горячо любящий тебя брат *Миша.*

9-го марта.
26-е февраля.
Венеция.

16. Одесса, 29 июля (1885 г.).

Дорогая Анюта, спасибо тебе за доброе и ласковое предложение, за веру в мое призвание — этой поддержки довольно. От первой же отказываюсь: здесь в рисовальной школе открываются уроки, которые мне дадут 75 руб. в месяц. Еще раз большое спасибо. Настроение мое переменное, но думаю-таки сладить с собой, промуштровав себя

основательно на этюдах, в которых я за последнее время оказал леность и вольнодумное легкомыслие. Работы от себя за последний год таки малость подгадили. А главное все кругом твердит: довольно обещаний, пора исполнение. Пора, пора!... Целую тебя, дорогая, крепко. Я предлагаю тебе, Нюта, исподволь в определенные сроки, чем кратчайшие, тем лучше, знакомить меня с тем, что прожила и как живешь. Прощай, милая.

Твой *Миша.*

Адрес: Одесса, Софийская ул., д. 18, кв. 10.

17. Киев, (1886 г.? 11 июля).

Анюта, милая, мне страшно грустно, что опять не свиделись. А главное, что тебе пришлось проскучать одной в Киеве целые сутки. Догадался ли хозяин открыть тебе мою квартиру, чтобы ты видала мои работы. Я неделю тому назад покинул Киев совершенно случайно. Приехал меня звать отдохнуть в деревню очень милый и обязательный человек В. С. Трифоновский, которому я пишу портрет его сына. Я счел не только возможным, но просто необходимым дать себе каникулы. Телеграмму получил вчера в полдень, так что свидания даже на промежуточной станции Бахмач устроить было невозможно. Не сердись. В начале зимы непременно

буду в Оренбурге [1]). На-днях возвращаюсь в Киев. Так что адресуй туда. Обнимаю тебя, дорогая моя сестра.

Твой *Миша.*

Я чувствую себя действительно прекрасно отдохнувшим.

18. Киев. 1886 г. (Август).

Аня, дорогая, спасибо тебе: я действительно находился в довольно критическом положении. Дело в том, что я наконец нашел причину моей неуспешности за последнее время — это совершенное оставление втуне работы с натуры, а между тем это единственная дисциплина и средство прокормления; на творчество рассчитывать нельзя. Я теперь пишу очень красивый этюд с девочки на фоне бархатного ковра — вот твои двадцать рублей и помогут мне его окончить спокойно; вероятно удастся его продать руб. за 200 — 300 и тогда опять за Терещенскую картину и за Демона. Был на-днях в Киеве Третьяков, собственник знаменитой галлереи в Москве. Он очень хвалил образа [2]) особенно богоматерь. А отчего ты мне ни словечка?

Твой *Миша.*

---

[1]) Место службы сестры.

[2]) В Кирилловской церкви, писанные в Венеции.

19. Киев, 1886 г. (Август).

Дорогая Нюта, спасибо тебе за письмо и прости, что вновь тебе пришлось в ожидании свидеться; но я опять повторяю обещание, как только зимой соберусь с деньгами, приехать к тебе в Оренбург. Спасибо за молитвы. С каждым днем все больше чувствую, что отречение от своей индивидуальности и того, что природа бессознательно создала в защиту ее, есть половина задачи художника. А, может, я и говорю вздор. Ты мне прости: я встал утром с сильнейшей мигренью, которая меня посещает 1—2 раза в месяц, да ведь так, что шею сводит судорогами от боли. Теперь, не знаю надолго ли, полегчало, и от чего? Мне вдруг страшно захотелось редиски и простого черного хлеба, так, что несмотря на то, что каждый шаг больно отдавался в голову, я побрел на рынок, купил того и другого и стал есть; а боль стала проходить. Когда я себя в искусстве буду чувствовать таким же облегченным? А то все оно стоит не то угрозой, не то сожалением, воспоминаньем, мечтой и мало, мало баловало спокойными, здоровыми минутами. Обнимаю тебя. Обними маму, папу, Лидюшу [1]), (тоже будущую сострадалицу), Володю, Рюту и Настю.

Твой *Миша.*

---

[1]) Сестра от второго брака отца, готовившаяся быть певицей.

Терещенка картина налаживается, а Демон опять остановился.

20. 1886 г. Октябрь.

Спасибо тебе, милая Анюта, за посылку, которую ты слишком скромно оценила — тут целое богатство. Страсть какая уютность от всего этого добра из милых заботливых рук. Но мне стыдно и станет больно, если все это куплено ценой лишений самой себя; а я лишения по отношению к женщине не иначе понимаю, как в очень широком смысле. Ты меня испугала своей хрипотой. С нетерпением жду узнать, прошла ли она. Береги себя после Севастопольской роскоши. У нас тепло и дождь. Этюд девочки давно кончен, но не продается. Зато у меня теперь уроков рублей на 40 в месяц. И не много времени отнимают, потому что по 3 и по 5 руб. Нанимаю за 30 руб. мастерскую, устроенную Орловским с комнатою при ней и балконом на Днепр, возле церкви Андрея Первозванного с хозяйским отоплением; это с конца ноября (там буду писать „Демона“ и карт. Терещенки, которую, после долгих и неудачных проб перекомпановки, решил воспроизвести по очень законченному эскизу, сработанному еще в течение прошлой зимы), а покуда Васнецов уступает мне свою мастерскую во Владимирском Соборе, где решил быстро катнуть „По небу полуночи“. Не посчастливится ли ей

больше, чем этюду девочки. Если у меня будет мастерская Орловского, то ты можешь приехать гостить ко мне хоть на все лето̀, комфортабельно поместясь в комнате с балконом на единственную в Киеве панораму. Собираюсь писать Саше Валуеву. Крепко обнимаю тебя. Береги себя. Твой *Миша.*

Да, забыл: по вечерам еще пишу большой этюд жены одного моего знакомого художника в бальном платье decolletes и manshes courtes. Идет удачно. Большое спасибо за книги. Радда-бай прелесть. Я вообще большой поклонник Индии и Востока; это должно быть Басаргинское татарство. Аня, не найдешь ли ты возможным сделать фотографическую копию с портрета нашей мамы и прислать мне?

21. Киев. (1887 г.?) 7 июня.

Милая Анюта, спасибо тебе за письмо. Рад, что тебе удалось сделать доброе дело. Надеюсь в конце июля непременно быть в Харькове. Теперь я энергично занят эскизами к Владимирскому собору. „Надгробный плач“ готов, „Воскресенье“ и „Вознесенье“ почти. Не думай, что это шаблоны, а не чистое творчество. Обстановка самая превосходная: в имении Тарновского под Киевом. Прекрасный дом и чудный сад, и только один старик Тарновский, который с большим интересом относится к моей работе. Делаю двойные эскизы: карандаш-

ные и акварельные, так что картонов не понадобится и потому вопрос об участии в работах устроится скоро: думаю к 1 числам июля его окончательно выяснить и получить небольшой аванс и тогда, двинув работу, двинуться в Харьков. „Демон“ мой за эту весну тоже двинулся. Хотя теперь я его и не работаю, но думаю, что от этого он не страдает и что по завершении соборных работ примусь за него с большей уверенностью и потому ближе к цели. Будь здорова.

Твой брат *Миша.*

Поклон всем, кто меня помнит.

7-е июня.
Киев.

22. Киев. (1887 г.?) Октябрь.

Милая моя дорогая Аня, отчего от тебя так давно ни словечка? После нашей разлуки [1]) я написал образ „М о л е н и е о ч а ш е“ для сельской церкви имения Мотовиловки Тарновских, прогостив у них все время моей работы. Теперь я здоров по горло и готовлюсь непременно писать „Х р и с т а в Г е ф с и м а н с к о м с а д у“ за эту зиму. „Демон“ требует более во что бы ни стало й фуги да и уверенности в своем художественном аппарате. Спокойное средоточие и легкая слащеватость первого

---

[1]) В Харькове, (у отца).

сюжета более мне теперь к лицу. Поздравляю с наступающим днем папиного рожденья. Жду с нетерпением фотографии. Я совсем обрился; при первой возможности снимусь. Крепко обнимаю тебя, дорогая моя.

Твой *Миша.*

23. Киев. 1887 г. Ноябрь.

Милая моя Аня, спасибо тебе большое за белье и фотографию. Я получил посылку как раз накануне своих именин. Восьмого получил письмо от папы: он с Варей и Настей; Лиля с мамой в Петербурге. Я окончательно решил писать Христа: судьба мне подарила такие прекрасные материалы в виде трех фотографий прекрасно освещенного пригорка с группами алоэ между ослепительно белых камней и почти черных букетов выжженной травы; унылая каменистая котловина для второго плана; целая коллекция ребятишек в рубашонках под ярким солнцем для мотивов складок хитона. Надо тебе еще знать, что на фотографии яркое солнце удивительную дает иллюзию полночной луны. В этом освещении я выдерживаю картину ($4^1/_4$ выш. и 2 шир.). А настроение такое: Что публика, которую я люблю, более всего желает видеть? Христа. Я должен ей его дать по мере своих сил и изо всех сил. Отсюда спокойствие, необходимое для направления всех сил на то, чтобы сделать иллюзию Христа наивозможно-прекрасною—

т.-е. на технику. Здорова ли ты и как идут твои занятия? Что тебе сказать о том, на что я тебе намекал? Чуть-чуть хороших минут, более тяжелых и гораздо более безразличных; одно только—сосредоточию и прямолинейности в работе бесспорно помогает. Обнимаю тебя. Жду письма.

Твой *Миша*.

24. Киев. 1887 г. Декабрь.

Милая Нюта, рисую и пишу изо всех сил Христа, а между тем—вероятно оттого, что вдали от семьи—вся религиозная обрядность, включая и Хр. Воскр. мне даже досадны, до того чужды. Крепко обнимаю тебя, дорогая моя Нюта, во имя самого великого синтеза—кровной связи и глубокой признательности за участие. Относительно твоих планов на лето вот что мне думается: так устроится только наше благополучие, а если ты приедешь в Харьков, то и папино. Я часто думаю о нем и право мне ужасно становится больно, что разлука с нами его подтачивает. Когда бы наконец мое искусство мне дало возможность хоть раза 3 в год съездить в Харьков! Нет, Нюточка, приезжай в Харьков — я обещаюсь весь июнь пробыть там. Кроме того я вероятно соберусь на несколько дней на Пасху. Решить вопрос имения денег в искусстве я все-таки думаю здесь и не осложнять эту задачу еще новой — служ-

бой [1]). Дай сроку еще годик; а там всегда будет время или приехать в Оренбург, или всем устроиться в Харькове. Крепко обнимаю тебя, моя дорогая. Еще раз большое, большое спасибо!

Горячо любящий тебя *Миша.*

P. S. Если знаешь адрес Лихошерстовой, то сообщи его мне.

25. Киев. 11 января (1888 г.?).

Милая моя Аня, прости меня, что и Рождество пропустил, и Нов. год, и наконец запоздал ко дню твоего рожденья. От души поздравляю тебя и крепко обнимаю. Но дело в том, что я все праздники работал буквально высуня язык (пусть не навернется тебе параллель с Райским — (ох, уж эти романисты, много раз они меня с толку сбили) — я принялся за лепку. Я положнтельно стал замечать, что моя страсть обнять форму как можно полнее мешает моей живописи — дай, сделаю отвод и решил лепить Демона: вылепленный он только может помочь живописи, так как, осветив его по требованию картины, буду им пользоваться как идеальной натурой. Первый опыт гигантского бюста не удался — он вышел очень впечатлителен, но развалился; следующий маленький

---

[1]) Сестра указывала на открывшуюся вакансию учителя рисования в Оренбургском Институте, где она служила.

в $^1/_3$ натуры я закончил сильно — но утрировано, нет строя. Теперь я леплю целую фигурку Демона; этот эскиз, если удастся, я поставлю на конкурс проектов памятника Лермонтову; а кроме того с него же буду писать — словом, в проекте от него молока, сколько от швейцарской коровы. Васнецов, когда я перед ним развертываю такие перспективы, всегда подсмеивается: „Да я ведь знаю, вы очень практичны". Да, чуть было не забыл: я живу теперь в Chambres garnies Чернецкого — наше сожительство с Тарновским [1]) расстроилось. Он уехал надолго за границу и квартиру ликвидировал. Я рад — „горшок котлу не товарищ". Так как у меня две мастерских — у Мурашки и у стариков Тарновских, то маленький номерок чистенький, светлый, теплый, полный мебели и стоящий мне с 2-мя самоварами всего 15 руб. в месяц — вещь для меня очень подходящая, главное — есть минуты полной изолированности, а мне, флюгероватому, это очень полезно. Если у вас нет в Оренбурге недавно вышедшей книги „Путешествие по Италии и Египту" Дедлова (псевд. — Книга моего знакомого по Праховым) — то непременно выпишите и прочтите, прелесть как интересно. „Христос в пустыне" отдыхает. Крепко обнимаю тебя. Будь здорова.

Твой *Миша.*

---

[1]) Сыном старика, которому так симпатизировал художник.

Как адрес Лихошерстовой и как ее зовут? M-me Тарновская хотела ей писать.

Адрес мой: Владимирская ул., д. Чарнецкого. 5 февр. выеду в Харьков.

26. Киев. 1888 г. конец января).

Милая моя Аня, повестка твоего пакета, по какому-то недоразумению, попала в мои руки вместо 24 дек. — 28 января. Спасибо тебе большое; прости, что может употребил деньги не так, как ты предполагала, т.-е. не на поездку в Харьков, которую я совершу к 8 февраля[1]), а на поправку сапог, ибо на моих было столько же глубоких ран, сколько на Цезаре в день сраженья его с сенаторами, и на другие столь же необходимые вещи. Теперь у меня урок в 32 руб. в месяц, который меня обеспечивает; в Харькове думаю пробыть неделю. Картина моя подвигается туго — вот целый месяц, что мне даже и смотреть на нее не хотелось. Надо покормиться этюдами, а подходящих для нее нет. В этом отношении выгоднее писать Гамлета (морду — с себя), что я и собираюсь теперь делать. Флюгер. Обнимаю тебя крепко.

Твой *Миша.*

---

[1]) Серебряная свадьба отца.

Пиши всегда, как твое здоровье. Я здоров и чувствую себя молодым на славу.

Большая Владимирская, д. Чарнецкого.

P. S. Письмо это пролежало у меня с неделю. Поздравляю с 3 и 8 февраля. Я получил очень интересную работу: иллюстрировать акварелью 9 фотографических видов днепровских порогов по 25 р. за штуку. Со штукой я справлюсь в 5—6 часов времени; таким образом к концу месяца у меня будет 225 руб., и я примусь спокойно за этюды и кроме того думаю съездить дня на 3 в Харьков, чтобы немного рассеять папу, а то он в мрачном настроении по случаю слухов о закрытии Харьковского округа. Целую тебя.

27. Киев. Февраль 1888 г.

Милая Аня, не знаю, писал ли я тебе, что взялся было для заработка иллюстрировать фотографии видов порожистой части Днепра; тут я снова убедился, что много несчастий художника происходит от того, что он недостаточно чтит свой дар: мучить себя (для каких бы то ни было целей) над тем, что каждую минуту возмущает твою художественную душу — не есть ли это ослаблять, принуждать, притуплять ее чуткость, ее инициативу? И все это от привычки смотреть на интеллект как

на какую-то не подчиненную никаким физическим законам пружину; а между тем это та бесконечно сложно-рассчитано-обусловленное состояние — функция организма, в которой порча одного маленького колесика все останавливает; а мы думаем, что обойдемся, если выломаем 2, 3 и т. д.; и думаем, что творчество здорово, не хиреет, когда одно из колесиков называется внешним невмешательством. Короче — я бросил фотографии и вообще решил ни за что не браться кроме уроков, для которых я выработал такую систему — сажусь и пишу или рисую, а ученица смотрит; нахожу, что это наилучший способ показать, что надо видеть и как передавать; учеников буду брать уже хорошо подготовленных. Но, чтобы не очень отнимать все-таки у себя времени, решил иметь не более 3 и много 4 уроков, что при плате 4 рубл. за урок дает от 48 — 64 рубл. в месяц, что мне вполне достаточно. Теперь у меня два урока — и их даже при маленьком стеснении вполне достаточно для моего умеренного обихода. Кроме того моя система преподавания и мне приносит пользу, заставляя работать с натуры во всю мочь и без всяких целей, что наедине я уже устал до тошноты делать, а это безусловно необходимо. Второй принцип, который себе ставлю — работать не более 2 часов в день, покуда не бросишь тягостной привычки пропускать мимо ушей, что пробил час конца настроения, и продолжать поддерживать

себя в рабочем подъеме, который уже никуда не годится. Васнецов уверяет, что через несколько дней уже захочется только $^{1}/_{4}$ ч. работать, а я уверен, что время будет расти на том основании, что, уберегшись наконец от ломанья, сберегешь силы и тем прибавляешь устойчивость к ежедневным нормам. Теперь эти 2 часа четыре раза в неделю буду посвящать Христу, который начат у Тарновских, и я уверен, что работая по два часа в день, в месяц сработаю больше, чем сработал в 2, работая целый день, да и не устану до омерзения, до того что полтора месяца не хотел и смотреть на картину. Как твое здоровье и занятия? Крепко обнимаю тебя.

Твой *Миша.*

P. S. Работа идет. Вероятно, к Пасхе кончу голову Христа, которую пишу отдельно, независимо от большой картины. Но по случаю болезни одной из моих учениц я вышел из баланса и очень просил бы тебя, если это не очень стеснит тебя, прислать мне 15 рубл. Надеюсь к твоему выезду из Оренбурга возвратить их тебе. Здорова ли ты? Что-то давно нет от тебя известий. Пожалуйста, отвечай скорее.

28. Киев. 1888 г. 16 декабря.

Дорогая моя Нюта, уж я столько, столько виноват перед тобой, что лучше об этом брошу. Твою

посылку я конечно получил и крепко тебя за нее целую. Все это время я был ужасно озабочен и занят, теперь немного могу успокоиться: материальная моя перспектива по крайней мере на год совершенно выяснилась. Я наконец принял участие в соборных работах. Покуда это, разумеется, не le bout du monde, а всего композиция и надзор за исполнением орнаментов в боковых наосах. 1000 арш. за 1500 р., т.-е. за покрытием расходов мне удастся зарабатывать в месяц 150 — 200 рубл. Далее будет исполнение картонов и эскизов Сведомских на 4 плафонах; а там и самостоятельный кусок с так назыв. „лицевой", т.-е. сюжетной живописью. Веду жезнь гомерическую; $^3/_4$ денег извожу на еду и $^1/_2$ времени на сон. Ничего не читаю; бываю только в цирке да изредка у Мацневых и Тарновских. Приезжал сюда Серов. Он мне не признался, но я заметил, что он мысленно разевал рот на мой гомеризм. Он женился и в январе переезжает на жительство в Киев. Я с ним только не стесняюсь, но удовольствия прежнего уже не нахожу. Послал к 15 письмо в Питер, а папе телеграмму и письмо сегодня 16[1]). Вот уже скоро 3 недели, как я работаю, и работа все мне становится проще и занимательнее — как раз обратное моим одиноким замыслам: всегда кажется

---

[1]) День рожденья мачехи.

до того просто, что за четырехаршинный холст берешься дерзко, даже без наброска предварительного; а там запутываешься и работа становится отвратительна. Это потому, что здесь много отводов для ненастоящего градуса энергии, вроде разрешения вопросов побочных, помощнических, да и реагирование Праховской деловитости и эрудиции. Словом, я на год в будущее смотрю самым розовым образом, а дальше загадывать не стоит; самое худшее легко встретить силами, накопленными за год подъема духа. Где-то педагог предлагает родителям в детях во что бы то ни стало поддерживать эту веселость духа, что на всю жизнь воспоминание об этом будет плюсом в их силах, да и взрослые не замечая, отдаются иллюзии сейчас, чтобы легче поднять бремя многих часов трезвости! Полное равновесие — унылый признак. Ну, заврался: вышло вроде панегирики „завтра, завтра — не сегодня". Обнимаю тебя, дорогая. Не взирая на мое свинство, пожалуйста пиши почаще. Фундуклеевская, № 1.

Твой брат *Миша.*

29. Киев. 5-го января 89 г.

Дорогая моя Аня, крепко обнимаю тебя и поздравляю с Новым годом. Я обменялся письмами с папой и мамой и сейчас опять посылаю им по письму. Папу я уговариваю непременно взять назначение в Казань, хотя бы и на год. На лето все

могут съехаться там на даче — и тебе близко; а зимой мама опять в Питер с детьми, — так что переезд особенных затруднений не представит — только перевозка гардероба. А неизменность материального положения весьма важна. Одно только—перспектива нового зимнего одиночества папы. Но мне приходит в голову, что не следует и маме уезжать с Лилей в Питер. Лиля должна выступить в концерте и Казань как не такой страшный, но все же оперный город, представляет в этом отношении все удобства. Мои работы в соборе идут успешно; особенно со времени отъезда Прахова на 2—3 недели — интервал присутствию кого-то за спиной сильно развязывает руки; хотя заботы и ответственности по горло. Я работаю и вечер, не очень однако поступаясь моим „гомеризмом“. Канун Рождества я обедал и был на елке у Тарновских — чудные это люди, столько сдержанности, серьезности и самого тонкого внимания к жизни при полной физической возможности всем этим пренебречь. Как твое здоровье и как провела праздники? Черкни, недолго собираясь, полстранички. А помнишь, о чем мы говорили — то чувство оно кажется растет и крепнет и тем сильнее, чем чаще я доволен собою. Ты знаешь— рассудочность усыпляет, а это чувство неусыпный показатель. Крепко обнимаю тебя еще раз.

Фундуклеевская № 1 (первый). Твой *Миша.*

Мои материальные дела великолепны.

30. Москва. 1890 г. 1-е мая [1]).

Нюта, дорогая моя, ты не должна очень сердиться, что я так давно тебе ни слова; хотя это преступление и не имеет названия. Страшно грубо. Но что делать, когда моя жизнь все еще состоит только из опьянений до самогрызни и ворчаний на окружающее. Ужасно как-то ожесточаешься. Ты знаешь, что я всю эту зиму провел в Москве и теперь здесь же. Васнецов правду говорил, что я здесь попаду в полезную для меня конкуренцию. Я действительно кое-что сделал чисто из побуждения „так не дамся-ж!“ И это хорошо. Я чувствую, что я окреп — т.-е. многое платоническое приобрело плоть и кровь. Но мания что непременно скажу что-то новое, не оставляет меня; и я все-таки как помнишь в том стихотворении, которое нам в Астрахани или Саратове (не припомню) стоило столько слез, могу повторить про себя: Où vas tu? Je n'en Sais rien“. Одно только для меня ясно, что поиски мои исключительно в области техники. В этой области специалисту надо потрудиться; остальное все сделано уже за меня, только выбирай. Помнишь мои намеки на киевскую пассию — я ей

---

[1]) Большой перерыв в переписке вызван отчасти серьезною болезнью отца, вызовом к нему брата, который уже больше не возвращается в Киев.

изменил, хотя мне все еще дорого воспоминание. Я сильно привязался (и думаю, как только стану на ноги, сделать предложение) к одной особе, которая ближе ко мне и по физической организации, и по общественному положению — и нравственный облик ее не манит тихим пристанищем как тот, и обещает широкий союз оборонительный и наступательный в борьбе с самим собою. Что всего важнее нам в жизни? Например: я так привык стремиться, что во мне всякая уверенность влечет охлаждение — вещь превосходная для исполнения работы — но не терпимая в замысле, так же, как и в любви. Это моим 19-летним другом (я может клевещу на нее, и мне порядочно бы досталось презрения, если бы этот эпитет до нее дошел) прекрасно почувствовалось, и он с замечательной энергией и стремительностью тотчас выводит меня из опасной уверенности. Кокетство? Скажешь. Да, и дай бог тогда этому кокетству всего хорошего. Она только темная шатенка с карими глазами; но и волосы, и глаза кажутся черными-черными, рядом с матово-бледным, чистым, как бы точеным лицом. Она небольшого роста, и в детстве прошла через те же диеты, сырого мяса и рыбьих жиров как и мы с тобою. Носик очень изящной работы, с горбинкой, напоминает лисичку. Все впечатление овального личика с маленьким подбородком и слегка приподнятыми внешними углами глаз напоминает тонкую загадочность

не без злинки — сфинксов. Но я несколько раз видел, как эти глаза смотрели просто и мягко, как у телушки... До другого письма, Нюточка. Обнимаю тебя и Настю [1]). Поскорее ответь мне. Москва. Садовая прот. Спасских казарм, д. Мамонтова.

31. Москва. 1890 г. 22-го мая.

Милая моя Нюта, я оборвал последнее письмо. Впрочем, оно так и надо — то, на чем я кончил, уже прошло. Вот уже с месяц я пишу Демона. Т.-е. не то, чтобы моего монументального демона, которого я напишу еще современем, а „деманическое“: полуобнаженная, крылатая, молодая, уныло-задумчивая фигура сидит, обняв колена, на фоне заката и смотрит на цветущую поляну, с которой ей протягиваются ветви, гнущиеся под цветами. Обстановка моей работы превосходная — в великолепном кабинете Саввы Ивановича Мамонтова, у которого я живу с декабря. В доме, кроме его сына студента, с которым мы большие друзья, и его самого наездами, никого нет. Каждые 4—5 дней мы отправляемся дня на 2 — 3 гостить в Амбрамцево, подмосковное, где живет мать с дочерьми, где и проводим время между кавалькадами, едой и спаньем. Папа мне пи-

---

[1]) Самая младшая сестра, жившая временно у старшей в качестве экстерны института (причина — серьезная болезнь отца).

сал, что ты потеряла дорогого друга Анну Никифоровну [1]). Напиши мне, как ты живешь. В чем изменилось твое положение в институте? Что Настя? Я с нетерпением жду. Москва. Садовая прот. Спасских казарм д. С. И. Мамонтова. М. А. Врубель. Получила ли ты мое предыдущее письмо? Крепко обнимаю тебя, моя дорогая и мою милую Настюшу.

Горячо любящий тебя брат *Миша.*

32. Москва. 1891 г. 20-е марта.

Анюта, дорогая моя, прости, что пишу тебе карандашом. Но я столько откладывал тебе писать, что теперь у меня выросла целая скала на совести, и я ее не могу выносить ни минуты далее, а чернил под рукою нет. Прежде всего вот уже вторично я в письме твоем читаю полунамек, который я может совершенно ошибочно отгадываю. Напиши яснее, и мы, может быть, побеседуем. Я сейчас занят иллюстрациями к Демону в издании (иллюстрированного) Лермонтова т-вом Кушнарева. Ты можешь прочесть объявление об этом издании в Мартовской книжке „Русской Мысли". Мучаюсь и работой, мучаюсь и порывами к кубку жизни. Прости, дорогая, что больше не пишу, а то и эти строки

---

[1]) Начальница Оренб. Института, выдающаяся личность по уму и сердцу, потерпевшая в своей карьере за либерализм.

зазимуют. Две недели тому назад проезжал папа через Москву в Питер и останавливался у меня (у меня хорошая комната: Чистые Пруды, угол Харитоновского и Мошкова переулков, д. Мороховец). Со дня на день жду его обратно. Папе тоже не сладко живется; он пополнел и подряхлел. Чем-то кончится его попытка снова поступить на службу? Как бы я хотел ему этого! Да кому хорошо живется? Счастлив еще тот, кто втянулся в свое поприще. Я и этим не могу похвастать. Крепко обнимаю тебя. Слышишь, Нюточка, непременно напиши поскорее, поподробнее.

Горячо любящий тебя брат *Миша.*

33. Абрамцево (под Москвой) 1891 г. Лето.

Милая моя Нюта, спасибо, что не забываешь меня. Меня встревожило письмо твое на счет твоего здоровья: ты поехала на кумыс с расположенной к чахотке. Совместное пребывание с таким субъектом может вредно отозваться на твоем здоровье. Напиши, как твое здоровье. Если ты хочешь приехать в Москву только для французской выставки, то право не стоит. Говорю тебе это, как искренний художник; хотя многие здесь этот мой взгляд принимают за пародокс. Все это — любая трескучая обстановка; а живопись без капли вдохновения и воображения. Наш Лермонтов вышел 15-го июля, и я тебе

его вышлю в Оренбург, как только побываю в Москве, Сейчас я опять в Абрамцеве и опять меня обдает. нет, не обдает, а слышится мне та интимная национальная нотка, которую мне так хочется поймать на холсте и в орнаменте. Это музыка цельного человека, нерасчлененного отвлечениями, упорядоченного, дифференцированного и бледного Запада. Все это хорошо, а скверно, что если приедешь в Москву, то мне опять нельзя устроить тебя у себя дорогая моя, или устроиться нам вместе. За мной, правда, числится комната очень чистенькая в одной из изб Давыдкова: но август здесь уже очень прохладный и грозит затяжными дождями. Если приедешь, то извести в точности когда будешь в Москве, по адресу: Московско-Ярославская ж. д. ст. Хотьково, сел. Абрамцево Врубелю. Я тебя встречу на вокзале и там обдумаем, где остановиться. Я получил на днях письмо от папы. Зовет в Одессу на дачу. При всем желании и к крайнему моему огорчению не могу. У Красовских [1]) и у дяди Антона [2]) я не был, у Даль — тоже, потому что я никогда не бываю. Сейчас я даже совсем один на целую неделю: семья Мамонтовых уехала в Киев посмотреть на работы по исполнению во Владимирском Соборе орнаментных эскизов сына их Андрея Мамонтова:

---

[1]) Племянник и брат отца.

[2]) Поездка за границу, в Рим.

чудесного юноши, полтора месяца тому назад скончавшегося здесь в Абрамцеве от отека легких. Много, много обещавший юноша; я, несмотря на то, что чуть не вдвое старше его, чувствую, что получил от него духовное наследство. А может — это только впечатление вообще той семейной среды, у которой и он душою питался.

Обнимаю тебя, дорогая моя, и жду от тебя поскорее вестей.

Сердечно твой *Миша*.

34. Москва. 1892 г. Июль.

Милая моя Нюта, прости, что так долго тебе не отвечал. Что твой перевод в Москву? И в какой именно Институт: здесь их 4. Я опять в Москве или лучше — в Абрамцеве и опять осажден тем же от чего отдыхал 8 месяцев [2]): поисками чисто и стильно прекрасного в искусстве и затейливого личного счастья в жизни; как видишь — все голова и тени. Переведя на более понятный язык: опять руковожу заводом изразцовых и терракотовых декораций (в частности — отделкой часовни над могилою Андрея Мамонтова) и постройкой (по моему проекту) пристройки к дому Мамонтовых в Москве с роскошным фасадом в римско-византийском вкусе. Скульптура вся

собственноручная. Так всем этим занят, что к живописи стал относиться легкомысленно. Я привез из Италии много прекрасных фотографий еще более прекрасных видов; в один прекрасный день взял одну из таковых да откатал почти в один присест на 3-аршинном холсте; мне за нее уже дали 50 руб. Если я напишу 10 таких картин в месяц — то вот 500 руб.: а если их продам по 100 руб., то и вся 1000 в месяц. Недурная перспектива? Если я сам смотрю и не нагляжусь на фотографию, то, прибавка к ней намек еще на тон, я могу совершенно удовлетворить зрителя; тон — и размер. Я давно об этом думал; но, утомленный поискам заветного, я никогда не имел энергии приняться как следует, за это здоровое дело. Бог ней, с призмой — пусть природа сама говорит за себя. Призма — в орнаментике и архитектуре — это музыка наша.

Жду вести. Обнимаю.

Твой *Миша*.

Спасская-Садовая, д. Мамонтова.

35. Москва. 1892 г. 7-е сент.

Милая Нюта, что твой перевод в Москву? Что-то нет давно от тебя вестей и к нашим. Здорова ли ты? Я здоров и работаю над отделкой фасада флигеля дома Мамонтова. Соби-

раюсь писать сразу три большие картины: Роща под Равенной из пиний, в которой прогуливался Дант (я привез чудные фотографии этой рощи) с фигуркой Данта. Макбета и трех ведьм (я на днях на Малом театре видел „Северные богатыри“ Ибсена и мне страшно понравилось, как и все, что он пишет, — по-моему это более гуманный Толстой и потому глубже и шире видящий). И наконец, „Снегурочку“ на фоне снежных сумерек. Читала ли что нибудь Ибсена? В последнем письме папы он пишет о своем предположении переехать в Москву. Я не совсем разделяю его взгляд на безразличие материальных условий Одессы и Москвы. 1) Последняя несравненно но дороже, потому что и климат суровее и расстояния громадные. 2) Достать постоянную казенную или общественную деятельность Варе несравненно труднее: легче и богаче частный заработок — но это роскошный луг, который часто оказывается трясиной. Настя еще в таких летах, что о расширении круга артистических впечатлений ей еще думать рано. Совершенно достаточно Одесской школы: чем серьезнее она там займется, тем более залога успехов в будущем. И не лепкой заниматься а рисунком. Как ты смотришь на все это? Жду весточки (Спасская-Садовая, д. Мамонтова. Москва). Обнимаю.

Твой *Миша.*

б) 36. 1893 г. (?) Лето.

Сейчас у меня ничего нет ясно набросанного. Завтра непременно сделаю. *М. Врубель.*

Не знаю, получила ли мое письмо, которое послал сегодня: мне нездоровилось, и я эти три дня сидел дома и кис, завтра жду тебя непременно.

а) 37. Москва. 1893 г. (4-е М.).

Милая Нюта, у меня нечто вроде гастрической лихорадки и потому я должен с неделю посидеть дома. Так как мне эти дни нездоровилось, то я еще ничего не сделал из обещанного. Ведь ты будешь добра приехать ко мне завтра? По дороге ко мне сверни по Сретенке и увидишь небольшой магазин с черной вывеской направо—Надежина, купи там лист бристольского картону, для удобства перевозки заставь его разрезать пополам. Я при тебе и сделаю. Твой *Миша.*

Извощику давай 30 коп.

38. 1893 г. (?) Лето.

Милая Нюта, никак не ожидал, распечатывая письмо, что оно из Одессы: само собою разумеется, что на штемпель я позабыл посмотреть. Я последнее время все был в заботах, а потому мы

и не увиделись, — благо хлопоты мои увенчались успехом. Я получил довольно большой заказ: написать на холстах 3 панно и плафон на лестницу д. Дункер женатого на дочери известного коллекционера Дмитрия Петровича Боткина, работа тысячи на полторы; что-нибудь относящееся к эпохе Ренессанс и совершенно на мое усмотрение. Теперь обдумываю темы и положительно теряюсь в массе; но не унываю, потому что чувствую, что так выужу что-нибудь по своему вкусу. Аллегорические, жанровые или исторические сюжеты взять? Как ни симпатичны мне 1-й и 3-й, а какое-то чувство тянет к моде—к жанру. Теперь я опять уединился в номера С.-Петербург и покуда все мои планы туриста, сына и брата, если не разлетелись, то отложны до осени. Крепко обнимаю всех наших. Очень рад предприимчивости Лили. Кто это Немировский и вообще попроси Лилюшу дать побольше подробностей предполагаемого турнэ. В какое время, какие места?

Решил пейзажи с фигурами. Матерьял огромный: более сотни отличных фотографий Италии; а не утилизировать это усовершенствование глупо. Совершенствование жизненной техники вот пульс настоящий; он же должен биться и в искусстве. Никакая рука, никакой глаз, никакое терпение не сможет столько объективировать, как фотографическая камера,—разбирайся во всем

этом живом и правдивом матерьяле с твоей душевной призмой: об его непризрачные рельефы она только протрется — потускнела, слишком ревниво оберегаемая. Против чего я горячусь? Против традиций, которые, если бы им было даже и 10—15 лет от роду (как традиция наших Передвижников) уже узурпируют абсолютизм. Какая-нибудь дрянная школа постановки голоса, искалечившая много природных даров в какое-то мурлыканье, горло-полосканье и вопли, смеет ставить себя музыкальным диктатором. И какая пошла оргия: бочкообразные бабелины (Клямжинская, Зембрих) изгримасничались и легкие флейточки; несчастные маломерные падчерицы карьеры раздулись в какие-то отчаянные драматические рупоры. Благо много пишется, а еще охотнее дается и слушается бессмысленной поддельной музыки, которая ничего не проигрывает от исполнения (напр. Паяцы). Нет, инструментализм голоса и музыка, написанная хорошим автором, единственные объекты работы. Не правда ли, Лиля? Еще раз обнимаю всех.

Твой брат *Миша.*

Я буду значит лето в Москве, и тебе, Нюта, не будет скучно вернуться в твои душные институтские палестины.

Каланчевская, гостин.
С.-Петербург, № 36.

39. Москва. 1893 г.

Милая моя Нюта, как мне досадно, что уже столько раз не заставала меня дома: 3 дня я гостил в деревне у Люботович — думая помочь своему ревматизму; 3 дня с горя, что он ухудшился, и чтобы как-нибудь поддержать бодрость духа для предстоящего начала работ у Дункера уже на холстах на месте, — я провел с Кончаловскими [1]), у них и ночевал. Наконец, в субботу очень бойко начал чертить углем; но ты представляешь, что такое отделывающийся дом: незапирающиеся рамы, хлопанье дверьми и адские сквозняки—словом, я еще больше простудился и решил, пока не поправлюсь, туда ни ногой. Сейчас сижу дома и поджидаю аванса, в котором мне не откажут и о котором вчера написал, за одну домашнюю работу. Тогда примусь за серьезное леченье, состоящее в ваннах с предварительного конечно указания хорошего доктора. Другую часть лечения, т.-е. борьбу с ломотой и болями произвожу и сейчас усиленными приемами салицилки — теперь это признано лучшим средством в острых ревматизмах.

---

[1]) Н. П. Кончаловский—редактор издательства Кушнарева, который издавал между прочим юбилейные издания сочинений Пушкина и Лермонтова, в иллюстрации которой принимал участие М. А. Врубель.

Сегодня покуда не выходил уж очень серая погода: поджидал тебя: думал, не заглянешь ли? Как твое здоровье? Если послезавтра меня не будет до 1-су, то не соберешься ли ко мне: я тебя буду ждать до 4-х. Обнимаю тебя.

Твой брат *Миша.*

Четверг.

P. S. Приходи, а то „скушно“.

40. Москва. 1893 г. 16-ое авг.

Милая Нюта, доктор меня засадил до пятницы дома. Нашел во мне страшную анемичность и велел прежде всего заставлять себя есть непременно 4 раза в день и в помощь аппетиту каждый раз выпивать рюмку портвейну. Как лечение—пить иод с горячим молоком 3 раза в день. Мне он очень понравился подробностью осмотра и ясностью формулировки — он ручается 99:1 что совершенно уяснил себе мое болезненное состояние. В пятницу я опять еду к нему. Если посетишь в один из этих деньков, буду в восторге. Твой подарок [1]) — прелесть. Обнимаю тебя.

Твой брат *Миша.*

О поездке и лечении ваннами он и не заикался.

---

[1]) Эгерская фуфайка.

41. Москва. 1893 г. Ноябрь (первые числа).

Прости, милая Нюта, что до сих пор не собрался к тебе: дело с бездельем так чередуются непосредственно, что никак не улучить минутки. Кроме того, только сейчас определилось положение наших путешественников [1]). Они в Омске и будут ждать там снятия траура с театров. Здесь ходят слухи, что это будет около 15-го этого месяца; так что ждать не долго. Покуда разучивают новое. Во все время путешествия бисировали только две вещи; ария Зибеля с цветами и песня Ольги из Русалки. Последняя бисируется постоянно, так что Лиля может быть довольна. Все они здоровы и живут дружно.

42. 2 декабря.

Предшествующее письмо я тебе писал, как видишь, около первых чисел ноября, да и не послал; потом, так как не получал от тебя нового запроса, думал, что Лиля писала тебе, и ты о ней знаешь. Сегодня получил твое письмо и к вышеизложенному прибавляю: они еще все в Омске; спектакли возобновились кажется 16 и 17-го; они должны

---

[1]) Часть оперной труппы Мамонтова предприняла артистическое турнэ, в котором участвовала сестра от второго брака.

были дать там 8 спектаклей; между прочим шло Риголетто со вторым актом, где у Лили знаменитое Caro nome. Публика принимает их отлично, и все они здоровы. Из Омска они поедут обратно тем же путем и будут давать спектакли в разных местах; спустятся до Оренбурга, а может и Кавказа. Максимально их вояж предполагается до великого поста, а может вернутся и раньше. Будь здорова; на-днях сдаю свои панно и буду у тебя, моя дорогая.

Твой *Миша.*

Адрес Лили в Омске: Гостиница?; да пиши Городской Театр [1]).

43. 1894 г. 4-е М.

Милая моя Нюта, пишу тебе с дороги, со ст. Смоленск, по пути в Sturla в окрестностях Генуи, куда командирован С. И. Мамонтовым, чтобы, прожив вместе с его сыном до времени приятных морских переездов, отправиться морем (Ливорно, Неаполь, Палермо, Мессина, Катания, Пирей, Константинополь) в Россию. Все мое пребывание заграницей продлится месяца $1^1/_2$ или 2; в конце его думаю побывать у наших в Одессе. Беру с собою

---

[1]) Это артистическое турнэ сестры устроил художник при помощи С. И. Мамонтова.

целый арсенал художественных инструментов, чтобы запечатлеть это пребывание минимум в 20-ти этюдах. Прости, что за хлопотами и спешностью отъезда не простился с тобой. Крепко обнимаю тебя. Вот и я завтра вступаю в 39-ую годовщину жизненного странствия. Пиши мне, милая моя: Italia, Sturla presso Genou Hotel dei Mille Vrubel.

Горячо любящий тебя

Миша.

P. S. Этот адрес будет моим на 2—3 недели.

44. 1894 г. Sturla (presso Geneva). Март.

Милая моя Нюта, как твое здоровье? Ты мне можешь написать пару словечек Grèce Athénes poste restante. Завтра мы отправляемся морем в Неаполь, откуда через Бриндизи в Пирей, Афины, Константинополь, Одессу (где я увижу наших; но остаться мне не придется, потому что я должен сопутствовать Мамонтову — перенес операцию — до Москвы). Делаю этюды и глубоко огорчен, что не могу увезти всю окружающую красоту в более удачных и более полных художественных воспоминаниях.

Крепко обнимаю тебя.

Твой *Миша.*

Можешь написать и Turqui Constantinople poste restante. Около 18-го апреля буду в Москве.

45. Москва. 1895 г. (декабрь).

Нюта, не будь на меня в претензии, что я опять пропал. Посылала ли ты телеграмму к 15-му [1]) и догадалась ли прибавить меня? Письмо я маме отправил только 16-го: затянулось на целых 4 дня. Я обещаю приехать в Одессу во второй половине января или в первой — февраля. Разбираю вопрос женитьбы [2]) и занятий папы в частном предприятии. Черкни: здорова ли? И какой день свободна?

Твой *Миша.*

46. Москва. 1896 г. Март. (Среда).

Милая Нюта, спасибо тебе за твое горячее поздравление с предстоящей мне переменой моей судьбы. В пятницу невеста моя — Надежда Ивановна Забела, проездом из Рязани (где она гостила у отца) заграницу к матери, будет в Москве; я думаю, что мне удастся удержать ее дня 2 — 3 и мы будем с ней у тебя. Я теперь страшно занят: 2 Морозовские работы и Нижегородская. Только по окончании их, что будет не

---

[1]) День рождения мачехи.

[2]) На дочери П. П. Кончаловского, вышедшей затем замуж за скульптора Ясиновского.

раньше конца мая, я поеду к невесте за границу и там мы повенчаемся. Конечно, вытащим Лилю из Милана. Обнимаю тебя, дорогая.

Твой брат *Миша.*

Я живу у С. И. Мамонтова. Черкни, в какой день не дежурная.

47. Москва. 1896 г. Май.

Прости мне, моя милая Нюта, что так долго оставил тебя в неизвестности о своей судьбе. Твое приглашение попрощаться уже не застало меня в Москве: я был в Нижнем, откуда вернулся только 22-го. Работал и приходил в отчаяние; кроме того академия воздвигла на меня настоящую травлю; так что я все время слышал за спиной шиканье. Академическое жюри признало вещи слишком претенциозными для декоративной задачи и предложило их снять. Мин. Фин. выхлопотал высочайшее повеление на новое жюри, не академическое; но граф Толстой и В. К. Влад. настояли на отмене этого повеления. Так как в материальном отношении (Мамонтов купил у меня эти вещи за 5000 руб.) этот инцидент кончился для меня благополучно, то я и уехал из Нижнего; до сих пор не зная, сняли-ли панно или только завесили. Теперь работаю Морозовские панно и вероятно выберусь за границу к Н. И.

не раньше конца июня. Свадьба не раньше 30-го. Конечно, из 5-ти тысяч мне осталось получить только 1 тыс., из которой получив 500, триста послал Наде и 100 Лиле; этим я совершенно утешен в моем фиаско. Обнимаю тебя. Обними и поцелуй дорогих папу и маму, Варю и Настю.

Твой брат *Миша.*

Москва. Садовая у Ильи пророка,
д. Арцыбушева.

Папу поблагодари за бумагу [1]), которую я давно получил.

48. Москва. 1899 г. (Январь).

Милая Нюта, спасибо за весточку [1]). Поздравляем тебя я и Надя с Новым Годом. Обними папу и маму и поздравь их от нас. Мне ужасно стыдно, что за все праздники не собрался написать дорогим нашим папе и мамочке. Все бесконечные и мало подвигающие заботы в нашей с Надей артистической участи. Плюсы это: я закончил наконец Морозовские панно и принялся за „Богатыря“, которого еще летом писал. Пользуюсь светом, и потому все праздники и сейчас днем

---

[1]) Документ, необходимый для женитьбы.

[1]) Сестра была в Севастополе у больного отца.

покуда не выхожу. Администрация нашей выставки (т.-е. в Петербурге в Солян. Гор. Муз. Штиглица) в лице Дягилева упрямится и почти отказывает мне выставить эту вещь, хотя она гораздо законченнее и сильнее прошлогодней, которую они у меня чуть не с руками оторвали. Вещь почти кончена и радует меня настолько, что я хочу рискнуть с ней на академическую выставку, если примут. Ведь я аттестован декадентом. Но это недоразумение и теперешняя моя вещь, мне кажется, достаточно его опровергает. Как видишь, я себя утешаю, потому что мне по крайней мере не мешают в моей мастерской. Наде грустнее: ее право на артистический труд в руках Мамонт., у которого в труппе целых 9 сопран и полный разгул фаворитизму и глумлению над заслугами. Ей мало приходится петь; опускаются руки на домашнюю работу; стерегут: скука и сомнение в своих силах. Отдохнули мы немного, имея возможность принимать и попраздновать добрейшего Рим. Карсакова за время его пребывания в Москве на праздниках. Он кончил новую оперу на сюжет „Царская Невеста“ из драмы Мея. Роль Царской Невесты Марфы написана им специально для Нади. Она пойдет в будущем сезоне у Мамонтова; а покуда такой знак уважения к таланту и заслугам Нади от автора заставляет завистливую дирекцию относиться к ней еще суровее и небрежнее. Не откажи, дорогая Нюта, хоть два раза в неделю черкнуть два слова

о папином здоровье[1]). Что наши дорогие молодожены[2])? Обнимаю всех крепко.

Твой *Миша.*

49. Москва. 1899 г. Март (Понедельник).

Милая Нюта, спасибо тебе за пересланное письмо Нади и за последнее уведомление о здоровье папы. Как теперь его здоровье? Я в Петербург не ездил: мой „Богатырь“ еще не продался, и я должен был сейчас же приняться за пушкинские иллюстрации, а теперь рисую камин для Мамонтова, чтобы поддержать свои финансы. Вследствие таких тесных обстоятельств, я не мог и не могу ссудить тебе на путешествие[3]). Сейчас в Москве два гостя из Питера: княг. Тенишева, которая нас, художников, угощает роскошными обедами и пригласила меня с Надей жить летом в одной из усадеб Орловской губ. совершенно отдельно; я думаю, это нас очень устроит, тем более, что хуторская природа нам очень надоела. Второй гость — муж Надиной кузины — Цытович; он остановился у меня и сегодня уже уезжает. Надя поет очень мало[4]) и много скучает: слава богу, осталось теперь меньше 2 недель.

---

[1]) Предсмертная болезнь отца.

[2]) Третья сестра Варя, недавно вышедшая замуж.

[3]) Возвращение из Севастополя (от отца) в Москву.

[4]) Гастроли в Киеве.

Есть ли надежда, что Володино прикомандированье обратится в перевод? Что молодожены? Если это тебя устроило бы, то пришли мне доверенность на получение твоей пенсии, которую я немедленно и вышлю. Обнимаю тебя. Обними папу, маму и всех милых наших.

Твой брат *Миша.*

50. Москва. 1899 г. (Суббота) Март.

Спасибо тебе, дорогая моя Нюточка, за всегдашнюю заботу обо мне. Кашель мой после нескольких кусочков лакрицы и приема 10 гр. хины прошел совершенно и с тех пор я совершенно здоров. А вот Надя моя все скрипит; театральный доктор нашел у нее симптомы сильного малокровия. У ней очень плохой аппетит и частая бессонница. Так что завтра я еду к ней [1]). Конечно, хорошо было бы, если бы она бросила сезон и вернулась в Москву. Но я понимаю, как не хочется ей оставить поприще состязания в самом разгаре. Мои дела мне совершенно позволяют: балалайки я кончил и деньги за них получил. „Демона“ кончать всегда будет не поздно. А то маленькое, что я хотел написать для открытой уже нашим товариществом выставки, я безусловно не успею, так как она за-

[1]) В Киев, где гастролирует Москов. частн. опера Мамонтова.

крывается не в вербное воскресенье, как предполагалась, а в ближайшее. В Киеве же за 2 недели я могу тоже создать какую-нибудь ценность акварелью. Жалко, что мы не увидимся на 6 неделе; но это тебе нисколько не помешает остановиться у нас. Я все инструкции относительно утреннего кофе и обеда оставил Паше. Спать предлагаю на моей постели. Обнимаю тебя, моя дорогая. Непременно же остановись у нас.

Твой брат *Миша.*

51. Хутор Ге. 1901 г. 2 мая.

Милая Анюта, вот мы уже окончательно водворились в хуторе после 4 дневной побывки в Киеве. который нам очень улыбнулся: такой он нарядный и цветущий. Компания тоже милая — 3 молодых художника и музыкант; все они у нас поочереди перегостят в хуторе. Сегодня приезжает Замирайло; я купил в Киеве хороший фотографический аппарат, но так как совершенно не умею с ним обращаться, то Замирайло научит меня и сделает к тому же необходимые снимки с сирени, которая уже в цвету. Холст, долженствующий воспринять сирень в $4^3/_4$ арш. длины и 3 арш. вышины. Чем-то разрешатся все эти небывалые для меня сложные preliminaires? Спасибо за присылку вырезки из газеты. Журналы и газеты мы аккуратно получаем.

Мы покуда обходимся с одной Настей: она, ничего, управляется — за наше пребывание в Киеве перемыла все полы и окна. Надин выходной костюм: синий сарафан, синяя кисейная кофточка, белая шляпа с голубым и белое шевиотовое фигаро слились в довольно забавную смесь Empire с Москвой; Надя в нем щеголяла в Киеве. Напиши, как ты проводишь время. Здорова ли? Крепко обнимаю тебя. Надя тоже. Твой брат *Миша.*

52. Москва. (1896 г.).

Милая Анюта, прости, что так долго не показывался и молчал: теперь мне приходится очень много работать, наверстывать запущенное. Ты хочешь видеть мою скульптуру [1]); сейчас не время, потому что начал формовать из гипса частями, и поэтому плачевный вид разрозненности. Не будешь ли как нибудь в моих странах потолковать. Все эти дни я буду до часу дома; а затем с 7-ми. Сегодня не выхожу — у меня флюс. Заезжай. Кое-что покажу тебе у себя дома. Твой брат *Миша.*

Открытки (Москва).

4 марта 1899 г. Дорогая Нюта, если не получу до пятницы более утешительна вестей [2]), то выеду в пятницу. Ранее этого дела решительно не позволяют.

---

[1]) Роберт и Бертрам.

[2]) Относительно болезни отца.

б) 1905 г. Ноябрь. Спасибо, дорогая Анюта, за поздравление. Я как-то совсем просмотрел это число. Наде я напишу завтра закрытое письмо, в котором мне хотелось бы поговорить о некоторых весьма серьезных вопросах. — Наде большое спасибо за письмо. Здоровье мое не важно, особенно самочувствие, но я о причинах этого самочувствия и хочу говорить с Вами.

М. Врубель.

а) 4/х 1905 г. Дорогая Анюта, не знаю какой и день назначить для свидания с тобой; во всяком случае поторопись*.

* Три последние открытки из Москвы—санатория док. Усольцева.

М. Врубель.

Буду очень рад увидеться с тобой.

6 февраля 1906 г. Милая Анюта, поздравляю тебя с прошлым днем рождения и днем ангела. Передай Наде поздравление с успехом, который меня очень радует. Завтра я ей пошлю обещенный рисунок. Твои намерения осуществить было бы хорошо [1]). Мне скучно безделие [2]), а сам я не могу ни читать, ни рисовать. Сердечный привет тебе и Наде.

---

[1]) Приехать пожить с ним в санатории у докт. Усольцева.

[2]) Вследствие полного ослабления зрения.

С фотогр. 1863 г.

Александр Михайлович Врубель и вторая его жена Елизавета Христиновна с детьми от первого брака с А. Г. Басаргиной, сыновьями: Михаилом и Александром, дочерьми Анной и Екатериной (художник 7-ми лет возле отца). А. А. Врубель во втором ряду возле мачехи.

Записки без даты.

Милая Нюта, всего понемногу: и нездоровья, и работы. Я вероятно до четверга просижу дома, и если ты выберешь свободный денек, чтобы провести вместе, то навести меня. Я все собирался тебе написать, но ты меня предупредила. Обнимаю тебя.

Твой брат *Миша.*

Мамонтовы вернулись из Варшавы, но я у них еще не был. У меня кажется была тоже легкая краснуха. Прости за безобразие пакета.

А я только что собирался вторично писать: думал, не заболела ли ты? Спасибо за посылочку. К сожалению, завтра вероятно не соберусь — дела. В пятницу или воскресенье. Будь здорова.

Твой *Миша.*

1896 г.? Милая Нюта, пишу тебе эту строчку, чтобы предупредить тебя, что мои заказчики уедут только в среду, и потому удобнее отложить твое посещение до пятницы. В среду вечерком вероятно заеду к тебе.

Твой брат *Миша.*

Милая Нюта, пишу только две строчки, чтобы уведомить, что Петр Петрович написал 5 августа письмо к Магдалине Розеславовне Витторт (Гурзуф

Аптека), где сообщает, что Вы на днях будете в Гурзуфе, чтобы дать концерт, и просит ее посодействовать. Лилюша, пожалуста, решись и в путь! В Москве будет опера в Солодовниковском театре, антреприза Петербургского импрессарио, кажется, Бернарда, с 1 декабря. Но получить ангажемент в деле не от Мамонтова: можно только, дав услышать себя в агенции Петербурга, Москвы или Милана. Так мне говорил весною и Лаго.

Крепко обнимаю всех.

Ваш *Миша.*

8 авг.

ИЗ ПИСЕМ ОТЦА М. А. ВРУБЕЛЯ

1874 г. Одесса.

Миша оканчивает гимназию с золотой медалью и поступает в университет.

1882 г. 30/V Гельсингфорс.

Миша помогал при переезде, как пишет мамаша, самым добросовестным образом. Спасибо ему.

1882 г. 12/VI. Петербург (дача).

Одного недоставало и кого же? Миши. Вообрази, со дня переезда на дачу он не был и зная, что я приеду 5-го, тоже не приехал. Все это очень мило... Объяснять это неимением средств приехать, нельзя — он получил деньги за работу и шубу... да наконец как в его годы не устроиться так, чтобы иметь какой-нибудь рубль, чтобы побывать дома и повидать семью. Говорят, потребности, нужда вызывают труд. Видно, у Миши нет потребностей — быть дома, знать что делается, принимать в этом участие живое.

1882 г. 27/VI. Петербург (дача).

Миша приехал к нам только 23-го: мое письмо не застало его в Петербурге, он был у Валуевых, сиделкой при старшем Валуеве, кот. делали какую-то операцию.

1882 г. 20/VII.

Мишу не видал; он даже ни разу не был у Веселей [1]), хотя они и живут в Петербурге. Удивительный субъект.

1882 г. 17/VIII.

Мишу не видели целый месяц. Неисправим!

1882 г. 2/IX.

Миша был у нас 19-го авг. Затем поехал в Петергоф к Папмелям и 6 сент. намерен был вернуться в Петербург, чтобы держать экзамены, которые однако уже давно начались, но он и в этом должен опоздать. Не понимаю, кого из себя он готовит!.. Тяжело останавливаться над этим.

1882 г. 20/XII. Петербург.

Миша не был даже на обеде [2]), а приехал вечером и, не заставши мамаши дома, посидел с часок и уехал, не видевшись. Вот оно как, до чего дошел Миша.

---

[1]) Ник. Христ. Вессель — брат мачехи, у которого одно время жил художник, будучи студентом университета,

[2]) 15-го дек. — день рождения мачехи.

1883 г. 29/I.

Миша здоров и очень занят своими академическими работами — говорит, что рисует по 12 часов в сутки. Частных работ у него нет, но он, повидимому, не тужит и их не ищет. 26-го янв. я видел его у Валуевых [1]), у которых в этот день однако никакого бала не было.

1883 г. 16/II.

Миша в феврале получил медаль за рисунок. Это его очень ободрило — но все работы нет. На-днях (13 февр.) была свадьба Алекс. Мих. Валуева [2], на которой Миша был шафером.

1883 г. 8/III.

5-го марта (день рождения художника) зашел к нам только в 5 ч., пообедал наскоро и в 8 часов ушел рисовать к Репину — акварелью. Вообще он он весь поглощен теперь живописью; зато надо отдать справедливость, renommée его в Академии растет с каждым экзаменом.

1883 г. 5/IV.

Мишу мы видим очень редко. Правда, он много трудится, и труды его, кажется, венчаются успехом —

---

[1]) Семейный праздник.

[2]) Самый близкий друг художника.

но больно остановиться на том, что он ничего не зарабатывает... ничего решительно не имеет. А между тем потребности есть и потребности насущные; хотя он становится все более и более философом — нигде почти не бывает — и отказывается от моей помощи. Тем не менее у меня щемит сердце видеть его не имеющим ни копейки, ни приличной одежды и никакого заработка в ближайшем будущем. И Миша об этом не заботится. Во всяком случае к Пасхе я уговорю его завести себе (на мои деньги) сюртучную пару. Ведь та единственная, которая у него есть, вся в пятнах, в красках, а он уверяет, что ничего, — так подобает художнику, и говорит это не с юмором, а по убеждению, серьезно. Такое индифферентное отношение ко всем и всему, что не соприкасается прямо к его делу живописи, — может быть и весьма кстати к его обстоятельствам, тем не менее мне очень тяжело за него. На лето он готов принять работу, снимать копии с картин Эрмитажа. Но удастся ли нам добыть эту работу? Так как мы остаемся на лето в городе, а Папмель [1]) переезжают на дачу, то я предложил Мише перебраться к нам, чтобы иметь таким образом возможность писать в Эрмитаже. Не знаю, как все это будет.

[1]) Семья, где художник жил в студенческие годы в качестве репетитора и которая пригласила его жить и в дни пребывания в Академии.

1883 г. 17/IV.

Мы вчера сидели и беседовали с Мишей (вместо заутрени).

1883 г. 9/V.

Сегодня и вчера Миша усердно занимается с Лилей (сестра от второго брака отца) геометрией. Миша решился провести лето у Папмелей в Петергофе, где и будет писать картину по заказу Кенига (на 200 р.). Ни сюжет, ни размеры, ни даже чем должна быть написана картина, — не определены, сказано только, что написать картину в 200 руб. Разумеется, это вид благотворения. Ах!.. Когда кончатся благотворения и наступит пора независимого состояния для Миши, давно уже Михаила Александровича. Миша, к сожалению, смотрит на это иначе, говоря, что он рассчитается с благотворителями (Папмелями, Валуевыми, Кенигами и проч.) — в будущем. Дай бог!.. Но ведь будущее неизвестно. Я предлагал Мише провести лето у нас, — но нет, он предпочитает быть у Папмелей. Разумеется, там больше комфорта, но ведь он чужой.

1883 г. 28/VI. Петербург.

Третьего дня приехал Миша.

1883 г. 8/IX. Харьков.

Мне не дает покоя мысль, что Миша попрежнему без заработка, без необходимого туалета.

1884 г. 21/III. Харьков.

Миша на-днях, наконец, отозвался и на будущее время обещал писать к нам непременно по два раза в месяц. Медали в феврале, к сожалению, не получил, но рассчитывает получить непременно в апреле. Кроме того, он намерен выставить свою акварель, которую очень хвалят. Нечего и говорить, как бы порадовал нас всех его успех. Твоей посылки от Миши еще нет. Он писал, что она находится у бывшей M-lle Мунт, ныне M-me Валуевой, которая, зная его неаккуратность, взялась сама доставить ее нам. Миша надеется приехать к нам летом.

1884 г. 29/IV. Харьков.

Ждем с нетерпением известия, приедет ли Миша к нам на лето. Переезд на наш счет, разумеется.

1884 г. 13/VII.

Миша пишет из Киева. Он работает там над реставрацией какого-то храма XII столетия. Работа весьма почтенна, интересна и хорошо оплачена — за каждые 24 дня работы, от 6 час. утра до 12 час. дня и от 2 до 6 час. вечера — 300 руб. Работа продлится по уведомлению Миши 76 дней; следовательно, он пишет, в эти 3 месяца я обеспечу себя на всю зиму. Письмо его нас очень порадовало. Он как будто пришел в себя, „оторвался, как он говорит, от психологии“ — и слава, слава богу! Обе-

щает после работы в Киеве, в конце августа или начале сентября, заехать к нам денька на два, на три. И за это спасибо. Адрес Миши: Киев, Владимирская ул., д. Тамары, Ник. Ив. Мурашко, для перед.

1884 г. 16/IX. Харьков.

В доме у нас все в ожидании известий от Миши: когда, наконец, он к нам приедет. Обещал быть в половине или конце сентября. Следовательно, ожидать уже недолго.

1884 г. 6/XI.

Вчера утром мы проводили Мишу в Петербург. Там он намерен провести дня три-четыре, а затем ехать в Киев тоже дня на три, а оттуда в Венецию до весны. Вот его планы, но в виду холеры в Италии я советовал ему отложить поездку за границу до более благоприятного времени. Ведь холера особенно жадна к новоприезжим, к тому же, как тебе известно, он не может похвалиться желудком. Не знаю, внемлет ли он моим советам. Мы его ждали, ждали недели три, и наконец приехал; но пробыл у нас только 2 суток, торопится быть скорее в Венеции. Едет он туда, во-первых, потому, что за лето сберег около 650 руб.; во-вторых — он имеет заказ, 4 местные иконы в тот храм, который он реставрировал, с платою за каждую по 300 руб.,

с тем, чтобы они были написаны в стиле XII века, именно в том, образцы которого можно видеть в Венеции и Равенне, и наконец, потому, что в Венеции зимний день и свет гораздо больше и климат лучше, чем в Петербурге... Все так, но холера... Зачем навязываться на явную опасность, если нет в этом крайней необходимости. Миша моложав, почти без усов и бакенбард, но нельзя сказать, чтобы вид его был здоровый; жалуется на мигрени. Нравственно он ободрился, чувствует силу таланта... и уже не дорожит Академией и карьерой через нее. Не знаю, хорошо ли это?.. Говорит, что в Академии закиснешь. Расположение духа как бы скучающее. Рисунка своего, хоть бы какого-нибудь, не привез — здесь ничего рисовать не желал, хотя Настя[1]) навязывалась на то, чтобы он нарисовал ее портрет карандашом. Он просил уступить ему твой carte-portrait, что нам привез Мунт.

1884 г. 23/XII. Харьков.

От Миши сведений из Венеции (если только он еще там) никаких. Удивительный человек, как это даже на чужбине не иметь потребности побеседовать со своими кровными!

---

[1]) Самая младшая сестра, девочка лет восьми, впоследствии занимавшаяся не без успеха скульптурой.

1885 г. 12/I. Харьков.

Другого письма от Миши не получали. Как-то живется ему в Венеции, здоров ли и доволен ли собой, своим трудом и всем, что его окружает? Дай бог, чтобы он никогда не раскаивался в том, что оставил Академию не окончив курса. Мне кажется, что это был риск без крайней в том необходимости. Но кто знает, может быть он увенчается полным успехом. Ждем с нетерпением от него писем; но беда, что он ужасно скуп на письма.

1885 г. 29/I.

От Миши второго письма из Венеции еще не получали.

1885 г. 22/II.

От Миши второго письма нет. Мы уже писали ему три. Адрес: Италия, Венеция. Italia, Venezia. Michael Wrubel. Campo St. Mauricio, Cosa Rossi № 2579.

1885 г. 26/II.

На другой день после отправки к тебе последнего письма мы получили, наконец, письмо от Миши. Посылаю тебе его в подлиннике, зная, что это доставит тебе много удовольствия. Слава богу, Миша здоров и работает. Но когда же заговорят о его произведениях? Ведь 5-го марта ему минет 29 лет. Все виновато его бесплодное пребывание в Петер-

бурге за время нахождения в университете, где он ничего не делал. Пять лучших лет потеряно, а в 5 лет он мог бы быть художником, окончить курс Академии. А теперь приходится все еще ждать и ждать. Да! Прошлого не вернешь.

1885 г. 8/V.

От Миши уже более месяца нет письма, и не знаем, где он.

1885 г. 13/VIII.

На другой день твоего выезда от нас мы получили телеграмму от Миши, а вчера, от него же, письмо. Главное, что образа, о которых пишется в „Киевлянине", его, но только они не копия, как сказано в корреспонденции, а собственное произведение Миши, только в стиле XII столетия. Итак, мы имели уже утешение читать о живописи Миши— похвалы в газетах. Дай бог, чтобы похвалы эти с каждым годом росли и росли. У него опять новые проекты... в октябре ехать в Киев — на Рождество быть у нас... Но проекты эти изменятся еще много раз. От портретов он все-таки не отказывается, и я сделаю еще новую попытку в этом направлении [1]).

---

[1]) Портреты общественных деятелей для Харьковской городской думы.

1885 г. 22/VIII.

От Миши нового письма нет. Заседаний в Думе тоже еще не составляется — а потому и дело его еще не решено.

1885 г. 22/IX.

Надежда на заказ портретов рухнула. Городской голова сказал мне, что Дума нашла просимые 400 р. расходом не по силам, а решила приобрести портреты покупкою не свыше 200 р. Голова очень извинялся, но говорит, что с гласными, аршинниками, ничего не поделаешь. В начале месяца он просил выслать ему 25 р.... я их выслал. Вот что значит не слушать добрых советов и жить только своим и для своего „я". И до чего дожил Миша с его талантами, способностями! Окончил университет [1]) плохо. Отбыл воинскую повинность плохо, Академию не окончил. Серьезные работы в Киеве бросил [2]). Из дома родительского бежит. Чувство родства, даже кровного, не проявляет, недавних друзей забывает, и все это вследствие и для каких-то высших эстетических потребностей. А между тем успех на 30 лет — небольшой и средств к жизни почти никаких. Боюсь за него... тем более, что он, несмотря на мои просьбы, не высказывается.

---

[1]) Ошибочно взятый юридический факультет.

[2]) На самом деле он их не получил.

Приписка. У Миши безработица; я приглашаю его к нам — пусть пишет задуманную картину. У нас все-таки жизнь не будет ничего стоить, забот о ней, которые отрывали бы его от работы, не будет, чего же лучше? Нет и нет. Остается в Одессе. Положительно — „cherchez la femme“.

1885 г. 1/X. Харьков.

От Миши все еще нет писем. Сегодня пишу ему. Не писал ли к тебе Миша?.. Уведомь, о чем. Хотя бы приехал к нам!..

1885 г. 19/XI. Харьков.

Мише я писал к 8-му [1]), но не получил еще ответа. Он надеялся получить работу иконостаса для церкви реального училища в Кишиневе... но получил ли, не знаю. Если не получил, то должен искать что-нибудь другое. Удивляюсь, почему бы ему, при таких обстоятельствах, не поселиться у нас. Повторяю — cherchez une femme dans cette affaire-ci... Он обещал побывать у нас на Рождестве. Пошлю ему на дорогу денег. Может бытя, и приедет.

1886 г. 6/I. Харьков.

Миша, как я уже уведомлял тебя, в Киеве. Другого письма от него нет. Что сталось с его Одесскими планами и начинаниями — не

[1]) День именин брата.

знаем. Я вновь повторяю ему приглашение поселиться у нас... До сих пор он ни разу еще не послушался моего совета, и что же? Пусть бы испытал, может быть, пошло бы лучше! Уже одно то, что у него не было бы заботы, как говорится, о хлебе насущном. А ведь это важно в его положении — ничем покуда не обеспеченном. Удивляюсь его какой-то нелюбви к своему семейному очагу. Об'яснить это только можно qu'il y a dans cette affaire une femme! Досадно, что для поездки в Киев я должен испрашивать разрешение у Военного министра. Если бы не это обстоятельство, я бы давно с'ездил, видел бы его работы и узнал бы, в чем дело.

1886 г. 29/I. Харьков.

Может быть, к Пасхе Миша переселится к нам. Адрес его: Киев. Пироговская улица, д. Рейсмюллера. Я писал к нему в Киев два раза, но не получил ответа. Сегодня была у нас M-me Харина и, между прочим, изъявила желание, чтобы Миша написал ей картину — к будущему сезону, т. е. к сентябрю. Сюжет — какой он сам пожелает, величиною около аршина. Сегодня же я буду писать ему об этом.

1886 г. 15/III.

От Миши получили письмо вчера. Он в Киеве. Пишет картину по заказу Терещенки, от которого получил уже аванс в 300 руб. На новое пригла-

шение наше переехать к нам — молчит, обещает только быть весной. Эскиза для Хариной все еще не шлет... говорит, что боится потерять вдохновение для картины Терещенко, а между тем и то движется медленно; сам пишет, что готов только кусок.

1886 г. 27/III.

Проездом в Петербуг, из Курска (если хватит денег), поеду в Киев, быть у Миши и видеть его работы. Пробуду у него только один день [1]).

1886 г. 16/IV.

В Страстную субботу получил телеграмму от Миши с поздравлением и новым обещанием приехать к нам в мае. Будем рады, если это обещание осуществится.

1886 г. 21/VII. Харьков.

Прискорбно, что ты не видела в Киеве Миши. Ведь кто бы мог ожидать, что Миша, который так крепко засел в Киеве, так занят работой, что не может в течение 2-х лет навестить нас... вдруг выехал из Киева и гостит в деревне... более недели.

1886 г. 11/IX. Харьков.

Третьего дня вечером я возвратился из Киева Миша здоров (по его словам), но на вид худ

---

[1]) План этот не осуществился.

и бледен. С вокзала я отправился прямо к нему и был опечален его комнатой и обстановкой. Вообрази, ни одного стола, ни одного стула. Вся обстановка два простых табурета и кровать. Ни теплого одеяла, ни теплого пальто, ни платья, кроме того, кот. на нем (засаленный сюртук и вытертые панталоны) я не видал. Может быть, в закладе. В кармане всего 5 коп. à la lettre. Больно, горько до слез... мне было все это видеть. Ведь, столько блестящих надежд! Ведь уже 30 лет! И что же? До сих пор ни имени, ни выдающихся по таланту работ и ничего в кармане. Слава еще богу... что Миша верит в свой талант и твердо надеется на будущность. Видя его положение, я разумеется еще раз предложил ему переселиться к нам безотлагательно и даже ехать со мной. Но он говорит, что теперь он никак не может. Надо прежде всего окончить картину Терещенко (за которую он разновременно получил уже 700 руб.) и еще две другие меньшие, тоже заказные, а потом, может быть, получит (если представит эскизы не хуже и не позже других конкурентов) работы в храме Владимира... Так что вопрос о переселении далеко еще не решен... и вообще Миша почему то не ухватывается за наше предложение, несмотря на то, что и Васнецов при мне советовал ему... переселиться к нам, пожить дома, в семье, в другой обстановке. И мне кажется, что это необходимо. Мне

кажется, что он впадает в мистицизм, что он чересчур углубляется... задумывается над **делом**, а потому оно у него идет медленно. Вообрази... после почти полугодичной работы над картиной Терещенко (величиной $^3/_4$ арш. в квадрате)... он при мне... решился бросить написанное и начать вновь... рассчитывая, что таким образом он кончит картину скорее. Сюжет этой картины, по моему мнению, небогат... Шатер Персидского принца весь из персидских, крайне пестрых, ковров. Софа, на ней, в пестрых одеяниях, возлежит принц, при чем в пестроте не только контуры его фигуры, но и лицо трудно рассмотреть. Возле софы, на ковре, женщина — тоже с трудом выделяющаяся из пестрого фона. Затем должны быть две женские фигуры, из коих одна крадется, чтобы убить принца, вот и все... да еще освещение посредством 3-х светильников из нефти. Словом то, **что я видал**, далеко не стоит 700 руб. Не знаю, что будет далее. Другая картина, с которой он надеется вступить в свет — **Демон**. Он **трудится над нею уже год**... и что же? На холсте (величиною $1^1/_2$ арш. вышины и 1 арш. ширины) голова и торс до пояса будущего Демона. Они написаны пока только одною серою масляною краской... На первый взгляд... Демон этот показался мне... злою, чувственною... отталкивающею... пожилою женщиной. Миша... говорит, что Демон — это дух, соединяющий в себе

мужской и женский облик. Дух, не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, но при всем том дух властный... величавый. Положим так, но всего этого в его Демоне еще далеко нет. Тем не менее Миша предан своему Демону... всем своим существом, доволен тем, что он видит на полотне... и верит, что Демон составит ему имя. Дай бог... но когда? Если то, что я видел, сделано в течение года, то, то, что остается сделать, в верхней половине фигуры и всю нижнюю, с окружающим пространством, должно занять... по крайней мере, три года... При всем том его Демон едва ли будет симпатичен... для публики... и даже для академиков. Кроме этих двух картин в квартире Миши (он говорит, что у него есть еще две небольшие картины у закладчика, но я их не видел) я не видал... Ничего замечательного. Более законченные картинки nature-morte (два букета и стул, увешанный разными лентами, кружевами и материями) остальное... настолько незакончено... и не интересно... что я мог выбрать только три небольших этюда... прочее мне казалось недостойным того renommée, которым пользуется Миша. Я ездил с Мишей в церковь Кирилла и Мефодия, видел его работы al fresco... Как первый опыт самостоятельной и при том громадной работы — труд замечательный. Но только тон красок и самая живопись XII ст. не симпатичны. К Кириллу уже привезены мраморы на ико-

ностас — прекрасные мраморы, и в них то будут вставлены образа Миши. Образа, действительно, хороши, но признаюсь, я ожидал лучшего. Лик Спасителя слишком темен. В лике богоматери, по моему мнению, мало святости. Предвечный Младенец, разумеется, живой... но не настолько, сколько я ожидал. Тем не менее образа труд законченный и замечательный, а когда они будут вставлены в мраморный иконостас — то вероятно будут эффектны. Вот и все, что я могу сказать о поездке к Мише о нем самом и его картинах. Возвратясь назад (домой), я тотчас же послал ему небольшую субсидию — 25 руб. (больше послать не мог). Сам остался с 20 руб. до 20/IX. В настоящую минуту она ему необходима, тем более, что он намерен купить холст, краски и начать вновь картину Терещенко, а денег 0. Как бы то ни было, но нельзя не сказать, что Миша плохо распоряжается своими ресурсами... Ведь за работы в Кирилловском храме он получил 2200 руб. От Терещенки 700 руб., да за свои две картинки „Кармен“ и „Портрет ребенка“ 250 руб.... все-таки деньги; у него же всего одна мельхиоровая чайная ложечка и один сюртук, сшитый бог весть когда и пришедший в крайне грязный, неприличный вид... Тем не менее Миша бодрится... и говорит, что материально он не бедствует... Подкрепи его бог... и пошли успеха!

1886 г. 9/X. Харьков.

Со времени свидания моего с Мишей, я не имею от него ни строчки. Что пишет он тебе? Кончил ли он эскиз картины, заказанной Терещенко?... Эскиз этот он хотел продать и этим исправить свои обстоятельства. Но удобно ли продавать эсквз... не выполнив по заказу самую картину?

1886 г. 11/XI. Харьков.

От Миши было письмо несколько успокоительнее, но все-таки... далеко не то, что бы желалось.

1886 г. 20/XII. Харьков.

К 15 декабря мы имели телеграмму от Миши.

1887 г. 10/I. Харьков.

От Миши имели на Новый год телеграмму и письмо. Он в восторге от своей новой мастерской, уступленной ему временно профессором Орловским, и вообще как будто веселее.

1887 г. 28/I.

Я озабочен Мишей... ведь может дойти и до него очередь поступить в ряды Марса. Жду от него письма.

1887 г. 12/III. Харьков.

На-днях имели письмо от Миши. В письме много отрадного. Говорит, что на-днях вышлет нам эскиз

для Хариной. Что теперь пишет „Кармен“ (уже о Демоне ни слова) на 4-аршинном холсте! И когда кончит, намерен выставить ее в Киеве... Затем обещает приехать к нам, написать картину и выставить ее с благотворительною целью, следовательно, за деньги. Что-то уж слишком много хорошего. После того, что я видел год тому назад... как-то не верится. Слава богу, что он имеет занятия в школе (Мурашко) и два частных урока и получает по 75 руб. в месяц. Хоть это верно. Адрес его: Трехсвятительская, д. Дузинкечива, № 16, кв. 5.

1887 г. 30/III. Харьков.

От Миши все ждем писем и обещанный эскиз для Хариной.

1887 г. 18/V. Харьков.

От Миши имели письмо недели две тому назад. Бедный пишет теперь Бюст Христа — углем; видно на холст и краски нет средств. Это удивительно! Один одинешенек, имеет диплом Университетский, художник Академии и в 30 слишком лет — насущного хлеба нет. Непонятно! Объясняю себе только фатумом большинства художников.

1887 г. 7/VI. Харьков.

От Миши имели дней десять тому назад письмо, ничего утешительного: теперь ищет работы в храме

Владимира... Опять, значит, иконопись, и опять без гроша! Что это с ним сталось?.. У меня родилась мысль — съехаться с тобой в Курске и оттуда вместе поехать в Мише на сутки. Но это только мысль — а до дела далеко.

1887 г. 28/VIII. Харьков.

От Миши нового письма нет. Посылаю тебе письмо, полученное на твое имя в твое отсутствие. Отрадно было прочесть это письмо. Как оно много говорит в твою пользу.

1887 г. 25/X. Харьков.

Миша, кажется, по прежнему бедствует, хотя и пишет, что ему живется у Тарновских — хорошо. К работам в храме Владимира он еще не допущен. Пишет картоны для образов: „Моление о чаше“, „Вознесение“ и „Христос в Пустыне“ и ждет к 1-му ноября возвращения Прахова и решения о работах.

1887 г. 25/XII. Харьков.

Миша пишет, что его „Христос в Пустыне“ идет особенно удачно. Боже, когда же, наконец, Миша будет пожинать лавры своего труда и призвания?

1888 г. 9/VIII. Харьков.

Миша уехал 5 авг. Я предлагал ему остаться у нас до выезда семьи в Петербург, но он, по своим

соображениям, счел это невозможным и уехал. В течение целого месяца он не нарисовал ни одной картинки. Начал было „Демона“, но потом соскоблил, и на том же холсте стал писать „Кармен“, но далеко не кончил. Затем оканчивал две другие картинки (все тех же дуэтисток), но тоже далеко не кончил.., и уехал, в надежде их окончить, продать и затем уже приняться за „Демона“. Во все время пребывания у нас он томился, не знал, что ему делать. Писал весьма лениво. Ничем и никем не интересовался В разговорах обнаруживал неимоверное самомнение о себе, как о художнике, творце, и вследствие этого не допускал никакого обобщения — никакой мерки, никакого сравнения его — художника с людьми обыкновенными. Да и к числу художников относил только (из русских) Куинджи, пожалуй, Семирадского, Иванова... Репин — мужик, торгаш. Сам же не написал еще ничего (кроме образов для Кирилловского храма, достоинство коих еще неоценено), да и напишет ли — бог весть. Пребывание его здесь показало, что он страшно ленив, привык к dolce far niente и весьма недалек в технике, и способен вдохновляться сюжетами весьма фривольного свойства, напр., шато, дуэтистками и каждением ему фимиама. Вне этого его ничто не интересует... О прошлом забыл, а в настоящем томится, зевает. Впрочем, мы с ним простились хорошо, даже в последние дни отношения между

ним и Лилей [1]) стали нормальны. Обещает приехать в Петербург уже с „Демоном“. Дай бог! Миша о службе или звании учителя рисования и думать не хочет.

1888 г. 24/VIII. Харьков.

От Миши после выезда не имеем ни строчки.

1888 г. 18/IX. Харьков.

От Миши со времени выезда его нет никаких известий. Сегодня или завтра я намерен писать ему, адресуя письмо Е. В. Николаю Ивановичу Мурашко в Киев, в рисовальную школу. Адрес этот мне дал Миша уезжая, так как своей квартиры он еще не имел. Что это с Мишей? Ну как не написать ни строчки, особенно в такое время, когда столько перипетий и перспектив [2])... и как, наконец, не написать тебе. Нет, он чужой, соверженно чужой, или лучше сказать, мы для него чужие, совершенно чужие.

1888 г. 14/X. Харьков.

Миша прислал мне извинительное поздравительное и отчасти утешительное письмо. Правда, прислал его несколькими днями позже [3]), но все-таки я имел удовольствие узнать, где он и здоров ли. Спешу

---

[1]) Старшая из сестер от второго брака отца.

[2]) Перевод отца по службе.

[3]) 6/X день рождения и шестидесятилетие отца.

этим поделиться с тобой. Миша в настоящее время проживает на Фундуклеевской ул. д. 1 (в номерах Кнее или Кене, не разобрал). Работает у брата Мурашки, иконописных дел мастера; условился получать за образ 40 руб., рассчитывая на каждый по 6—10 дней. Миша надеется получать по 150 р. в месяц, работая только до 4-х ч. дня. Если этот расчет осуществится, то в материальном отношении он удовлетворителен, в художественном же — едва ли, хотя Миша этого последнего не находит. Пусть так!

1888 г. 9/XI. Харьков.

Вчера был день именин нашего Миши: я писал к нему 6 ноября, поздравлял, и надеюсь, что он получил это письмо 8-го во-время. Как жаль нашего Мишу! Ведь ему уже 32 года! И чего он достиг, при таких задатках! И как он ничего этого не видит или лучше — как он ничего этого не хочет видеть! Не может быть, чтобы он не останавливался на своем положении, и не сознавал, что он далеко не там, где мог быть, далеко не тот, чем мог и должен бы быть.

1888 г. 27/XII. Харьков.

Миша повеселел. Есть работа и довольно солидная в храме Владимира, обеспечивающая его почти на год. Слава богу!

1889 г. 11/I. Харьков.

От Миши я получил на-днях новое письмо. Оно мне доставило удовольствие, больше чем все предыдущие, главным образом потому, что оно теплее их. Кажется, он приходит в себя... устанавливается на пути в искусстве... Слава богу!

1889 г. 6/IV. Петербург.

От Миши я не получил еще ни одного письма в Петербурге. Завтра буду вновь писать ему.

1889 г. 4/V. Петербург.

От Миши ни строчки. От Прахова же я знаю, что он виделся с Мишей на страстной неделе, и оставил его здоровым. Прахов говорил, что у Миши таланту бездна, но воли — решимости докончить картины — на алтын, и в этом вся беда.

1889 г. 27/IX. Казань.

От Миши нет ни строчки.

(Большая пауза в письмах обусловлена серьезной болезнью отца и вызовом брата, проведшего у постели больного почти целый месяц, а затем, на обратном пути в Киев, оставшегося нежданно в Москве. Отец же с семьей, в силу перенесенной болезни и отставки, решил поселиться в Киеве, чтобы быть ближе к сыну.

1889 г. 12/XI. Киев.

К Мише я писал 3 раза, адресуя в Москву: Большая Пресня, Волков пер., д. Брешинского, № 17, кв. 5. Миша отвечал мне, просил прислать ему 10 руб. Я выслал, и затем, что будет дальше — не знаю. Миша просил меня также быть у Прахова и заявить, что Миша пишет картон „Воскресения“ и что он удается ему лучше, чем когда-нибудь. Я исполнил эту просьбу, и Прахов поручил передать Мише, что если он не замедлит с представлением картона, то ему будет предоставлено место в храме Владимира... для написания образа „Воскресения“. Увидим, как поступит Миша.

1889 г. 5/XII. Киев.

Миша обещал приехать в Киев еще 25 ноября, но до сих пор еще не приехал, да и писем от него нет. Все это от него не новость!

1889 г. 14/XII. Киев.

От Миши все еще нет письма и сегодня [1]) тоже не было. Я вновь просил брата Антона навестить Мишу и написать мне о нем. Неужели мы здесь с ним не увидимся!

---

[1]) Канун дня рождения мачехи.

1889 г. 23/XII. Киев.

Дядя Антон, по моей просьбе, был у Миши и вчера сообщил, что Миша здрав, невредим и весел... Сошелся с прежними своими товарищами-художниками: Серовым и Коровиным, и на-днях сообща открывают мастерскую (Сущевская часть, по Долгоруковской улице, в доме Червенка). Эскиз „Воскресенья Христова“ брат Антон нашел в перемаранном накануне виде, при чем Миша говорил ему, что до февраля выехать в Киев не может. Таким образом, мы с ним теперь до возвращения нашего из-за границы, не увидимся. Жду, впрочем, на-днях от него письма.

1890 г. 20/X. Одесса.

От Миши к 6 октября[1]) ничего не было. Дядя Антон писал, что Миша здоров, жуирует у Мамонтова и будет писать (будтоп ишет) образ „Вознесения“.

1890 г. 20/XI. Одесса.

Неделю тому назад писал Мише — художнику по печной части[2]). Н. Х. Вессель[3]) предлагает ему иллюстрировать лермонтовского „Демона“, издаваемого ко дню 50-летия смерти поэта. Дельно, но

[1]) День рождения отца.

[2]) Работы по керамике у Мамонтова в Абрамцеве.

[3]) Н. Х. Вессель — брат мачехи — член Ученого Комитета.

возьмется ли за это Миша? Вот она свобода воли и выбора пути... В этом отчасти и mea culpa.

5/XII. От Миши нет нового письма.

1890 г. 27/XII. Одесса.

От Миши известий нет. Сегодня были на Передвижной выставке, и это еще живее напомнило нам о Мише. Ведь вся выставка наполнена произведениями его товарищей-сверстников. А что же он?

1891 г. 11/I. Одесса.

От Миши была только телеграмма: „Здоров, поздравляю и работаю.

1891 г. 31/I. Одесса.

Увижу Мишу в Москве.

1891 г. 25/III. Петербург.

Теперь о Мише. Он меня встретил в Москве на дебаркадере и пригласил остановиться у него (угол Харитоновского и Мошкова пер., дом Мороховца). Я, разумеется, охотно согласился. Миша похож на человека (около) не более 25 лет. Вид его здоровее, чем был в Казани[1]). Живет в одной комнате (о двух окнах) у хозяйки Печковской. Обстановка — кровать, диван, 2 простые стола, 2 стула, мольберт и лампа (без колпака), затем — что говорится — ни ложки,

---

[1]) Брат приезжал в Казань из Киева, вызванный серьезной болезнью отца.

ни плошки, и, кажется, даже нет черного сюртука... а в кармане — несколько монет. Пишу тебе это... хотя и больно. Такой талант!.. С университетским образованием! При всех данных для успеха в жизни, в 35 лет в такой обстановке?.. Слава богу, что он еще не унывает! 15-го июля выйдет художественное издание сочинений Лермонтова, и Миша помещает в нем 5 больших и 13 малых иллюстраций (за 800 р. гонорара, из кот. часть уже получена) и притом в одном пиджаке. Беда с талантами! [1])

1891 г. 24/IV. Одесса.

От Миши имели на Пасху телеграмму: „Обнимаю всех“ и только. — Вообрази, на обратном пути в Одессу я с Мишей не виделся. Накануне моего приезда в Москву он выехал в Абрамцево... Я ожидал его $1^{1}/_{2}$ суток, но не дождавшись уехал, оставив ему 2 письма, на кот. не получил ответа (кроме упомянутой телеграммы).

1891 г. 31/V. Люстдорф (под Одессой).

От Миши — со времени нашего свидания в начале марта — ни слова (кроме телеграммы).

1891 г. 15/VI. Люстдорф.

От Миши в три месяца — ни слова! Я подписался на художественное издание соч. Лермонтова, в кот.

---

[1]) Подразумевается еще сестра-певица.

участвует Миша, и жду этого издания с большим интересом.

1891 г. 28/VII. Люстдорф.

От Миши все еще известий нет и нет, несмотря на то, что 16 июля я вновь писал к нему и вновь предлагал приехать к нам на время, по крайней мере, до 15 сентября. Художественного издания соч. Лермонтова, в кот. участвует Миша, тоже до сих пор нет в Одессе, тогда как я подписался на это издание месяца полтора тому назад. Очень интересно, как найдет публика рисунки Миши, и как отзовется о них пресса.

1891 г. 8/IX. Одесса.

Что слыхать о Мише? Виделась ли ты с ним в Москве? (проездом в Петербург).

1891 г. 14/X. Одесса.

Досадно очень, что ты опять не виделась с Мишей. И как это Мише не устроить свидания с тобой?.. Неужели... для художника и это невозможно! Помилуйте: при желании, точности и энергии назначаются rendez vous чуть ли не на середине океана... и осуществляются. Свидания с Мишей — просто точно под запретом. Сколько раз и мне, и тебе они не удавались.

1891 г. 29/XI. Одесса.

Прежде всего хочу приятно удивить тебя известием, что Миша в Риме. Об этом нам сообщила Лиля недели две тому назад. Приезд Миши в Милан[1]) (проездом в Рим) и свидание с Лилей были для нее приятным сюрпризом. Вот как это случилось... Лиля сидела дома, ей приносят записку от Ранци (маэстро) и приглашают притти, она входит и видит у Ранци Мишу... можешь себе представить ее удивление и радость! Оказалось, что Миша едет в Рим со всею семьею Мамонтовых. При свидании с Лилей Миша просил принять у него 5 червонцев. Лиля очень оценила этот поступок Миши, и она, несмотря на нежелание Миши, уже возвратила ему 50 франков. Весь этот пассаж с золотыми меня много порадовал... тронул! Узнав о том, что Миша в Риме, я тотчас же писал к нему... Roma Ferma in posta (poste restante). На это получил ответ: он здоров и работает в мастерской Villa Szohlfern fadi le Porto Popolo (адрес этот факсимиле с письма Миши). Более этого адреса не имею, и потому сам буду писать на днях к Мише на-авось!.. Долго ли пробудет Миша в Риме, не пишет. Как бы то ни было, но я ожидаю, что настоящее пребывание Миши в Риме будет новой... и более блестящей эрой в его жизни. Дай бог!

---

[1]) Сестра от второго брака отца училась там пению.

1891 г. 30/XII. Одесса.

Миша здоров... и намерен пробыть в Риме еще около месяца (с 24 декабря стар. стиля).

1892 г. 26/I. Одесса.

От Миши известий нет.

1892 г. 13/II. Одесса.

Спрашивал Лилю, но и она ничего не знает, где Миша. От него же самого мы не имеем известий уже более 2-х месяцев. Беда с этими художниками! Ну, как хоть в нескольких словах не сообщить о выезде, и где он?

1892 г. 28/II. Одесса.

Спешу тебя уведомить, что вчера мы получили, наконец, письмо от Миши. Он все еще в Риме, и просит адресовать к нему письма: Roma Via Margutta, № 5. Swedomsky pour Vroubel. Слава богу, он здоров и говорит богат, потому что зарабатываю, помогая Сведомскому, и кроме того получил деньги из Москвы. Долго ли еще пробудет в Риме Миша, сам не знает... Пишет, что его зовут в Москву, да и в Риме есть работа. Он колеблется. Я отвечаю, что чем долее он пробудет в Риме, тем, по моему мнению, лучше. Да и климат Москвы, особенно до мая месяца, далеко не тот, что в Риме... Как он поступит — увидим.

1892 г. 22/III. Одесса.

От Миши не имею уже недели три письма.

1892 г. 10/IV. Одесса.

От Миши все нет письма. В последнем (от 16/28 февр.) он просит адресовать к нему так: Roma Vi a Margutta, № 5. Svedomsky pour Vroubel. Мы так и адресуем.

1892 г. 15/VI.

Лиля пишет от 14/16 июня нов. стиля, что вчера она получила письмо от Миши, перед выездом его из Рима в Москву. Больше о Мише ничего не знаю, не приедет ли к нам. Нам было очень приятно видеть у Арцимовичей ту картину Миши, которую он написал некогда[1]) для Адама.

1892 г. 12/VII. Село Ержево (на Днестре).

Мише писал в Москву дней десять тому назад. Ответа нет.

1892 г. 5/VIII. Село Ержево (на Днестре).

От миши имели из Москвы письмо дней десять тому назад. Пишет, что совершенно здоров и занят попрежнему у Мамонтова в Абрамцеве, и, кроме того, пишет (копируя с фотографий) итальянские виды, при чем один из них продал за 50 р. Что

[1]) Еще гимназистом, в Одессе.

это за деньги! Для художника с таким талантом, с такой эрудицией, как наш Миша!.. И это в 36 л., после того, как он был 3 года в Академии Художеств, был в Париже, в Дрездене, Венеции и, наконец, в Риме. После того, как лет 10 почти ничем не занимается, кроме живописи. Кто бы это мог ожидать! Непонятно!

1892 г. 29/XI. Одесса.

Получили письмо от Миши из Бреста, с уведомлением о том, что он едет с Мамонтовым в Милан, где будет 5 дней, затем они поедут в Париж, Берлин, Петербург и возвратятся в Москву к 29 ноября.

1893 г. 27/I. Одесса.

Миша что-то опять замолчал.

1893 г. 10/III. Одесса.

Опиши, какое впечатление произвел на тебя Миша? И как ты смотришь на его настоящее и будущее? Последнее письмо его ко мне от 3, 4 или 5 марта, касающееся Лили, я (в тот же день получения) отправил в Милан к maman для соображений.

(Сестра переехала из Оренбурга в Москву — переведена по службе).

1893 г. 4/VI. Одесса.

Что проделывает Миша? Как его здоровье и какие планы на лето?

1893 г. 6/V. Одесса.

А что поделывает Миша — какие планы на лето на будущее? Что он рисует или пишет?.. Неужели мы так и не будем видеть его картин?

1893 г. 19/V. Одесса.

Ждем вас обоих.

1893 г. 29/VII. Одесса.

Что же поделывает Миша? Ты пишешь, что он был болен инфлуэнцей... пусть бережется. Береженого бог бережет. Обнимаю молчальника - Мишу.

1893 г. 2/VIII. Одесса.

Дорогой сын Миша, сейчас получил письмо от Нюты[1]), в котором она, между прочим, сообшает, что тебе нездоровится, и именно — что ты страдаешь ревматизмом. Спешу тебе напомнить, что Одесса с ее морем и Лиманами изобилует средствами от ревматизма и что наилучший сезон для пользования еще не истек. Если можешь, поспеши воспользоваться этим сезоном — приезжай. Мы все будем тебе очень рады, тем более, что запускать ревматизм не следует.

1893 г. 10/IX. Одесса.

Ты пишешь, что Миша поправился, но все еще худ. Значит, был серьезно болен. Признаюсь, я по-

---

[1]) Старшая сестра художника.

лагал, что болезнь его была более легкая! Надо беречься теперь... и не следует ли на осень и зиму ехать из Москвы в более теплый край, к нам в Одессу!.. Очень и очень будем рады выходить и выхолить его здесь у нас. Пусть приезжает, и здесь, может быть, можно писать panneaux. Подумай сообща с Мишей и отвечайте.

1893 г. 21/X. Одесса.

Теперь уже конец октября — следовательно — твои панно, дорогой Миша, уже вероятно готовы; доволен ли ты ими? Мысль подвижной выставки твоих картин прекрасная, если картины удадутся.

1893 г. 18/XII. Одесса.

Ожидаем приезда Миши с большим удовольствием. Охотно... я бы выслал на поездку деньги... но... но... их нет.

1894 г. 31/I. Одесса.

Письмо твое разрешило вопрос о приезде и работах Миши в отрицательном смысле. Очень жаль!

1894 г. 27/II. Одесса.

5 марта — день мишиного рожденья (в Омске). Прошу тебя, пожалуйста, видеться с ним в этот день; обними его за меня, маму а также Варю и Настю и поздравь от всех нас, пожелав при этом ему прежде всего здоровья, а затем полного успеха

в его художественной карьере и замыслах, — в том числе и в замысле провести часть лета вместе с нами.

1894 г. 12/III. Одесса.

Тотчас по получении твоего письма от 6 марта. мамаша сообщила Лили о настоящем прибытии Миши в Геную и о том, что он пробудет там около 2-х и 3-х недель, но по всей вероятности будет видеться с Лилей. — Вчера я отправил письмо к Мише в Геную, адресуя: Poste restante, так как не знаю его адреса и полагаю, что Миша во всяком случае зайдет в Генуе на почту и спросит, нет ли на его имя писем Poste restante, таким образом получит и мое, и лилино, если она ему тоже напишет. А, может быть, Миша будет видеться с Лилей еще по пути в Генуе. Во всяком случае настоящее путешествие Миши, о котором ты пишешь, как нельзя более кстати. Уведомь, как адресовать Мише в Геную. Сообщи также, какого рода поручение дано Мише Мамонтовым. Душевно буду рад видеть Мишу в Одессе. Ведь это уже не за горами... Может быть, это будет на Пасху!

1894 г. 21/III.

Ты пишешь, что Миша писал тебе 4 марта из Смоленска, но когда он предполагает быть в Генуе, и будет ли он по пути в Милане — не

сообщает верно потому, что сам не знает. Лиля пишет от 16 марта нашего стиля, что Миша у нее еще не был, но что она писала ему в Геную так же, как и я, Ferma in posta. Получил ли Миша эти письма — неизвестно. Сомнительно, чтобы Миша был еще через пять дней в Генуе, а потому я ему другого письма, по сообщенному тобою адресу, не пишу. По получении известий от Миши, пожалуйста, делись ими с нами; в особенности поспеши уведомить нас — когда можно будет ожидать его в Одессе.

1894 г. 19/IV. Одесса. (Пасха).

Миша гостил у нас со среды. Мы находим его очень моложавым. Приехал он сюда на пароходе „Лазарев", вместе с молодым Сергеем Мамонтовым в 7 ч. утра. Время проводим больше дома, в своей компании. Миша привез с собою около 20 разных видов, им самим нарисованных во время последнего путешествия. Некоторые из них очень хороши. Кроме того, Миша написал у нас портрет-фантазию Насти [1]) Лиля так и не видалась с Мишей. Письмо мое к Мише в Геную Poste restante он получил, а другое, адресованное в Sturla — Генуя, хотя и получил, но уже тогда, когда был на пароходе, отходившем в Ливорно. Какая досада!.. Миша говорит, что он 5 часов сидел на вокзале в Милане и не воображал,

[1]) Младшая сестра, подававшая надежды быть скульптором.

что Лиля там же, а полагал, что она в Одессе. Когда Миша выедет в Москву — неизвестно. Между прочим — ждет permis из Москвы.

1894 г. 11/V. Одесса.

Миша еще у нас. Получил от Арцыбушева 50 р неделю тому назад, но так распорядился ими, что опять без денег. В прошлую пятницу писал к Мамонтову о субсидии и теперь ждет. 12/V. Миша здоров. У нас написал два эскиза, портрет-фантазию Насти и начал — мой. Теперь лепит голову Демона. Вообще, как будто не в своей тарелке, хотя мы стараемся, чтобы ему было веселее и покойнее. Когда возвратится Миша в Москву — неизвестно: он, кажется, намерен погостить в Киеве.

1894 г. 17/V. Одесса.

Миша получил от Мамонтова 50 р., но, кажется, и этих нехватит для обратной дороги в Москву. „Это удивительно!“ — говорил Гуро (наш учитель франц. яз. в корпусе), прибавляя притом... „Нет, впрочем, не удивительно!“—то же повторю и я.

29/VIII. Севастополь.

Посылаю тебе дубликат накладной на товар малой скорости (Голова Демона и барельеф [1]) с наложенным платежом. Что Миша?

---

[1]) Последний разбился при перевозке из Одессы в Севастополь.

1894 г. 26/XI. Севастополь.

В последние дни мы читали биографию скульптора Торвальдсена, помещенную в нескольких №№ Русского Вестника „за 1868 г. Скажи Мише, что, слушая, я часто вспоминал о нем как художнике... и старался забыть, объяснить в его пользу, наши недавние размолвки, вспышки. Как-то идут его дела и в каком он настроении теперь? В каком виде получилась голова Демона вами?

1895 г. 1/I. Севастополь.

Радуюсь, что Миша имеет новые заказы... и довольнее...

1895 г. 14/I. Севастополь.

Радуемся очень, что материальное положение Миши улучшилось, и от души желаем, чтобы не только оно, но и все в жизни постоянно ему улыбалось, мало того — удовлетворяло и ставило все выше и выше.

1895 г. 23/II. Севастополь.

Радует меня портрет Миши, отправленный на выставку. Как-то он будет оценен?

1895 г. 9/III. Севастополь.

Я не писал Мише к 5-му марта—не поздравлял потому, что он принимает эти поздравления за какие-то китайские церемонии и их не любит. Поло-

жим, я смотрю иначе, но уступаю духу времени... в тех случаях, если это никому не вредит. Доволен ли Миша своей посылкой портрета на выставку, и какой результат этого?

1895 г. 22/III. Севастополь.

На-днях, мне говорил один знакомый, что он читал в „Русских Ведомостях“ отзыв о картине Миши, бывшей на выставке. Я желал прочесть этот отзыв, но № Рус. Вед. знакомый мне не указал (даже приблизительно), а потому я найти не мог. Будь так добра, спроси Мишу, читал ли он этот отзыв и в каком именно №? Я найду и прочту.

1895 г. 5/VI. Севастополь.

Где Миша, и как ему живется? Пожалуйста, пиши о нем, что знаешь, так как он сам, вероятно, не желает писать к нам. Жаль! Но насильно мил не будешь.

1895 г. 23/VI. Севастополь.

Ты пишешь, что Миша собирается в конце лета приехать к нам. Очень и очень рады.

1895 г. 17/VII. Севастополь.

Все, все... обнимаем тебя и Мишу и говорим — „до скорого свидания“.

1895 г. 1/IX. Севастополь.

Художник Раевский особенный почитатель таланта Миши, о котором он много слышал в Ака-

демии. Работа Миши — этюд Насти ему тоже очень нравится.

1895 г. 22/IX. Севастополь.

Раевский пишет портрет Насти, но куда ему до Миши по таланту.

1895 г. 5/XI. Севастополь.

Дорогой сын Миша, как твое здоровье и каково настроение? Как идут дела по живописи и скульптура? Лиля [1]) нам говорила, что исполненная тобою голова для оперы „Руслан и Людмила“ настоящий шедевр.

1895 г. 26/XI. Севастополь.

Сегодня я прочел о решении реставрировать ханский дворец в Бахчисарае... и опять вспомнил о Мише. Работа интересная. Что скажет на это Миша?

1896 г. 7/I. Севастополь.

Ты пишешь, что Миша гостит у Грязевых... Где? И каковы отношения Миши к ним? Мне кажется, что я видел m-lle Грязеву (рыженькую) в Академии Художеств. Сохранились ли у него прежние отношения к Мамонтову?

---

[1]) Старшая сестра от второго брака отца, близкая искусству, благодаря долговременному пребыванию в Италии.

1896 г. 23/II. Севастополь.

О Мише знаем из письма Николая Христиановича, что он был в Петербурге и виделся с Жоржей Вессель (оба упомянутые лица—братья мачехи) в театре Панаева... на представлении оперы „Гензель и Грета", для кот. Миша написал, по словам Жоржи, эффектную декорацию. Очень рад. Жаль только, что Миша, взяв адрес Ник. Хре не был у него... и был ли у Жоржи—не знаю. Мне кажется, что коронация и предстоящая выставка в Ниж.-Новгороде представят много благоприятных случаев для артистов, художников (в том числе и Миши).

1896 г. 2/III. Севастополь.

Жаль, что Миша к тебе не пишет и даже не сообщил своего адреса. [1] Нам же он давно, со времени последнего свидания в Одессе, вовсе не писал, прислал только одну или две телеграммы. Жаль тем более, что на-днях ему минет целых сорок лет, т.-е. такие годы, в которые мы бы могли быть ближе чем прежде один к другому. Тем не менее я очень сожалею, что не могу поздравить его с наступающим днем его рожденья, адресуя письмо прямо к нему, так как адреса его не знаю ни в Москве, ни в Петербурге. Прошу тебя, передай Мише, при первой возможности, мое поздравле-

[1]) В Петербурге.

ние и пожелание, чтобы за рубежем 40 лет **он стал к нам ближе, понял и оценил нас лучше.**

1896 г. 21/III. Севастополь.

Возвратился ли в Москву Миша?

1896 г. 26/III. Севастополь.

На-днях получил, наконец, письмо от Миши (от 16-го марта). Оно настолько крупно и нежданно по содержанию, что это — целое событие, и чтобы ты имела о нем полное понятие, посылаю тебе это письмо в подлиннике с тем, чтобы ты возвратила бы его мне с ответным письмом. — Итак, наш Миша—жених Надежды Ивановны Забела! Вероятно **теперь** ты это уже знаешь от самого Миши и уже оценила его шаг. — Что же касается меня и жены, то мы на другой же день отвечали Мише — желали ему всякого благополучия (благословения не посылали потому что сын об этом нас не просил, а может быть, теперь, an fin du isiècle, это не нужно. Так зачем же навязывать то, о чем не просят), а относительно просьбы о высылке метрического свидетельства я уведомил, что свидетельства этого давным давно уже у меня нет, и оно должно быть у него, или в Академии Художеств, или же в Главном Военно-Судном управлении (где он служил) [1].

---

[1]) По предложению Философова.

Пусть припомнит и поищет. Впрочем, для выхода Миши из затруднительного положения, я придумал и нашел возможным прибегнуть к нотариальной копии с метрического свидетельства и сообщил об этом Мише вчера. Вероятно, Миша тебе передал все подробности этой комбинации, и я надеюсь, что она избавит Мишу от больших хлопот и расходов по розыску подлинного мет. свид., особенно, если справки по этому предмету пришлось бы требовать из Тобольской консистории за сорок лет назад. Вот какая новость на нашем горизонте! Дай бог, чтобы она была счастливой новостью!..

1896 г. 18/IV. Севастополь.

Очень рад, что ты встретила известие о решении Миши жениться на m-lle Забела с удовольствием. Ты пишешь: „радуюсь, что Миша избирает своей спутницей жизни артистку — артистическая среда (искусство) — его сфера". Виделась ли ты с невестой Миши? Он обещал нам прислать ее карточку и, возвращаясь из Швецарии в Россию (в Харьков), заехать вместе с молодою женой к нам в Севастополь. Мы разумеется отвечали, что будем очень рады, при чем я просил его прислать нам свою карточку, и выслал ему имевшийся у меня его документ, кот., по словам здешнего нотариуса, может заменить Мише метрику при бракосочетании. Но как идут его работы, которые он

намерен был окончить в Москве до и для свадьбы?

1896 г. 28/IV. Севастополь.

Итак, ты лично познакомилась с невестой Миши и она тебе очень понравилась. Вероятно, понравится и нам при личном знакомстве после свадьбы. Следовательно — это дело стоит хорошо; надо только, чтобы к довершению его — не встретилось препятствий. Видела ли ты работы Миши? Получил ли он документ, кот. я послал ему?

1896 г. 26/VIII. Севастополь.

Третьего дня мы получили 6 бутылок хорошего Донского вина от В. О. Полишевского [1]) (из Таганрога). Угостили им вчера Эспозито [2]). Остальное будет ожидать приезда Миши. Да и пора бы ему уже было быть здесь.

1896 г. 1/IX. Севастополь.

От Миши нет ни слова, и его еще нет.

1896 г. 27/IX. Севастополь.

От Миши из Харькова не имеем ни строчки, а получили умненькое письмо от Надежды Ивановны. Вероятно, ты виделась с ними в Москве. Окончил ли Миша заказ Морозова и получил ли что следо-

---

[1]) Муж племянницы отца.

[2]) Скульптор, дававший уроки скульп. младшей сестре.

вало? Ник. Хр. [1]) уверяет, что Забела (отец) имеет состояние и жена его тоже. Едва ли. — Я слежу аккуратно за успехами Наденьки на сцене. И после дебютов в „Демоне“ и „Евгении Онегине“ послал ей поздравительную телеграмму. На-днях намерен писать Мише.

1896 г. 10/X. Севастополь.

Получил к 6-му [2]) поздравление от Миши с Надей. Письмо Миши как-то теплее, чем все предъидущие. Он повидимому доволен своей Наденькой и ее артистической деятельностью. Находит, что харьковская публика недостаточно еще оценила ее, но без всякого сомнения Надя образует вкус публики, и она будет восторгаться. Сама Надя пишет, что она довольна своим успехом в партере, а вкусу верхов она не намерена и никогда не потворствовала. Я читал рецензии „Южного Края“ (харьковская газета) об исполнении Надей ролей „Татьяны“, „Тамары“. Хвалят верхние ноты и игру. Теперь ей предстоят партии „Манон“, „Греты“, „Эльзы“ и „Елизаветы“ в „Тангейзере“. От всей души желаю ей полного успеха. Квартира Миши из трех хорошо меблированных комнат с хорошим столом, в Классическом пер., д. № 6, в нескольких шагах от театра. Плата 150 р. в месяц. Миша ею пока доволен.

---

[1]) Брат мачехи.

[2]) День рождения отца.

1896 г. 17/XI. Севастополь.

От Миши писем нет, хотя я им писал недели три тому назад. Если у тебя сохранилось письмо Нади — и оно не секрет, то я бы желал прочесть его, а потому прошу тебя выслать со следующим письмом. Хотелось бы мне побывать у них, поглядеть на их житье-бытье, и на перемену в Мише. Об успехах Забелы я читал в 2, 3 №№ „Южного Края“. Может быть, я и пропустил несколько, так как читал только те №№, которые успевал купить у газетчика.

1896 г. 27/XI. Севастополь.

Меня беспокоит молчание Миши и неимение почти никаких отзывов в „Южном Крае“ об успехах Нади на сцене. Уж не переехали ли они в Москву?

1897 г. 1/I. Севастополь.

От Миши кроме телеграммы на 15-ое дек. сведений не имеем. Я слышал только на-днях от вдовы адмирала Вейса самые лестные отзывы о Наде, m-me Вейс познакомилась с нею и с Мишей заграницей. Приехал ли Миша с женой? И что дальше? На-днях я имел удовольствие слышать восторженные похвалы его скульптурной группе „Роберта“. Если будут писать в московских газетах, то уведомь, к каком №. Обнимаю Мишу, если приехал. Как его адрес?

1897 г. 31/I. Севастополь.

Обнимаю Мишу и приветствую его жену Надю.

1897 г. 14/II. Севастополь.

От Миши разумеется ни строчки. Семейный аккорд совершенно расстроен. Вот тебе и плоды просвещения—интеллигенция конца 19-го века. Забелы что-то нет на афишах театра Солодовникова Только Маргарита и Грета.

1897 г. 24/II. Севастополь.

От Миши ни строчки. Неужели у него нет мотивов и материалов для писем к нам, особенно в настоящее время, после того, что так недавно произошло? [1]) Буду писать ему к 5/III. Сообщи его адрес.

1897 г. 5/III. Севастополь.

Письмо к сыну. Я слышал, что с твоих панно сняты фотографические снимки и, вероятно, есть снимки с твоей скульптурной группы. Пожалуйста, если они невелики и недороги — пришли мне по 1 экземпляру.

1897 г. 1/IV. Севастополь.

Я намерен давно писать Мише, но не знаю его адреса. Пожалуйста, сообщи. — Как жаль, что же-

---

[1]) Не удалось устройство сестры-певицы в антрепризе Мамонтова.

нитьба не способствовала к сближению его с семьей. По крайней мере, счастлив ли он? Как тебе кажется?.. Лиля провела в Риме целый день... но с Мишей не виделась. Немудрено!.. Укажи, пожалуйста, номер газеты или журнала, в котором была помещена статья по поводу группы Миши — „Роберт“.

1897 г. 22/VI. Севастополь.

Третьего дня мы получили письмо из хутора Ге— от Миши и Нади. Прилагают фотографическую карточку Нади снятую в Риме известным художником Сведомским,—но, судя по карточке, далеко незнаменитым фотографом. Вообрази, письмо мое, адресованное Мише в Рим, он накануне отъезда таки получил.

1897 г. 7/VII. Севастополь.

На-днях я писал Мише — подал ему мысль заняться проектом памятника Мицкевичу в Варшаве, о котором теперь так горячо пишут в польских газетах, и в 3 недели собрали 150 тыс. рублей, на половину копейками. У Миши вдохновения много... Мицкевич же был вдохновенный поэт-патриот... Право, было бы над чем потрудиться! Но надо было бы прежде всего побывать ему в Варшаве. Что ответит Миша.

1897 г. 2/VIII. Севастополь.

От Миши писем не имеем и не знаем даже, где он в настоящую минуту—в деревне или Москве.

1897 г. 12/IX. Севастополь.

Но что думает Миша? Как мне больно, что между нами и ими такие холодные отношения. — Право, я в этом не виноват.

1897 г. 8/X. Севастополь.

В день 6 октября[1]) получили телеграмму от Миши. Сообщи мне, пожалуйста, адрес Миши и поблагодари его за телеграмму. Не ожидает ли он потомства?.. И как намерены они устроиться на зиму?

1897 г. 23/X. Севастополь.

Обними за нас Мишу и Надю, которую мы все-таки считаем своею.

1897 г. 13/XI. Измаил.

Писал Мише 5 ноября (ко дню его рожденья).

1897 г. 24/XII. Измаил.

Очень рад, что, как ты пишешь, Миша с Надей живут уютно и очень дружно... и каждый занимается своим делом по призванию. Дай бог, чтобы так по крайней мере было и дальше. Что именно готовит Миша на выставку? Как идут дебюты Нади на московской сцене? От Миши все-таки жду письма и карточки.

---

[1]) День рождения отца.

1898 г. Измаил.

2 января мы получили письмо от Миши — и я ему уже отвечал 4. — Он сожалеет очень, что не может послать ничего нового на выставку. Действительно жаль. Надя поет у Мамонтова, и прекрасно! Напомни Мише, пожалуйста, о карточке, ведь у нас только та, которая снята почти 20 лет назад. — О Мише — даже в Неаполе читала Лиля в „Новом Времени“. От него ожидают на выставке „чего нибудь особенного“, как говорят в Одессе.

1898 г. 30/I. Измаил.

26 янв. я писал Наде Врубель по поводу пожара в Солодовниковском театре и, между прочим, спрашивал, какие последовали перемены в театральных делах по случаю этого пожара. Жду ответа. Какое впечатление произвел этот пожар на Мишу и его жену?

1898 г. 12/II. Измаил.

Вчера получили письмо от Миши. Он сообщает о том, что его панно (Утро) на выставке (какой и когда) газеты (какие) разбранили, но тем не менее оно было в первый день выставки куплено (кн. Тенишевой).

1898 г. 12/III. Измаил.

Сегодня мы получили письмо от Ник. Христиановича[1]), в котором он, между прочим, уведомляет

[1]) Вессель — брат мачехи — член Ученого Комитета.

меня о том, что они всей семьей ходили на выставку и видели панно Миши, и слышали пение жены в опере „Садко“, а также видели в театре Мишу и говорили с ним, но он у них еще не был. О картине (утро в лесу, русалки) Н. Х. отзывается, что по замыслу она хороша, но по исполнению — крайне небрежна, тем не менее она куплена Тенишевой (как говорили на выставке) за 2 тыс. рублей. — Исполнение Надей роли в опере „Садко“ очень понравилось и по пению, и по голосу. — Я писал Мише 2 марта, рассчитывая, что он получит его 5 марта, в день его рожденья. Но он письма этого 5-го не получил, так как был уже в Петербурге, и вероятно в театре — потому что, судя по газетам, 1-е представление „Садко“ было 5 марта.

1898 г. 22/IV. Севастополь.

От Миши не имели письма с праздников. Я ожидаю от него, во-1-х, его карточки и, во-2-х, исполнения обещания побывать у нас — лучше всего до или после жаров.

1898 г. 20/V. Севастополь.

Что Миша не пишет? Я не пишу ему потому, что даже не знаю, где он и куда адресовать письма. Мы все-таки надеемся, что он с женой приедут к нам до 1 июня или в сентябре.

1898 г. 5/VI. Севастополь.

От всей души желаю полнейшего успеха Мише... в художественном мире. Получу ли я когда-нибудь карточку Миши?

1898 г. 18/VI. Севастополь.

Вчера я прочел в московской газете „Курьер“ о том, что в Москве решено строить новый великолепный театр, что во главе этого предприятия стоит Мамонтов, а Миша приглашен к участию в постройке как художник. Я хотел писать к нему сегодня, но не знаю — куда. В Москву или на хутор Ге, так как намерение его выехать из Москвы 15 июня легко могло и не осуществиться. — Я все-таки не теряю надежды, что Миша с женой приедут к нам или теперь — до 1 июля, или в августе.

1898 г. 14/VII. Севастополь.

Что пишет тебе Миша?

1898 г. 7/VIII. Севастополь.

30 июля получили заказное письмо от Миши с приложением двух фотографий! На одно они en deux, а на другой Надя в костюме морской царевны из оперы „Садко“. — Миша, я нахожу, далеко моложе своих лет, а она наоборот. Костюм и поза хороши. Миша пишет, что они порешили занять квартиру с мастерской в доме Малича и заве-

стись своей обстановкой и хозяйством. Разумеется, это разумно. Он занят своими спешными (хотя и запоздалыми) работами. В конце августа намерены возвратиться в Москву, где его ожидает много дела, и очень очень интересного. Дай бог, чтобы это удалось... О приезде к нам ничего не пишет.

1898 г. 29/X. Севастополь.

Передала ли ты мое письмо Мише, адресованное на твое имя. Спрашиваю потому, что от Миши нет ни слова. Переехал ли Миша на новоселье?

СОДЕРЖАНИЕ:

Иллюстрации:

На переплете портрет М. А. Врубеля работы В. В. Воинова.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ

И. Е. РЕПИН. Текст С. Эрнста, 32 иллюстр. с автопортретом и автографом художника . . . . 3 р. 50 к.

П. П. ЧИСТЯКОВ. Текст Ольги Форш и С. П. Яремича. Иллюстр. 3 „ 50 „

В. В. ЛЕБЕДЕВ. Текст Н. Н. Пунина. 20 иллюстр. в тексте, 16 фототипий на особой бумаге . . . . . . 7 „ 50 „

З. Е. СЕРЕБРЯКОВА. Статья Н. Э. Радлова . . . . — „ 30 „

Л. Н. ТОЛСТОГО и Н. Н. ГЕ. Переписка . . . . Печат.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРА ИСКУССТВА. Статья Александра Бенуа . . . . 1 р. 40 к.

НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ. Историч. очерк и путеводитель, 40 иллюстраций.; 2 плана: Новгород и окрестность. Сост. М. В. Муравьев . . . . 1 „ 50 „

ПСКОВ. Историч. очерк и путеводитель. Сост. Арк. Васильев и А. К. Янсон . . . . Печат.

ГРАВЮРА НА ДЕРЕВЕ

Сборник I. . . . . Распр.

„ II. Посвящ. Б. М. Кустодиеву . . . . 1 р. 50 к.

„ III. Посвящ. А. П. Остроумовой-Лебедевой . . . . 1 „ 50 „

„ IV. Московские граверы . . . . Печат.

„ V. Посвящ. Д. И. Митрохину . . . . Гот. к печ.

2020074958